

Моей матери,
Селивановой Валентине Ивановне,
посвящена эта работа

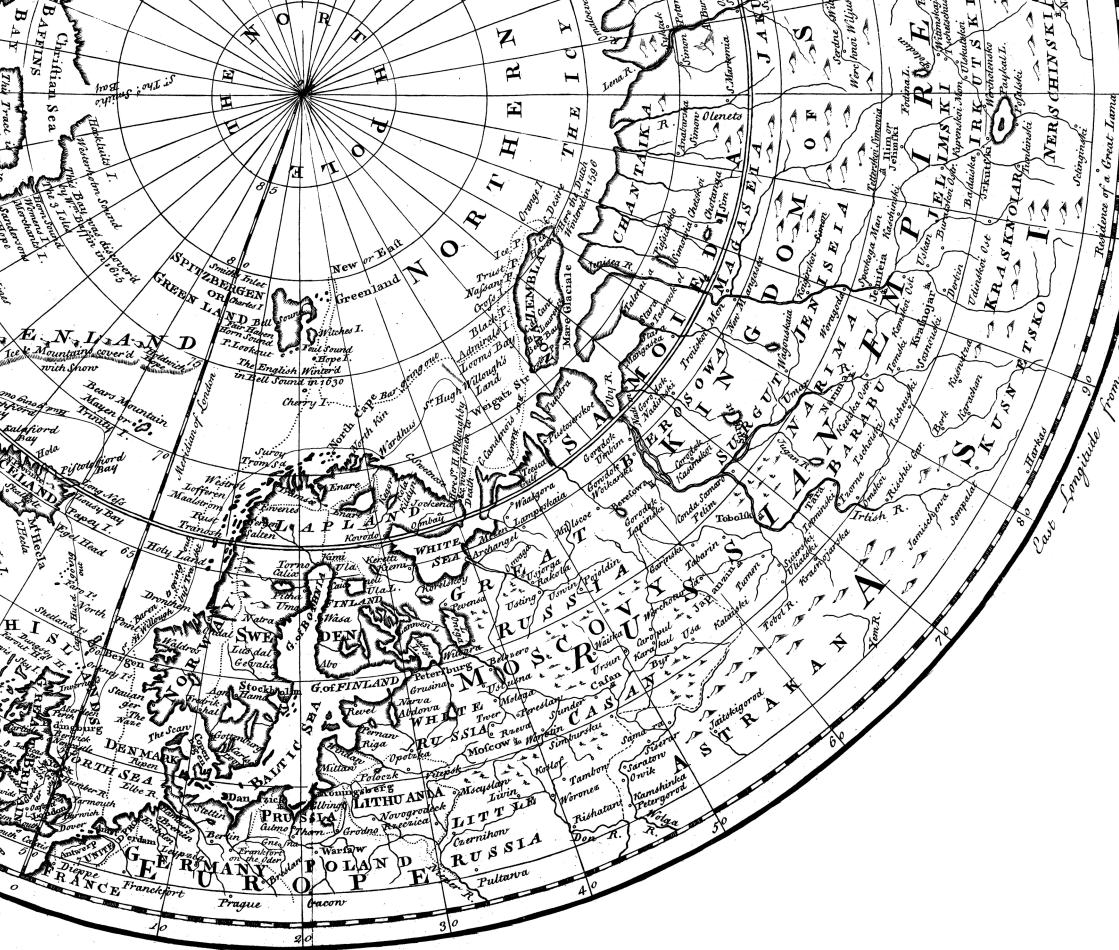

It may be proper to Inform the Curious, that in laying down the Geography of Hudsons Bay, and the Neighbouring Coasts &c. We have consulted, and in some respects followed Capt. Middleton's Draught: But more particularly that of Capt. Smith's and the Officers of the Furnace Stoop, and Discovery Pinnac from 37 to 67 Degrees North Latitude. We have also perused, and deriv'd some assistance from a Chart of these parts lately published, Dedicated to Arthur Dobbs Esqr. The Authorities here refer'd to, are the most authentick yet Extant: but the publick is in great Expectation of New Discoveries from the Expedition of the Dobbs Galley and the California which parted by Yarmouth the 3^d of May 1746 under convoy of the Loo of 40 Guns, on their Voyage to Discover the N.W. passage by Hudson's Streights.

Издательский Дом

РЕГNUM

Москва 2013

Дмитрий Семушин

«Поморский вопрос» и Русская Арктика

Сборник статей
под редакцией М. А. Колерова

УДК 94(470.1/2)(08)

ББК 63.3(235.1)-38

С 30

Дмитрий Семушин

С 30 «Поморский вопрос» и Русская Арктика / Сб. ст. под ред. М. А. Колерова.

М.: Издательский Дом «РЕГНУМ», 2013. 256 с.

ISBN 978-5-91887-024-2

ISBN 978-5-91887-024-2

© М. А. Колеров, составление и предисловие, 2013

© Д. Семушин, текст, 2013

Содержание

<i>Модест Колеров. От издателя</i>	7
«Поморский вопрос»: фальсификация и этносепаратизм.....	17
Кто такие настоящие поморы Русского Севера.....	25
Этапы «поморского возрождения».....	28
Поморский исторический миф профессора Булатова.....	38
Миф о великих поморах.....	52
Миф о том, как поморы Сибирь освоили.....	53
Миф об отсутствии крепостного права в Поморье	56
Подведем итоги.....	62
Фальсификация под видом «науки»: на чём «поморы» основывают свои политические и материальные претензии	64
«Поморство» Ломоносова — миф.....	69
Глядя на Ломоносова по-поморски.....	87
Поморы против русских — Норвегия против России.....	98
Зачем «Норвежско-поморское возрождение» русским детям?..	104
«Норвежские поморы».....	105
Баренцев регион	106
Сходство культур, быта и образа мышления	106
Норвежцы — ближайшие европейцы для поморов	107
Норвежцы — самые первые наши благодетели	107
«Поморское соглашение» и национальное предательство	114
«Поморская истерия»: механизм этнобизнеса.....	121
«Поморская истерия»: когда в Русской Арктике Норвегия будет «вести переговоры с поморами», а не с Россией?	130

Норвежско-архангельский расизм: существует ли «поморская кровь»?	137
Арктический федеральный университет присудил учёную степень исследователю «моя-по-твоя»	143
Русским на Севере предлагают стать nordman.....	147
«Полуношный университет» нашёл «коренных» собственников ресурсов Русской Арктики	151
«Поморская» культурная варваризация русского общества и деградация университетской науки.....	155
«Кухонные» национально-культурные автономии Архангельска.....	163
На Русском Севере — факельные шествия этносепаратистов.....	173
Мнимый «коренной народ» Русского Севера и дизайнеры его «национального костюма».....	183
Что такое «поморская культура»?	
Чем живём-кормимся, земляки?.....	190
Как появилось «научное обоснование» этничности поморов: ценные признания проф. Шабаева	199
Архангелогородские «поморы» продолжают сеансы саморазоблачения своей «идентичности»	206
«Коммерсантъ» на защите «детей лейтенанта Шмидта» и этносепаратизма на Русском Севере	211
«Циркумпольная» лженаука — против Русской Арктики.....	223
«Циркумпольные коренные народы» — инструмент изгнания России из Русской Арктики	231
Кто и как начал отторгать Русскую Арктику от России?	241
<i>Сергей Некрасов. Вместо послесловия</i>	<i>247</i>
Литература.....	254

Модест Колеров

От издателя

6 октября 2011 года автор этих строк, будучи главным редактором информационного агентства REGNUM, дал старт публикации серии аналитических статей уже известного мне специалиста по исторической географии и демографии Русского Севера, архангелогородца Дмитрия Леонидовича Семушина, посвящённых ясно определившемуся «поморскому вопросу».

К тому времени, в лице своего подразделения «Архангельские новости», REGNUM работал в городе, области и в сопредельных ей субъектах федерации около 10 лет и начиная с 2002 года опубликовал более 200 текстов нейтрально-позитивного характера о набирающем информационную, бюрократическую и международную силу «поморском движении», быстро выходящем за пределы локального туристического затейничества и пользующемся нарастающей официальной и полуофициальной поддержкой со стороны Норвегии. Мне же уже были известны и такие плоды «международного» (а на деле — вполне в духе времени спонсорского и колониального, доминирующе норвежского) сотрудничества жителей и чиновников Архангельска с Норвегией, как сугубо норвежские, иноязычные и маркированные иностранными библиографическими кодами книги с местом издания Arkhangelsk, и массовое, распространяемое в русских школах Архангельска издание «двуязычных» сказок — на норвежском языке и свеже-

изобретённой «поморской говоре»... Как соредактор исторического альманаха «Русский Сборник», опубликовавшего предметное исследование старшего научного сотрудника Норвежского института оборонных исследований (Осло) Тома Кристиансена по теме¹, я был хорошо знаком и с конфликтной стороной русско-норвежских отношений на Севере, дипломатично игнорируемой пропагандистами общего для Баренц-региона «поморства».

«Поморский вопрос» в Архангельске определился, приобрёл эшелонированную административную поддержку местных властей и университета, стал центральным пунктом гуманитарной повестки дня в российско-норвежских отношениях на Русском Севере, но... любому добросовестному человеку, получившему базовое гуманитарное образование, было ясно, что, кроме энергичных и, может быть, вполне добросовестных усилий по сотворению художественного мифа, краеведческой легенды, локального патриотизма, поиска языка и буквально изобретения с нуля своей уникальной идентичности, *почему-то политически* поддерживаемых Норвегией, *экономически* почти не имеющей с Архангельской областью статистических весомых связей, — исторически, этнографически, культурно, лингвистически, археологически — научно «поморский вопрос» был даже не поставлен, не выяснен и оставался предметом, как минимум, произвольной риторики.

Каково же было моё удивление, когда первые же — после 200 позитивных текстов за 10 лет — появившиеся в REGNUM после 6 октября 2012 года 5–7 критических и аналитических материалов по теме — уже 20 октября вызвали, прямо говоря, истерическую реакцию почётного консула Норвегии в Архангельске! Приведу сообщение, опубликованное тогда агентством в полном соответствии с волей консула и лишь отчасти сопровождаемое специально отмеченными разъяснениями от редакции.

¹ Том Кристиансен. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Иванович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Том VIII. М., 2010. Электронную версию см.: www.iarex.ru/books/book30.pdf (сокращённую републикацию см.: ИА REGNUM, 5 ноября 2011 // www.regnum.ru/news/1463778.html). Первая публикация (на норвежском языке): Historisk Tidsskrift. 1997. No. 1.

Публикации на страницах ИА REGNUM приобретают какой-то ёрнический и действительно провокационный характер, считает почётный консул Королевства Норвегия в Архангельске Андрей Шалев. По просьбе корреспондента ИА REGNUM он прокомментировал активную дискуссию, развернувшуюся на страницах агентства о поморах. Приводим его комментарий без купюр:

«Вообще-то, я не должен комментировать чужие галлюцинации — нельзя отнимать хлеб у психиатров. Но проблема в том, что последние публикации в агентстве ИА REGNUM многие принимают всерьёз. Мне, например, пишут мои друзья из Норвегии и спрашивают, что это — безграмотность, безумие или провокация?

Спор о том, являются ли поморы коренным народом Арктики, — это дело историков и антропологов, а официальное решение о включении их в перечень коренных и малочисленных народов — прерогатива официальных властей Российской Федерации. У меня нет на этот счёт сформировавшейся позиции. Я, например, к поморам себя пока не отношу, хотя все мои предки были северянами. Я считаю себя русским. Пусть кто-нибудь подойдёт ко мне и попытается убедить меня в том, что я не русский, а, скажем, ительмен. Но есть люди, которые называют себя поморами. Их немало, несколько тысяч. Существенно больше, чем, к примеру, в похожей на поморов общности камчадалов, включённых в единый перечень коренных малочисленных народов. У камчадалов, кстати, более короткая история по сравнению с поморами, но это нисколько не умаляет их прав на собственную этническую идентичность. Почему я не должен верить человеку, который говорит, что и он, и его мама и папа, и бабушка и дедушка считали и считают себя поморами? Только на том основании, что какие-то юмористы во время переписи 2002 года называли себя гоблинами и эльфами?

Такого рода стёб не делает чести основному автору публикаций в ИА REGNUM Дмитрию Семушину, потому что историк и специалист по исторической географии, как он себя называет, не может не знать о таких признаках этноса, как общая история, культура, язык, территория. Значит, это либо безграмотность, либо заказ? Честнее всего было бы автору (или авторам) этих публикаций встретиться с людьми, которые считают себя поморами, и объяснить им лично, а не посредством интернета, что они вовсе не помо-

ры. Я встречался с этими достойными людьми и предполагаю, что разговор будет непростой. Возможно, на этом и дискуссии придёт конец. Но дело не в этом, конечно. Мелкими уколами, провокационными намёками в адрес поморов, которыми пестрят упомянутые публикации, поморский вопрос не решить. Вот обострить проблему этим способом, поспособствовать тому, чтобы сделать поморское движение более радикальным, — это да, можно. И если в этом цель публикаций на эту тему в уважаемом мной ИА REGNUM, то флаг в руки, продолжайте в том же духе! Но — о другом, господа. Воспалённый патриотизмом автор всё время пытается свести поморский вопрос к влиянию из-за рубежа, а конкретно, из Норвегии. Речь идёт о том, что «Поморское Возрождение» якобы сконструировано на норвежские, ну заодно и на американские деньги. Как почётный консул этой страны в нашем городе, не могу не прокомментировать эту тему.

Про американские капиталы активистов поморского движения сказать ничего не могу, не сведущ, но по поводу норвежского финансирования скажу со всей ответственностью: никаких грантов ни от Норвежского Баренцева Секретариата, ни от Консульства Норвегии никогда поморы не получали. «Поморское Возрождение» сформировалось задолго до начала первых контактов активистов этого движения с норвежскими партнёрами. Поддержка Баренцева Секретариата в издании «Поморских Сказок», вызвавших наибольшую ненависть Дмитрия Семушина, свелась к приобретению части тиража этой замечательной книжки. Между прочим, эта книга — действительно просто сборник очень забавных сказок, поморских и норвежских, переведённых на оба языка, и её издание призвано было подчеркнуть общие черты наших народов, живущих по соседству в течение многих веков. Издавалась она на средства авторов. Увидеть в сборнике сказок угрозу национальной государственности, это, друзья мои, находится за пределами здоровой психики. Норвежцы несколько лет назад перевели сказки нашего Шергина, и я что-то не слышал от них истерик подобного рода.

Наше отличие в том, что автор старательно ищет различия между нашими народами. Пусть объяснит, зачем? Мы же стараемся найти общее, чтобы жить в мире и дружбе и дальше, как наши предки жили. Кстати, существование «поморской торговли» никто не отрицает. Её многие идеализируют, но не в этом дело. За её счёт, то есть за

счёт менового обмена с норвежцами жила в своё время добрая половина Архангельска. И норвежцам от этой торговли не худо было. До сих пор добрым словом вспоминают. Поэтому, кстати, некоторые из них и называют себя «норвежскими поморами», чтобы подчеркнуть важность опоры на традиции тех лет, когда северяне не знали границ, торговали беспошлинно, дружили, учились друг у друга. Вот в последней, по-моему, публикации Семушин вынес в заголовок слова, сказанные на съезде поморов, моего друга из Вардё Реми Странда, доброго и умного человека, часто бывающего в Архангельске. В версии Семушина они звучат так: *«Главной целью сегодня должно стать использование истории поморов так, чтобы в будущем организовать «беспроектную лотерею» для нас»*. Я не могу требовать от автора знания норвежского языка, возможно, он использовал какой-то некачественный подстрочник, но вот как эти слова звучали в реальности в переводе с норвежского: *«На сегодняшний день надо использовать поморскую историю таким образом, чтобы в будущем у нас была взаимовыгодная связь»*. Зачем автор переврал текст, я не знаю. Но он ещё выдернул фразу из общего контекста, что в корне меняет весь смысл выступления. Это недостойно и нечестно

(В опубликованной ИА REGNUM «версии Семушина» процитирован текст выступления Реми Странда, впервые опубликованный «Поморским центром публичной политики» 24 сентября 2011, он доступен и теперь: <http://www.pomorcpp.org/insight/?id=3608> (в поисковых машинах сохранены копии текста), но прежде о протестах А. А. Шалева и Р. Странда по поводу некорректной публикации «Поморского центра публичной политики» ничего не сообщалось. — ИА REGNUM.)

Контакты между архангельскими поморами и ассоциацией поморов Вардё ведётся исключительно на общественных началах и являются частью сотрудничества между городами-побратимами Архангельск и Вардё. В подавляющем большинстве случаев — это культурные обмены, организация выступлений творческих коллективов, выставок, совместного издания книг. Но сегодня контакты между архангельскими и норвежскими поморами уже становятся основой для проектов более широкого содержания — коммерческих

связей, организации туристических маршрутов, школьных обменов. Это и есть та самая «взаимовыгодная связь» на основе поморской истории, о которой говорил Реми на Съезде поморов в Архангельске. Прошедшим летом, к примеру, по инициативе архангельских поморов в Вардѣ на берегу Баренцева моря на месте древнего захоронения их предков был установлен мемориальный крест. Специально для Дмитрия Семушина сообщая, что крест был воздвигнут исключительно на российские пожертвования, без малейшего участия норвежских денег. В Вардѣ уже много лет работает Поморский музей, проводится Поморский фестиваль. Недавно был создан Поморский ансамбль, в котором участвуют музыканты из Архангельска, Мурманска и Вардѣ. Так что если рассуждать непредвзято и не пользоваться конспирологическими мифами, то скорее можно утверждать о том, что благодаря деятельности Ивана Мосеева и его сподвижников на наших глазах происходит превращение поморского бренда в международный, благодаря чему ведётся пропаганда наших культурных и духовных ценностей за рубежом. Это в точности соответствует приоритетам внешней политики России.

Приведу в этой связи слова человека, который, возможно, является большим, чем я, авторитетом для Дмитрия Семушина: *«Сегодня не только Федерации, но и регионам приходится ежедневно заниматься и проблемами соотечественников, и непростыми миграционными вопросами, культурными связями с сопредельными территориями. Причём такая «гуманитарная активность» значит для интересов страны не меньше, чем деятельность российского бизнеса за рубежом»*. Эти слова были сказаны В. В. Путиным на одном из заседаний Государственного Совета, посвящённом роли регионов в обеспечении внешних интересов России.

Не удержусь и приведу ещё одну цитату из этой речи: *«Перспективным представляется работа территорий в международных региональных организациях и экономической, и гуманитарной направленности»*. Такого рода международной региональной организацией является, в частности, Баренцев регион, явившийся ещё одним объектом ядовитых замечаний Семушина. При этом Семушин ещё и задевает добрую память уважаемого в нашем городе профессора Булатова, обозначив его чуть ли не проводником иностранных интересов. Надеюсь, что ученики и друзья Владимира Николаевича найдут в себе силы защитить его светлое имя. Но отрицать интерес

Норвегии в создании Баренцева региона глупо, так же как глупо отрицать и интересы других государств, подписавших почти двадцать лет назад Декларацию о создании Баренцева Евро-Арктического Региона — России, Швеции и Финляндии. При этом опять же речь идёт об общих интересах наших держав в Арктическом регионе и о создании механизмов соблюдения баланса этих интересов. Это особенно важно в преддверии масштабного освоения арктических ресурсов.

Министерство иностранных дел России неоднократно подчёркивало, что Баренцев регион — одна из наиболее успешных форм международного регионального сотрудничества, в которых участвует наша страна. В его активе уже тысячи совместных проектов и огромное множество основанных на доверии и общей пользе связей между людьми через границы. Многие жители Архангельской области, так же как и мурманчане, жители Карелии и Коми могут подтвердить мои слова. Эта конструкция уже доказала свою устойчивость и эффективность, но, как любой продукт политической инженерии, конечно, по-своему хрупка. Её по-прежнему легко разрушить неосторожными односторонними действиями. Антипоморская истерия в ИА REGNUM — это пример такого рода деструктивного действия, пусть и достаточно редкого в наши дни свойства. Однако, несмотря на то, что политическую конструкцию достаточно легко дезавуировать и разрушить, упомянутые человеческие связи через границы, лежащие в основе Баренцева сотрудничества, разрушить весьма и весьма непросто. Историческая память очень устойчива.

А. А. Шалев, директор Информационного офиса Норвежского Баренцева Секретариата, Почётный Консул Норвегии в Архангельске²».

Не считая для себя возможным вступить в полемику с объявленной консулом (и очевидно, не ставшей результатом экспромта) целой программой деятельности и системой принципов Норвегии в «поморском вопросе», я не мог не увидеть, что в главном, в содержательном, фундаментальном пункте о поморской идентичности иностранный консул ступает на научно зыбкую, но по-

² ИА REGNUM, 20 октября 2011 : www.regnum.ru/news/polit/1458079.html

литически управляемую почву произвола в духе «пока не помор». Примечательно также, что консул уже в этом своём выступлении объявил пропагандистскую программу дискредитации любого критического анализа «поморства» и роли Норвегии в его продвижении, которую по сей день реализуют защитники «поморского» nation-building: грязные рассуждения о «нездоровой психике», циничные (в условиях, когда все главные деятели «поморства» прошли через реальный бизнес 1990–2000-х гг. вокруг местных ресурсов) рассуждения о «заказе», то есть продажности оппонентов, демагогическое адвокатирование исторических фальсификаций путём объяснения их коммерческой прибыльности и политической корректности...

Понимая всю автопортретность рассуждений консула Норвегии (и адвокатов «поморства») о политическом или коммерческом «заказе» и коммерческой выгоде «поморства», я счёл обязательным для себя и агентства бескомпромиссно объясниться и в тот же день опубликовал заявление в адрес консула, на которое до сих пор так и не последовало ответа по существу. В заявлении главного редактора говорилось:

«Директор информационного офиса Норвежского Баренцева Секретариата, почётный консул Норвегии в Архангельске А. А. Шалев выступил на ленте ИА REGNUM с комментарием, в котором, демонстрируя степень своей профессиональной пригодности к работе в информационном офисе и в качестве представителя интересов Норвегии, допустил клеветнические измышления в адрес ИА REGNUM и его автора.

1. А. А. Шалев, недобросовестно интерпретируя информационную политику агентства в освещении дискуссии, идущей вокруг «поморского вопроса», сообщении новостей о деятельности государственных (включая Арктический федеральный университет) и общественных организаций по его изучению, клеветнически назвал полноту позитивной и дискуссионной картины вопроса «антипоморской истерией» и выбрал главным представителем научной критики поморского этностроительства автора агентства Д. Л. Семушина, недобросовестно умолчав об опубликованных агентством суждениях профессора Ю. П. Шабаева о попытках «торговли этнонимом» и сдержанных комментариях академика В. А. Тишкова о несостоятельности претензий поморов на уча-

стие в распределении природных ресурсов региона вне ведения традиционных для них промыслов.

2. А. А. Шалев солгал, заявив, что в редакционной политике ИА REGNUM по «поморскому вопросу» возможен «заказ», не приведя и категорически не имея (за их абсолютным отсутствием) никаких доказательств того, что такой «заказ» существует.

3. А. А. Шалев, будучи, несомненно, выдающимся специалистом по информационной политике и представлению интересов Норвегии в России, в своём заявлении при анализе текстов, опубликованных агентством, не раз прибегает к медицинской терминологии, клеветнически утверждая, что эти тексты должны быть предметом не информационного, а психиатрического анализа и находятся за пределами «здоровой психики». Будучи уверенным, что любой текст любого автора, в том числе А. А. Шалева и его работодателей, вполне законно может стать предметом психиатрического анализа на предмет нахождения за пределами «здоровой психики», я, тем не менее, требую, чтобы А. А. Шалев предъявил не им собственноручно изготовленные, а аутентичные заключения специалистов, позволяющие ему заявлять о признаках душевного нездоровья в текстах, и решения суда о признании кого бы то ни было из участников дискуссии по «поморскому вопросу» душевнобольными, то есть психически нездоровыми.

Пока А. А. Шалев не привёл указанных доказательств — а я уверен, что он и не может и не сможет их привести, даже если ему в этом поможет весь персонал Норвежского Баренцева Секретариата и вся дипломатическая служба Королевства Норвегия, — я заявляю о том, что директор информационного офиса Норвежского Баренцева Секретариата, почётный консул Норвегии в Архангельске А. А. Шалев является лжецом и клеветником»³.

На следующий день на запрос ИА REGNUM откликнулось посольство Норвегии, сняв с себя дипломатическую ответственность за «поморскую политику» своих должностных лиц и тем приглашая проанализировать её истинные мотивы:

«В посольстве Норвегии в Москве не смогли подтвердить официальный статус заявления почётного консула Норвегии в Ар-

³ ИА REGNUM, 20 октября 2011 : www.regnum.ru/news/1458169.html

хангельске Андрея Шалева против «антипоморской истерии», развязанной, по его мнению, в ИА REGNUM. В комментарии корреспонденту агентства представитель посольства сообщил, что официальный статус заявления А. Шалева не смогли подтвердить ни атташе посольства по культуре, исполняющий также обязанности пресс-атташе, ни атташе посольства по рыболовству»⁴

Все вышеприведённые разъяснения понадобились мне не только для того, чтобы восстановить политический контекст «поморского вопроса» и всю степень вовлечённости Норвегии в развитие «поморского вопроса» в России, но и для того, чтобы по справедливости оценить степень научной и гражданской самоотверженности Дмитрия Леонидовича Семушина, при поддержке коллег в информационном агентстве, во всём остальном практически в одиночку принявшего вызов этностроителей, их влиятельных административных покровителей в России и за рубежом, и, при преобладающей пассивности профессионального сообщества в Москве и Архангельске, подвергнутого уничтожающей научной и общественной критике мошеннический «поморский» фальсификат, вокруг которого ещё долго будут кружить специальные службы Норвегии и слабые души русской общественности, бросающиеся поспекулировать вокруг «профессиональных меньшинств» и их доступа к большому бизнесу и большой политике в начинающейся «борьбе за Русскую Арктику». Одно ясно — уважающее себя профессиональное сообщество гуманитариев, служащее науке, больше НИКОГДА не станет даже пассивным соучастником политически ангажированной фальсификации «поморского возрождения». И в этом — редкий в наше время профессиональный подвиг историка, который своё служение Родине видит в её посильном освобождении от лжи.

⁴ ИА REGNUM, 21 октября 2011 : www.regnum.ru/news/1458405.html

«Поморский вопрос»: фальсификация и этносепаратизм

В Архангельской области «поморская идея» была включена в региональную идеологию с начала 1990-х годов, но актуализация поморской этничности началась лишь с начала XXI века, когда появились реальные перспективы политической и экономической «торговли этнонимом». После 2002 года идёт политизация начатого недавно этнического процесса. Действительная историческая поморская идентичность была размыта уже к концу XIX в., а в XX столетии она полностью перестала быть актуальной. Там, где в XVII — начале XX в. проживали настоящие поморы в историческом Поморье на Поморском берегу Белого моря, всероссийские переписи 2002 и 2010 годов их не обнаруживают. Заметим, что в историческом прошлом эта поморская идентичность никогда не локализовалась у населения, живущего в Архангельске или по течению реки Северная Двина.

В настоящее время в городах Архангельске, Северодвинске и Новодвинске предпринимаются попытки создать новую поморскую городскую идентичность, имеющую только воображаемую связь с исторической. Эта современная поморская идентичность является продуктом этноконструирования средствами современ-

ной культуры. Процесс создания новой поморской этнической идентичности идёт через реидентификацию в искусственно создаваемых социальных группах — «воображаемых сообществах». Реально сегодня в регионе существует не одна поморская идентичность, а целое «поле идентичностей». Систематизация новой поморской идентичности сложна, поскольку она достаточно неопределённа и сильно мифологизирована (проф. Юрий Шабает). Новые идентичности строятся, используя прежний субэтноним и историческую память, но по своему содержанию — это уже совершенно иные идентичности. Поэтому нужно весьма осторожно подходить к решению вопроса о том, можно ли считать названные группы самостоятельными этническими сообществами.

«Поморское возрождение» и «поморы» в Архангельске, на самом деле, есть городское этносепаратистское движение в основе своей из среды местной малокультурной и невежественной интеллигенции, лишь неумело маскирующей себя под настоящих исторических поморов. Активисты городских «поморов» не связаны ни своей генеалогией, ни местом проживания своих предков с настоящими историческими поморами. Поморская этническая идентичность у них обусловлена историческим мифом, созданным в 1990-е годы профессором Архангельского пединститута Владимиром Николаевичем Булатовым (1946–2007). Основные положения мифа сводятся к утверждению, что территория всего Русского Севера от Вологды до Урала в XV–XIX веках называлась Поморьем. Поморье это якобы было населено «этносом поморы», которые были завоёваны, как он говорил, «москалями» и потом ассимилированы русскими. Несмотря на активные процессы ассимиляции, по Булатову, «поморы» якобы сохранили своё «национальное самосознание» до наших дней и начали своё «возрождение». По утверждению ведущих идеологов движения, «поморы» — это финно-угорский этнос. Концепция Булатова и его последователей не подтверждается историческими документами, материалами этнографии и фольклора. Это злостная фальсификация, имеющая антигосударственный и антинациональный характер. В Архангельске в 1990-е годы появились деятели, которые вслед за Булатовым стали доказывать, что был такой маленький, но гордый и работающий народ «поморы» и русские этих «поморов» давили, но не додавили, и теперь оставшиеся в живых

потомки имеют право на крохи от госбюджета. Был создан миф о поморах — выстроено здание, под которым нет фундамента, а не рушилось это здание потому, что его со всех сторон стали подпирать подпорки в виде норвежских денег.

Схема «Поморского возрождения», если очистить её от словесной шелухи, довольно проста: 1. Поморы — не русские. 2. Поморы — это малочисленный коренной народ «Российского» Севера. 3. У поморов много общего с норвежцами, таким же коренным народом Севера. 4. Поморам надо возрождать и крепить связи с норвежцами, которые существовали ранее в XVIII–XIX веках.

О пятом пункте, о возможном выходе из состава Российской Федерации, никто, разумеется, открыто не говорит, но он подразумевается, для чего, собственно говоря, и кружится в Архангельске с середины девяностых годов прошлого века весь этот «поморский хоровод». Это — хоть и потенциальный, но очень мощный фактор норвежского и иного влияния на Русский Север теперь, когда началась острая военно-политическая и разведывательная борьба за Русскую Арктику и её ресурсы.

Одновременно эгоистический территориальный аспект является значимой составляющей идеологических конструкций поморских активистов. В основе попыток сконструировать новую поморскую идентичность лежат на самом деле политические и экономические интересы местных элит. Региональная архангельская элита с начала 1990-х годов продвигает идею превращения Архангельска в экономическую и культурную столицу Европейского Севера России и объединения вокруг неё северных регионов. В результате поморская идея стала идеологией регионального общественно-политического движения, противопоставляющего себя федеральному центру под лозунгом создания «Поморской республики». С начала 1990-х годов на первом этапе в официальное и публичное пользование для топонима Архангельской области было введено не имеющее чётких географических границ понятие «Поморье». В XVI–XIX веках в местном употреблении Поморьем на самом деле именовался локальный район — Кемский уезд (Поморский берег современной Карелии). Культурная работа, деятельность местных СМИ в Архангельске способствовали утверждению и закреплению понятия «Поморье» в повседневности.

Далее потребовалась некая титульная этническая составляющая для этого региона. Тут на местной политической сцене и появились «поморы». Процесс северной регионализации и формирования трансграничного норвежского Баренц-Евро-Арктического региона (БЕАР) имеет не только политическую, но и культурную составляющую, ориентированную вовне, и в этом смысле новая поморская идентичность есть ещё один аргумент для интенсификации данного процесса. Как свидетельствует опыт 20-летнего существования Баренц-региона, его руководители в Норвегии не столько стремятся придать ему функциональный экономический характер, сколько через культурную работу в российской его части добиться создания «идентичного региона» — области, где население имеет определённое внутрорегиональное самосознание, противостоящее как Москве, так и другим регионам России. При этом целенаправленное формирование транснациональной северной идентичности — *northernness* — нисколько не затрагивает самих скандинавов. Отсутствие реальной экономической интеграции в Баренцевом регионе подменила целенаправленная культурная работа. Норвежский Баренц-регион дал политическую программу, на основании которой в российской части началось искусственное конструирование предыстории, способной создать новую идентичность как в пространстве, так и во времени. Конструируемые модели нового этнического поведения, по замыслу стратегов Баренц-региона, должны не только преодолеть сложившиеся за 70 лет советской власти стереотипы поведения и идентификационные характеристики северорусских областей, но и стать основой для новой «северной идентичности». Адресная подрывная культурная деятельность норвежского Баренц-региона, в конечном итоге, как теперь стало ясно, получила фундаментальную цель, поскольку именно Русский Север занимает особое место в формировании русского национального этнического самосознания. Именно этот регион сыграл выдающуюся роль в формировании общерусских культурных символов. Вот по этой основе и был нанесён удар «поморством». Эти русские национальные символы и попытались украсть творцы новой «северной идентичности». Так, Архангельск стал восприниматься как некая интеллектуальная и культурная столица историко-культурного региона, называемого уже не «Русский

Север», а «Поморье». Провинциальный, довольно запущенный внешне и грязный город стал возвышенно именоваться «Столицей Поморья». В настоящее время при сотрудничестве с норвежцами в Архангельске идёт работа, чтобы понятия «Поморье» и «Баренцев регион» стали тождественными. Деятельность идеологов поморского этносепаратизма получила поддержку из-за рубежа. Проекты по созданию «поморского» литературного языка финансировались фондом Форда (США) и Баренцева Секретариата (Норвегия). В целом, гуманитарные программы норвежского Баренцева региона в Архангельской области направлены на изменение сознания местных русских, в том числе этнического.

«Поморская истерия» в региональных СМИ в 1990-е годы подготовила почву для того, чтобы перепись 2002 года показала наличие в Архангельске новой городской поморской идентичности. Ссылаясь на данные переписи, региональные власти обратились в федеральному центру с требованием признать в качестве «коренного и малочисленного народа» «поморов», хотя в персональном плане весь актив движения не имеет никакого отношения к историческим поморам. В СМИ уже начали обсуждать проблему вычленения из территории Архангельской области отдельного автономного поморского округа. Эту идею предложил «этнический помор» проф. Юрий Лукин¹. Многим как на месте, так и в столицах стало казаться, что «Поморье» и «поморы» были в Архангельске всегда. Но уроженцы этого города старшего поколения, которые здесь учились и всю жизнь прожили, могут свидетельствовать, что о поморах как об этносе здесь никто раньше никогда не говорил и этнического деления на поморов и русских никогда не было. Поморами называли исключительно людей, живших на побережье Белого моря и занимавшихся промыслом морского зверя и рыбной ловлей.

В 2000-х годах в Архангельске «поморы» (а точнее — группа активистов) заявили о своих претензиях на территорию, ресурсы и культурный приоритет. Конструирование поморского этноса как особого псевдофинно-угорского сообщества преследует как политические, так и экономические цели. Сегодня по-

¹ Лукин Ю. Право поморов: политическое самоопределение нового коренного народа // Известия. М., 2002. 17 октября. С. 11.

морский «бренд» активно используется и лидерами поморского движения, и местными властями, и интеллектуалами для сугубо прагматических целей. Главная из них — получение официального статуса коренного малочисленного народа и включение «поморов» в Перечень коренных малочисленных народов РФ. Но активисты «поморского возрождения» в Архангельске в ближайшей перспективе присматривают для себя статус «коренного народа» в «международных категориях права». Статус коренного народа не только позволяет получать определённые преференции со стороны федерального правительства, но и гарантирует финансовые поступления от компаний, ведущих хозяйственную деятельность на территории проживания такого народа. Политико-экономический проект «поморы» в случае реализации может принести его участникам и организаторам солидные дивиденды. Но на практике в локальном варианте это прямой путь к развалу России.

Рассмотрение ценностных установок кружка городских активистов «поморов» выясняет, что целью поморских этносепаратистов является занятие лидерских позиций в создаваемом ими самими под себя искусственно «коренном и малочисленном народе» для «руководства» и посредничества над финансовым потоком предполагаемых субсидий и квот населению «поморских» деревень.

Но в поморском проекте, с нашей точки зрения, гораздо более опасным является всё-таки создание новой региональной идентичности. В рамках её кружок современных этносепаратистов с их идеологией представляет сейчас крайнее маргинальное явление. Но в будущем всё может измениться.

Начиная с 6 октября 2011 года автор этих строк выступил на страницах ИА REGNUM с серией статей о создании новой поморской этнической идентичности в Архангельске². Был разоблачён исторический миф, лежащий в основе этой политической махинации и аферы. Названы имена деятелей науки и культуры в Архангельске, занимающихся подрывом русской идентичности. Каких-либо опровержений фактов этих публикаций или объяснений из научных кругов в Архангельске не поступило.

² Сюжет «Поморский вопрос»: <http://regnum.ru/dossier/1853.html>

Почётный консул Норвегии в Архангельске Андрей Шалев назвал наши публикации «антипоморской истерией». Заметим в связи с этим, что в 2011 году пишущий эти строки оказался единственным историком в Архангельске (какая ж это истерия?), который дал серию публикаций в СМИ по проблеме современного поморского этностроительства и участию в нём граждан и дипломатической службы соседней Норвегии. Остальные предпочли отмалчиваться, хотя многие из них, как говорится, были «в теме», или в единственном числе — предпочли «недоумевать», как это делал адепт идеи «Поморской республики» нынешний патриот России профессор Юрий Лукин. Доктор исторических наук Юрий Лукин задавал риторические вопросы, делая вид, что не знает на них ответы: «Я не понимаю, почему бездумно к месту и не к месту надо всё время употреблять концепт «поморы» без прилагательного «русские»? Говорить «Поморская культура», а не «культура русских поморов»? Зачем отождествлять всю Архангельскую область с интернациональным понятием «Поморье», а не с «Русским Севером», например?»

В этой связи мы и попытались ответить на поставленные вопросы, заодно и предав на суд народа творимое этносепаратистами, их пособниками и иностранными покровителями в Архангельске.

Поэтому говорить следует не об «антипоморской», а именно о «поморской истерии», у истоков которой в начале «лихих 90-х» почётный норвежский консул и директор Баренцева информационного центра Андрей Шалев вместе с ректором Владимиром Булатовым и стоял, зачиная это дело³. Как метко заметил тогда об этой «поморской истерии» норвежский профессор истории Университета Тромсе Эйнар Ниemi: «Понятие это возникло из небытия по обе стороны границы. На побережье Белого моря появились «поморский хор», «поморский университет», «поморские музеи» и т. п. В северной Норвегии возникли «поморские» рестораны, «поморские» торговые компании, «дни поморов»...» Но сам Ниemi признался, что понятие «помор» на самом деле

³ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001. С. 25.

приобрёло у норвежцев в конце XX в. «новую актуальность», поскольку в XIX в. в Норвегии «у большинства современников понятие «помор» так никогда как следует и не закрепилось»⁴. Т. е. для того, чтобы ввести новое понятие в актуальный политический оборот формируемого Баренц-региона, норвежцы создали у себя в нач. 90-х гг. XX в. свой исторический миф о «поморах» и «поморской торговле».

Аналогичным образом действовали и их компаньоны в Архангельске, создавая свою часть мифа. Если раньше, продолжим мы, в советские и в досоветские времена мы имели в Архангельске одну только торговую улицу Поморскую, то в итоге усилий местных регионалов-областников в городе старую застройку Поморской улицы снесли, но зато мы имеем Поморье здесь, Поморье тут, Поморье там, Поморье сям, Поморье повсюду и ещё поезд к нам из Москвы «фирменный» едет «Поморье». Даже и национальное меньшинство финно-угорского толка, но без знания языка и обычаев, под этим ярлыком образовалось и в Европу стало жаловаться на притеснителей и национальных гонителей. И после этого ещё кто-то в Архангельске ждёт чуда — потока в область инвестиций и туристов под «зонтичный бренд» Поморье, а в только что образовавшемся федеральном университете ещё и пару тысяч студентов с Запада! Вот она где, поморская история!

Речь в этом сборнике пойдёт об идеях и, разумеется, о личностях.

⁴ *Ниemi Э.* Поморская торговля с точки зрения норвежцев // Народы и культуры Баренцева региона / Под ред. И. Бьерклунда, Я. Меллара. П. Реймерта. Тромсе, 1996. С. 26.

Кто такие настоящие поморы Русского Севера

Впервые «поморцы» (заметьте, не «поморы») упоминаются в русских исторических источниках в нач. XVI в. Под «поморцами» подразумевалось тогда население, жившее в волостях по так называемому Поморскому берегу (помимо Поморского, есть ещё Летний, Зимний и Терский берега Белого моря). Этнической окраски этот термин не имел. Это могли быть русские, карелы и т. д. Название «поморы», таким образом, происходит от конкретной географической местности, весьма далёкой от Архангельска. С середины XVI в. «поморцы» начинают работать исключительно на мурманских промыслах в Коле, куда большая часть их прибывала пешком, а не морским (!) путём. Итак, в местной беломорской традиции «поморами» с XVI до XIX в. именовали тех, кто жил на Поморском берегу Белого моря и добывал себе пропитание работой на Мурманских промыслах.

Никаких «поморов» в районе современного Архангельска, по нижнему течению Северной Двины, в Двинской дельте в XVI–XVII вв. не жило. Об этом неопровержимо свидетельствует сохранившийся полностью древний налоговый кадастр — Писцовая книга Двинского уезда 1622 г. На всём протяжении Летнего и Зимнего берегов Белого моря тогда было всего два поселения,

специализировавшихся только на морском лове рыбы, — это Яренга и слободка Золотица Зимняя. При этом последнее поселение было основано Антонијево-Сийским монастырём и принадлежало ему. Его мужское население, 22 человека, ловило рыбу на монастырский обиход. В Яренге же жили 5 человек. Во всех остальных поселениях на побережье Белого моря в районе Архангельска население жило с солеварения, но не с морского промысла. Деревни, жители которых занимались исключительно морским промыслом, здесь, на Летнем и Зимнем берегах Белого моря, возникли только в конце XVII в. Их появление связано с развитием рыбных промыслов на восточном Мурмане.

Итак, «поморами» в старину и до начала XX в. считало себя население исключительно Поморского берега Белого моря и лишь отдельных (далеко не всех) поселений Летнего и Зимнего берегов и низовий Мезени. Что касается мореходных отличий поморов, о которых так много сейчас говорят в самых возвышенных тонах, то вот весьма характерный и красноречивый факт: до начала XVIII века они не умели ходить по морю на парусах против ветра.

С нашей точки зрения, поморы — это не «этническая», а связанная конкретным занятием этнографическая группа русского населения, которая стала исчезать на Русском Севере уже во второй половине XIX в. из-за изменения промысловой структуры хозяйства под влиянием распространившегося в крае лесопиления. Разрушение культуры поморов довершил XX век, добивший вообще традицию на Русском Севере.

Самое точное определение «историческим» поморам XIX века дал писатель архангелогородец Николай Васильевич Латкин (1832–1904). В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона он писал: «Поморы местный термин, ныне ставший всеобщим для промышленников Архангельского, Мезенского, Онежского, Кемского и Кольского уездов Архангельской губернии, занимающихся рыбным (преимущественно тресковым), палтусиным, отчасти акульным и нерпичьим промыслами на Мурмане (см. Кольский полуостров) и в северной части Норвегии, в дозволенных нашим промышленникам местах. Слово “помор” произошло от Поморья (см. Поморский берег), а от “поморов” перешло и на их суда, на которых они доставляют продукты своего

лова в Архангельск и Петербург (“поморские суда”, “поморские шкуны”)¹.

Что касается нынешнего «главного архангельского помора» Ивана Мосеева, то, насколько мне известно, род его происходит из Заостровской волости, что на левом берегу Двины напротив Архангельска. Население Заостровья никогда «поморами» себя не считало. Это «двиняне» — крестьяне, хлебопашцы, мужики, лишь дополнительно к хозяйству промышлявшие рыбными промыслами, да и то главным образом на реке Двине, в Двинской дельте и около. Современные полевые наблюдения, проведённые группой самого авторитетного исследователя поморской этнографической культуры Т. А. Бернштам, показали, что жители деревень устья Северной Двины не называли себя поморами и отвечали: «Никогда и разговору нет».

Но если Иван Мосеев является простым самозванцем, записавшим самого себя в «поморы», то полной научной безответственностью или глупостью является именование «помором» Михаила Васильевича Ломоносова, происходившего, как известно, из семьи крестьян Куростровской волости под Холмогорами, которые только по случаю и редко занимались дальними для них морскими промыслами. Подобный вывод пишущий эти строки делает не только как знающий материал учёный-историк, но и как представитель старинного, известного с начала XVII века, северного крестьянского рода.

¹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 24а. СПб., 1898. Стб. 506.

Этапы «поморского возрождения»

Современный кризис русской цивилизации находит выражение, в том числе, и в феномене разрушения русского этнического самосознания. Процесс конструирования новых этнических идентичностей в последнее время затронул «титულную нацию» современной Российской Федерации — русских. В этом деле объектом деятельности политтехнологов этнических антрепренёров стали социальные общности, в прошлом определяемые как субэтнотипы или даже локальные этнографические группы, обладавшие специфическими чертами быта, менталитета и трудовой деятельности. Процесс конструирования новых этнических идентичностей облегчается через реидентификацию искусственно создаваемых социальных групп — «воображаемых сообществ». В этом случае идеологи этносепагатизма подают свою деятельность как «возвращение к историческим корням и культурным истокам», как этническое и культурное «возрождение» ранее существовавших народов. Характерным примером подобной деятельности этнических антрепренёров может служить движение т. н. «поморов» в Архангельске.

При ближайшем рассмотрении «поморское возрождение» представляется сложным по составу участников и деятельности явлением. Прежде всего, нужно отметить, что дело не сводится

только к созданию иной от русской этнической идентичности. «Поморство» часто осознанно и неосознанно внедряется как местная региональная идентичность для русских, проживающих на Севере, или же даже как некое «свойство души», морально-нравственная категория высшей формы русскости. Подобный региональный вариант русской «поморской идентичности» легко может переходить в новую, порвавшую с русскостью поморскую этническую идентичность. Процесс может иметь и обратное движение от этносепаратистской к региональной идентичности. Не надо сбрасывать со счётов то обстоятельство, что в нужной ситуации этносепаратистская идентичность начинает маскироваться под региональную. Именно для этого адепт идеи «Поморской республики» проф. Юрий Лукин изобрёл специальный термин, не имеющий опоры в прошлом, — «русские поморы». Поэтому поморская идентичность понимается разными группами по-разному, и сегодня в Архангельске существует не одна поморская идентичность, а целая группа идентичностей. В этом отношении наличествует понимание поморов и как особого финно-угорского этнического сообщества, и как отдельного восточно-славянского этноса. Фиксируется и признание их отдельной местной субэтнической группой — т. н. «русских поморов», и осознание поморства не как этнической, а как неявной локальной и региональной идентичности¹. Но, что характерно, для всего спектра поморской идентичности — это совершенно новое для Архангельска и Русского Севера явление, лишь маскирующееся под древних поморов через искусственно созданный идеологами движения исторический миф. В этом отношении процесс внешне напоминает славянское «пробуждение» в регионе Центральной и Восточной Европы в перв. пол. XIX в. и, особенно, его успешный «украинский проект».

В связи с широким пониманием и развитием поморской идентичности для начала нужно квалифицировать активных участников движения. Назовём, в первую очередь, т. н. «неформалов» перестройки. Эти люди затем претерпели во времени известную эволюцию, затронувшую их личность. От идеализма 1980-х гг.

¹ Шабаяв Ю. П. Европейский Север России: конфликтный регион. С. 19 // www.syktstu.ru/files/a1d8493a892fd1f0da3ea9e7fcb04e8a.doc

они — в прошлом советские интеллигенты — прошли через деморализующие 1990-е для того, чтобы превратиться в своего рода вечных массовиков-общественников — тип, порождённый современной русской Смутой, никчёмных и бесплодных в истинном профессиональном плане людей. Руководителями «поморского возрождения», вышедшими из движения неформалов, являются «прагматик» несостоявшийся врач Иван Мосеев, а также «романтик» регионализма и сибирского областничества историк по образованию архангельский журналист Анатолий Беднов. Сама «поморская идея» родилась в 1987 г. в кружке студентов-медиков местного Архангельского мединститута. Новое поколение, примкнувшее позднее к экс-неформалам, по типу представлено уже молодыми циниками. Современная массовая культура с её ролевыми играми повлияла на лидера «новой волны» поморского движения — юриста Павла Есипова, являющегося по совместительству местным адептом неоязычества. Из движения неформалов эпохи перестройки вышли общественные организации: Национальный культурный центр «Поморское Возрождение» (основан в 1992 г.), Национально-культурная автономия поморов Архангельской области (основана в 2003 г.). Новая генерация, пришедшая в движение в кон. 90-х гг., заправляет в ней и в «Архангельской областной общине коренного малочисленного народа поморов» (основана в 2004 г.). В ноябре 2011 г. поморские организации объединились в «Ассоциацию поморов Архангельской области». При всём производимом в Архангельске в 2008–2011 гг. информационном шуме необходимо признать, что в случае с «поморами» мы имеем дело с небольшим кругом лиц — активистами и идеологами движения. Это ядро находит поддержку в городе и на местах у отдельных учителей, местных краеведов, работников культуры. На продукты интеллектуальной деятельности поморских активистов накладывает отпечаток их низкий уровень провинциального образования и культуры. Пребывание в 1990-е в местном общественном движении в маргинальном статусе навсегда наложило отпечаток на вышедших из неформалов «поморских возрожденцев».

«Поморская идея» была включена в региональную идеологию с начала 1990-х гг., но решающее слово здесь принадлежало отнюдь не неформалам. Без созвучия этой идеи интересам местной хо-

зяйственной, управленческой и партийно-идеологической элиты дело не получило бы дальнейшего развития. Более того, при внимательном изучении можно заметить, что многие меры, способствовавшие этнической эрозии, осуществлялись руками местных партаппаратчиков, а потом с рубежа веков усилиями местных чиновников разного ранга. Отчасти это связано с тем, что региональная архангельская элита продвигает идею превращения Архангельска в экономическую и культурную «столицу Русского Севера — Поморья» и объединения вокруг этого города северных регионов. Поморская идея стала развиваться с нач. 1990-х гг. как идеология противопоставления региона федеральному центру. Впрочем, лозунг «Поморской республики» не был тогда оригинален. Он был созвучен в то время идее Уральской республики и ряду других «республик», связанных с известным лозунгом Бориса Ельцина 1990 г. — «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Станным в случае с Архангельском было то, что создание никогда до этого не существовавшей «Поморской республики» подавалось под лозунгом её «восстановления»². Как оказалось, понятие «Поморской республики» было спроецировано местными идеологами на реальную в эпоху гражданской войны 1918–1920 гг. антибольшевистскую Северную область, которая не была ни «Поморьем», ни «республикой»³. Как бы там ни было, но в случае регионализма в Архангельске надо обратить внимание не на лозунги неформалов, а на занявшийся приватизацией местных объектов областной и городской архангельский советский хозяйственный и партийный актив. Здесь примечательную роль в начале «поморского пути» сыграл будущий губернатор Архангельской области Николай Киселёв, который в 1989 г. создал движение «Поморы», состоявшее в основном из местных чиновников и хозяйственников. Движение «Поморы» смогло организо-

² Беднов А. Возродим Поморскую республику. Обращение // Северное утро. 1990. № 2; Мосеев И. Демократия на Севере. Была когда-то... // Северное утро. 1990. № 5. Его же. Мы за Поморскую республику // Волна. 1991. 3 января.

³ «Наш край в 1918–1920 годах был самостоятельным государственным образованием с собственным демократически избранным правительством Н. Чайковского, собственной экономикой и даже собственной валютой». — Обращение оргкомитета движения «Поморское возрождение» // Архангельск. 1991. 7 августа.

вать несколько побед на местных выборах, хотя сам Н. И. Киселёв при этом был решительным противником движения неформалов из «Поморского возрождения».

Однако самую существенную роль в становлении поморской идеологии сыграла позиция местной статусной интеллигенции — профессуры Архангельского пединститута. Такие её представители, сыгравшие выдающуюся роль в становлении поморского этно- и регионального сепаратизма, как проф. Владимир Булатов и проф. Юрий Лукин, своей карьерой прямо были связаны с местной областной партийной номенклатурой. Помимо местного с нач. 90-х гг. этим кругом людей стал двигать и внешний, подпитанный иностранными грантами интерес. Этнический и региональный сепаратизм в Архангельске стал последовательно поддерживаться из-за рубежа Западом через культурную политику созданного в 1992 г. норвежского трансграничного Баренцева региона. В связи с этим произошло изменение статуса местной интеллектуальной элиты без какого-либо качественного улучшения её интеллектуального и морального уровня. Благодаря усилиям Владимира Булатова местный захудалый провинциальный пединститут получил громкое имя Поморского университета им. М. В. Ломоносова (последнее как у Московского университета). Но при этом качество этого заведения в сравнении с советскими временами понизилось. Профессура этого учебного заведения стала активно сотрудничать с коллегами из Норвегии, Швеции, Финляндии, США и Польши. Это учебное заведение вскоре оказалось опутано норвежскими сетями политики «мягкой силы» (soft power). Процесс сопровождался коррупцией. С несогласными расправлялись увольнением. Профессура Поморского университета оказалась вовлечённой в грантовую деятельность западных фондов и почувствовала вкус интенсивного зарубежного «научного туризма». Местная культурная и образовательная жизнь Архангельска стала внешне более интенсивной, и грязный город с распадающимся коммунальным хозяйством и неустроенным бытом стал представляться этой профессурой как некая интеллектуальная и культурная столица историко-культурного региона, называемого уже не «Русский Север», а «Поморье». Западные зарубежные партнёры смотрели на эти претензии туземцев с иронией, но иллюзий большой игры

не рассеивали. Заметим, что интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, воздействовали на очень узкий слой «интеллектуальной элиты» Архангельска, которая и стала формировать в нужном для Запада направлении идеологию регионализма и этносепаратизма.

Поморское этностроительство на сегодняшний момент прошло несколько этапов. На первом, условно говоря «областническом», на исходе перестройки в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Архангельске родилась идея «Поморской республики». Под последней понималось придание Архангельской области статуса автономной республики в составе РСФСР со всеми присущими подобной республике правами и атрибутами государственности. В поисках исторических аналогий поморские возрожденцы обратились к опыту существования в годы гражданской войны антибольшевистской Северной области (1918–1920 гг.). Новый регионализм породил в местных СМИ волну своеобразной «поморской истерии». Понятие «Поморье» приобрело новое значение и стало в практической жизни подменять понятие «Архангельская область» и «Русский Север». Архангельск стал рассматриваться не как областной центр, а как столица региона с неопределёнными границами под названием «Поморье».

На втором этапе началось идеологическое конструирование «поморского этноса». Здесь ключевую роль в создании поморского исторического мифа сыграл ректор Архангельского пединститута проф. Владимир Булатов. В Архангельске среди сверстников В. Булатова местных гуманитариев упорно ходит слух, что работу по созданию поморского исторического мифа тот выполнял по прямому заказу «либералов» из Москвы из окружения Анатолия Чубайса. Таким образом, центром поморского этностроительства на этом этапе стал Архангельский пединститут, переименованный благодаря усилиям его ректора в «Поморский университет».

Третий этап начался с кампании вокруг переписи населения 2002 г. Общественное мнение в Архангельске, Северодвинске и Новодвинске было подготовлено предшествующей «поморской истерией» к официальному принятию новой поморской идентичности. Тем более что поморская областническая и этносепаратистская идеология, как мы уже указали, оказалась созвучна

чаяниям и интересам части местной элиты. На этой волне показательна позиция, занятая местным губернатором Анатолием Ефремовым, внезапно объявившим себя без всякого на то основания «помором»⁴. О своей готовности записаться «поморами» заявили тогда же первый замгубернатора Анатолий Кожин и заместитель губернатора Тамара Румянцева, глава администрации Онежского района Александр Варакин, ректор Поморского госуниверситета Владимир Булатов, замдиректора «Флотархангельскрыбпрома» Валерий Барболин⁵. На волне очередного витка «поморской истерии» перепись 2002 г. дала в Архангельске логичный результат. Свою принадлежность к поморам зафиксировал в переписных документах 6 571 гражданин Российской Федерации. Из этого числа в Архангельской области проживали 6 295 поморов (95,8%), в Мурманской области — 127 (1,93%); в городе Санкт-Петербурге — 16 (0,24%), в Республике Карелия — 13 (0,2%), в Республике Коми — 11 (0,17%), в Ненецком АО — 6 (0,09%), в Вологодской области — 4 (0,06%), в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях — по 1 (0,01%)⁶. Итак, итоги переписи, на самом деле, зафиксировали не существование, а искусственное создание в Архангельске новой городской поморской идентичности, т. е. явление начавшегося этногенеза. Надо обратить внимание на то, что в местах проживания настоящих «исторических» поморов — в Карелии (Карельский и Поморский берега Белого моря) и Мурманской области (Кандалашская губа, Терский берег) поморов зафиксировано 1,95%, а по всей Карелии — всего 13 человек (!). Таким образом, там, где в XVII–XIX веках проживали настоящие поморы, перепись 2002 г. их не обнаружила. Кроме того, социологические исследования 1990-х гг. поморских поселений Белого моря какой-либо отличной от русской иной поморской

⁴ Анатолий Александрович Ефремов (1952–2009) — выходец из деревни Малое Тойнокурье, что напротив Архангельска. В XVI–XVIII вв. деревня входила в состав Заостровской волости, население которой занималось крестьянским трудом на земле и в дальних морских промыслах не участвовало. Лидер поморских возрожденцев в Архангельске Иван Мосеев происходит из той же деревни.

⁵ *Леонтьева М., Филиппов В.* В стране может появиться Поморская республика // Известия. 2002. 11 октября.

⁶ Национальный состав, владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 томах. Том 4. Кн. 1. М., 2004. С. 14.

идентичности у тамошнего населения не выявили⁷. В то же время на Архангельскую область по переписи 2002 г., «поморов» пришлось 95,8% (!). При этом городской конгломерат Архангельска-Северодвинска дал ок. 4 тыс., или 64% всех «поморов». Подобный итог — прямое следствие «поморской истерии», деятельности культуртрегеров этносепаратистов и областников из подразделений Поморского университета, местных СМИ, из областной и местных городских администраций.

Перепись знаменовала новый этап поморского этностроительства. Появились реальные перспективы политической и экономической «торговли этнонимом». Это привело к активизации группы поморских активистов, которые стали заявлять свои претензии на территорию, ресурсы и культурный приоритет. Требование к федеральному центру — признать «поморов» в качестве коренного и малочисленного народа и включить их в Перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации — стало главным на этом этапе. При губернаторах Анатолии Ефремове (1996–2004) и Николае Киселёве (2004–2008) исполнительная власть региона дважды направляла представление в Минрегион РФ о включении поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов. Статус «коренного» не только позволит городским «поморам» получать определённые преференции со стороны федерального правительства, но и в будущем, как им кажется, гарантирует финансовые поступления от компаний, ведущих хозяйственную деятельность в Арктике. Особенно это важно в связи с началом нефте- и газоразработок в Архангельской области, Ненецком автономном округе и на шельфе Арктических морей. Практика согласования отношений недропользователей и землепользователей с добывающими компаниями активно продвигается Западом в Россию. Если архангельские городские «поморы» получают статус коренного и малочисленного народа, то они, а конкретней, активисты движения и те, кто стоит за ними, могут рассчитывать на солидные компенсации. В этой связи «поморское возрождение» стало получать всё большую поддержку из-за рубежа в ожидании грядущего ослабления федерального центра

⁷ См., например, *Плюснин Ю. М.* Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск, 2003.

перед лицом регионов с последующей дезинтеграцией России. На этом этапе очевидным стало стремление расширить поморскую идентичность на всё население Архангельской области. Среди местных историков из Поморского университета проф. Сергей Шубин и Андрей Репневский были первыми, кто начал использовать в своих работах понятие «поморы» применительно ко всем жителям Архангельской области XX в.⁸

При всём прагматизме «поморского возрождения» нельзя не отметить его очевидную политизированность, ставшую особенно явственной в предвыборный период 2010–2011 гг. Организации «поморского возрождения» и их активисты в Архангельске действовали в тесной связи с местными общественными и гражданскими организациями оранжевого толка, создав «Поморский центр публичной политики». Учредители последнего считают «тему поморов очень важной для самосознания и самоопределения гражданского общества на Русском Севере. Тема поморов... будет вскоре одной из главных в политической жизни северян». При оценке текущих политических событий 2011–2012 гг. активистами движения поморов просматривается близость их к идеологии российских нацдемов.

Итак, проект «поморы» прошёл уже несколько стадий: формирование этнического мифа и организационную. Сейчас под знаком требования официального признания «коренного и малочисленного народа» происходит его политизация. 17 сентября 2011 г. в Архангельске состоялся IV Межрегиональный съезд поморов. В его работе приняли участие около 400 делегатов. В июне того же года при вновь образованном Северном (Арктическом) Федеральном университете (САФУ) якобы для исследования «этноса поморы» был создан научный центр «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера». Лидер движения поморов в Архангельске Иван Мосеев стал его директором. А за год до этого в ноябре 2010 г. на встрече губернатора Архан-

⁸ Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск, 2000. С. 3, 25, 187; Его же. Поморы «рубил» как лес. Рецензия книги «Репрессии в Архангельске: 1937–1938. Документы и материалы» // Правда Севера. 1999. 25 августа; Репневский А. В. «Норвеги» глазами поморов Русского Севера вчера и сегодня // Известия Русского Севера. 2010. № 2 (4). С. 40–43.

гельской области Ильи Михальчука с активистами поморских общественных организаций была достигнута договорённость о сотрудничестве в рамках т. н. «Поморского вектора» развития региона. С того времени в официальных речах архангельского губернатора И. Ф. Михальчука порой стали звучать нотки поморского этнического мифа. Отдельные положения поморской исторической идеи стали появляться и в разного рода документах областной администрации. Всё перечисленное является несомненным «достижением» 20-летнего развития поморского этносепаратизма на Русском Севере.

Поморский исторический миф профессора Булатова

В процессе любого этнического строительства ключевую роль играет исторический и культурный миф. Уже при истоках движения «поморские возрожденцы» сформулировали две ключевые идеи. Одна из них исходит из положения, что «Русский Север не знал крепостного права и в социальном, экономическом и культурном плане развивался по собственному, отличному от крепостной России пути»¹. Поэтому движение «Поморское возрождение» направлено «на ликвидацию колониальной зависимости Архангельской области от центра», т. е. на возвращение на присущий области особый исторический путь. В тесной связи с этим утверждалось, что «коренные северяне, поморы, были самостоятельной субэтнической группой, и до сих пор являются ею — со своей исторической территорией, культурой, бытовым укладом, психологией и самостоятельным диалектом»². Таким образом, все русское население Архангелогородской губернии до 1917 г. записывалось архангельскими «поморскими возрожденцами» в «поморы». На следующем этапе эти мифические «поморы»

¹ Обращение оргкомитета движения «Поморское возрождение» // Архангельск. 1991. 7 августа.

² Там же.

были объявлены уже самостоятельным нерусским этносом. При исследовании нынешнего поморского «этногенеза» в Архангельске надо отметить главнейшую его особенность — создание в России этой новой этнической идентичности маскируется под «национальное возрождение» якобы существовавшего в прошлом этноса «поморы». В этом отношении процесс внешне напоминает славянское «пробуждение» в регионе Центральной и Восточной Европы в перв. пол. XIX в. и, особенно, его успешный «украинский проект». По аналогии с этим явлением отметим, что на первом этапе «поморского возрождения» важнейшую роль сыграла целенаправленная работа в Архангельске группы местной интеллигенции по созданию поморского исторического и культурного мифов. Здесь главным теоретиком нынешнего поморского этностроительства и регионального сепаратизма с нач. 1990-х гг. выступил ректор Архангельского пединститута (1986–2007), с его подачи переименованного в Поморский университет, профессор Владимир Николаевич Булатов (1946–2007). Именно этот бывший местный партийный и комсомольский работник из ничего и создал поморский этнический исторический миф³. Для этого В. Н. Булатову пришлось проделать целенаправленную работу по фальсификации истории Русского Севера.

В цельном виде поморский исторический миф изложен в 5-томной монографии В. Н. Булатова «Русский Север», вышедшей отдельными книгами в 1997–2002 гг.⁴ Текст этот частично был сведён автором в учебное пособие для высшей школы и под тем же названием опубликован в 2006 г.⁵ Издание этого адресованного местной студенческой молодёжи учебника финансировалось по федеральной программе «Культура России». Для придания большего научного и образовательного веса изданию в выходных данных была обо-

³ В. Н. Булатов в 1968–1973 гг. учился на историко-филологическом факультете Архангельского пединститута (АГПИ). Во время учёбы он был секретарём комитета ВЛКСМ АГПИ. Потом работал 2-м и 1-м секретарём Ломоносовского РК ВЛКСМ, завотделом ОК ВЛКСМ, инструктором Архангельского обкома КПСС. В 1980 г. окончил Ленинградскую высшую партийную школу.

⁴ Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2. Встречь солнца (XV–XVII вв.). Там же, 1998; Кн. 3. Поморье (XVI — нач. XVIII в.). Там же, 1999; Кн. 5. Ворота в Арктику. Там же, 2001; Русский Север. Кн. 4. Свет полярной звезды (XVIII–XIX вв.). Там же, 2002.

⁵ Булатов В. Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М., 2006.

значена «Москва», хотя учебное пособие было полностью подготовлено в Архангельске. Зарубежный аспект поморской исторической концепции изложен В. Н. Булатовым в специальном учебном издании для высшей школы, посвящённом норвежскому «Баренцеву региону».⁶ Ключевые положения поморского исторического мифа были повторены В. Н. Булатовым в 2005 г. в «научной справке», подготовленной им для деятелей «поморского возрождения»⁷. Означенный документ, предъявленный «поморами» в Архангельске областной администрации, является доказательством того, что изначально «научные изыскания» по поморской тематике В. Н. Булатова носили политический характер. В 1999 году В. Н. Булатов был награждён ельцинистами правительственной наградой — орденом Дружбы, надо полагать, именно за создание основы для регионального этносепаратизма на Русском Севере.

Основное положение поморского исторического мифа В. Н. Булатова лежит в области исторической географии Русского Севера. Главнейшую роль здесь играет тезис о том, что «в XV–XVII вв. Поморьем назывался обширный экономический и административный район по берегам Белого моря, Онежского озера и по рекам Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка, вплоть до Урала»⁸. И, во-вторых, что эта обширная территория была населена самостоятельным нерусским этносом (народом) «поморы».

Этногенез «поморов», по В. Н. Булатову, был обусловлен слиянием культур «протопоморских», преимущественно угро-финских (чудских) племён Беломорья и первых славян-колонистов

⁶ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001.

⁷ Учёные о поморах // Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 4.

⁸ Там же. Текст В. Н. Булатова: «Русский Север с XVI в. носил название Поморье, а его земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства». (См. Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3.) Дословно без указания на источник списан из монографии Н. Е. Носова. См. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 240.

(ещё нерусских sic!), активно заселявших территорию чудского Заволочья. Итак, В. Н. Булатов помимо прочего ввёл в научный оборот неизвестное дотоле понятие «протопоморы». Концепция «протопоморов» по смыслу близка к идеям эстонского археолога Прита Лиги и финского исследователя Кристиана Карпелана, утверждавших, что население территорий современного Русского Севера в Средневековье меняло свою этническую идентичность при отсутствии значительных миграций русского населения и физической смены местного финно-угорского населения⁹. Псевдоисторическая концепция В. Н. Булатова, таким образом, основывается на особой интерпретации колониационного процесса Русского Севера и специфическом толковании местных историко-географических и локальных понятий.

В своих трудах В. Н. Булатов даёт определение этносу «поморы» как народу, состоящему из нескольких языковых групп. Например, «русскоязычная группа этноса поморы заселяла берега Белого моря с XII в.»¹⁰; «Специфика жизни человека в условиях Севера формировала и особый тип населения, в том числе группу этноса — поморов, заселивших берега Белого и Баренцева морей»¹¹. Следовательно, по В. Н. Булатову, в этносе «поморы» могли существовать разные языковые группы, в том числе и финно-угорские. С 2008 г. норвежцы в полном соответствии с концепцией В. Н. Булатова стали рекламировать в России «коренных жителей Баренцева региона» «норвежских поморов»¹².

Утверждение о существовании среди «поморов» разных языковых групп, помимо прочего, позволяет В. Н. Булатову не только привязывать поморов к финно-уграм, но и удревлять явление

⁹ Макаров Н. А. К Дышашему морю. Северные окраины славянского мира // Родина. 2001. № 1–2. С. 37–41. В настоящее время директор «Поморского института» САФУ И. И. Мосеев довёл означенный тезис до абсурда: «Никаких доказательств гипотезы о массовых переселениях новгородцев с юга на Север, в район Беломорья, нет» (Мосеев И. О бьярмах, чуди и поморах, или социокультурный код коренного населения Поморья // <http://www.zpg29.ru/index.php?id=1701#>)

¹⁰ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион. С. 25; Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 111.

¹¹ Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 9.

¹² См. текст Тура Робертсена на обложке в кн.: Поморские сказки. Архангельск, 2010.

мнимого поморского этногенеза. Здесь, однако, у В. Н. Булатова нет однозначного ответа о его начальной временной точке. В отредактированной им специальной статье в «Поморской энциклопедии» значится: «Поморы, русскоязычная группа этноса, заселившая (с XII в.) берега Белого и Баренцева морей»¹³. На XII в. В. Н. Булатов указывал и в других своих работах¹⁴. В частности, здесь он утверждает совершенно фантастическое: «На новгородских географических картах XII–XIII веков в устье Онеги уже был обозначен “Погост на море”»¹⁵. Чуть позднее, в 2006 г., он несколько удревил явление: «Название “поморы” возникло не позднее X–XII вв.»¹⁶. Нет ни одного исторического источника от этого времени, в котором бы упоминались на Севере «поморы» и «Поморье», ни летописи, ни глиняного черепка, ни наскальной надписи, наконец. К примеру, в Новгороде после открытия в 1951 г. на раскопках найдено на сегодняшний момент 1005 берестяных грамот. В их текстах упоминаются все известные исторической науке древние народы Севера в районе новгородских Лопи, Обо-нежья и Заволочья. А упоминания «поморов» и «Поморья» в этих берестяных грамотах нет.

В связи с этим напомним, что «поморцы» и «поморяне» впервые в исторических источниках упоминаются в одной новгородской летописи под 1526 г., а в актах под 1546 г.¹⁷ Утверждение В. Н. Була-

¹³ Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Гл. ред. В. Н. Булатов, сост. А. А. Куратов. Архангельск, 2001. С. 317.

¹⁴ Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 3. С. 6; Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 111; Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 25.

¹⁵ Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 192. Где эти географические карты? Откуда о них сведения у архангельского историка? Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 192. Где эти мнимые «новгородские географические карты»? Откуда о них сведения у архангельского историка? На самом деле, просто «у моря» без названия какого-либо «погоста» упоминается в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича на доли доходов новгородского епископа с погостов в Заволочье (1136/1137 г.). См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. Я. Н. Шапова. М., 1976. С. 147–148.

¹⁶ Учёные о поморах.

¹⁷ «Того же лѣта 34-го приѣхаша ко государю великому князю Василью Ивановичю на Москву поморцы и лоплене с моря окияна, ис Кандолъской губе усть Невы реки, из дикой Лопи, и би челомъ государю великому князю Василью Ивановичю». — Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского //

това о существовании этноса «поморы» и соответствующего этнонима с X–XII вв., таким образом, имеет чисто спекулятивный характер, т. к. никак конкретно не подтверждается историческими источниками.

Заметим, что все ранние упоминания поморов перв. пол., сер. XVI в. относятся к береговой оконечности Белого моря, носящей со времён Средневековья название Поморского берега. Это Поморье впервые упоминается в одной подлинной новгородской грамоте сер. XV в. в купчей некоего Ивана Менуева сына¹⁸. В связи с этим логично предположить, что первоначально под «поморцами» в XVI в. понимался не особый народ (этнос), а локальная группа населения, получившая своё название от конкретной местности на побережье Белого моря. Сохранившийся комплекс новгородских грамот определённо свидетельствует о том, что славянская колонизация Поморского берега Белого моря началась не ранее XIV в.¹⁹ Так, в частности, на проблему смотрели историк М. В. Витов и этнограф Т. М. Бернштам²⁰. О времени славянской колонизации этой части Беломорья, в частности, свидетельствует и относительно позднее появление здесь церковных приходов. К более позднему периоду, чем XII в., относит сейчас колонизацию вообще всего Русского Севера и археолог Н. А. Макаров²¹. Выводами этих учёных В. Н. Булатов в своих трудах полностью пренебрегает. Кроме того, создатель «поморского мифа» игнорирует и то обстоятельство, что как раз на Поморском берегу Бе-

ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 217; «...каргополцы, и онежане, и турчасовцы, и порожане, устьмошане, и мехренжане, ѳздать къ морю соли купити, да купивъ де у моря соль у поморцовъ да возять ея въ Турчасово и на Порогъ...». — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. № 211. С. 200–201.

¹⁸ «Се купи Иване и его братья Денесья, Максиме Мънуеви дѣти у Фалелгя из Валдоли, у Сави, у Сидора у Юрьевыхъ дѣтеи землю и воду на Поморыи по[мо]рьскимъ рикамъ и по лѣшимъ озерамъ». — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С. Н. Валк. М., Л., 1949. № 296. С. 294–295.

¹⁹ ГВНП. № 222, 223, 286, 287, 290, 291, 293, 296–307, 312, 318–322, 327, 328.

²⁰ *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 182, 189; *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 43–44.

²¹ *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонезья. М., 1997. С. 163.

лого моря чужь («протопоморы», по его терминологии) никогда не проживала. Изначально это была территория лопи (саамов)²². Первой волной колонистов здесь были в XIV в. карелы и только потом русские²³. Таким образом, этнографическая группа исторических, а не мифических поморов возникла на основе этнического контакта трёх народов: русских, карел и лопарей.

Далее архангельский историк утверждает, что этноним «поморы» после того, как возник не позднее X–XII вв. на Поморском берегу Белого моря, в течение XIV–XVI вв. распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения²⁴. Однако факт какой-либо массовой миграции населения с этой территории в означенный период не подтверждается какими-либо источниками. Тем не менее В. Н. Булатов утверждает, что на всей современной территории Русского Севера уже в XV в. расселился этнос «поморы». Для подтверждения этого тезиса архангельский историк в своих текстах просто начинает подменять понятия. Например, у В. Н. Булатова читаем: «в 1419 г. пятьсот «мурман», явившись на морских судах — бусах и шнеках, — «повоевали» Корельский погост в Варзуге, разорили селения онежан и двинян. Однако норвежцы получили достойный отпор: **поморы** «две шнеки мурман избиша»²⁵. В оригинальном же тексте Новгородской Первой летописи Младшего извода читаем: «Того же лета, пришед Мурмане воиноу въ 500 человекъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзути погостъ Корильскыи и в земли Заволочкой погосты: в Неноксе, в Корельскомъ монастырь святого Николы, Конечныи погостъ, Яковлю кюрюю, Ондреяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михайловъ монастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а Христианъ черноризицъ посекле, и **заволочане** две шнеки Мурманъ избиша, а инии избегоша на море»²⁶. Как видим, в первоисточнике нет никаких «селений онежан», а норвежцев в действительности истребляют заволоча-

²² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 71.

²³ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 28–29.

²⁴ Учёные о поморах.

²⁵ Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 120.

²⁶ Новгородская первая летопись. Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 411–412.

не, т. е. жители новгородской волости Заволочье, другое название — двиняне, а никакие не «поморы». Вообще, спекулятивная подмена понятий — один из основных приёмов фальсификации русской истории, применяемых в своих «трудах» В. Н. Булатовым. Здесь он идёт по стопам другого создателя великого исторического мифа, повсюду менявшего при описании средневековых событий «русь» на «украинцев» — М. Н. Грушевского.

Итак, в своих трудах В. Н. Булатов утверждает, что в XV–XVI вв. вся современная территория Русского Севера, т. е. земли, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, носила название «Поморье»²⁷. Делая подобные утверждения, профессор из Архангельска при этом ни на какие исторические источники не ссылается. Подается это В. Н. Булатовым как общеизвестный русской истории факт²⁸. В связи с этим заметим, что на сегодняшний момент нет ни одного специального историко-географического исследования о бытовании на Русском Севере во времени понятия «Поморье». Попытаемся частично восполнить этот пробел.

При изучении всего комплекса текстов XVI–XVII вв. не трудно заметить, что в исторических источниках применительно к Русскому Северу существуют два разных понятия «Поморье», имеющих разные сферы применения. Одно из них можно условно назвать «малым» Поморьем, другое — «большим». «Малое» Поморье, как мы указывали выше, впервые упоминается в источниках с сер. XV в. Его ядром является Поморский берег Белого моря. Жители Поморского берега, иначе называемого ещё в источниках XVI–XVII вв. «Поморьем», по месту своего жительства стали именоваться «поморцами». Это «малое» Поморье стало ядром т. н. «Поморских волостей». «Поморские волости» (вариант «Поморская область») с сер. XVI и до кон. XVII в. составили отдельный административный округ, управлявшийся Соловецким монастырём²⁹. Позднее в XIX в. — это Кемский уезд Архангелого-

²⁷ Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3.

²⁸ Это не подтверждённый источниками историографический штамп. См. Большая советская энциклопедия. Т. 20. М., 1975. С. 346.

²⁹ О ранней истории Поморских волостей см. *Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Его же. Сочинения в 9-ти тт. Т. 8. М., 1990. С. 5–30. Понятие «Поморские волости» впер-*

родской губернии. С развитием, с середины XVI в., Мурманских промыслов на Коле, в котором как раз и участвовало население Поморского берега, понятие «малого» Поморья распространяется на протяжённую береговую полосу Кольского полуострова. В таком виде это Поморье фиксируется в «Росписи поморским рекам» Книги Большого чертежа нач. XVII в.³⁰ Все существующие исторические источники XVI в. говорят о «малом» Поморье и не подтверждают тезиса В. Н. Булатова о существовании в этот период «большого» Поморья, протянувшегося от Белого моря и Белоозера на западе до Урала на востоке. Что же является в таком случае источником утверждения о существовании целого административного региона Поморья в XVI в.? Как выясняется, современная научная традиция, берущая истоки в творчестве В. Н. Татищева и опирающаяся на труды великого русского историка академика С. Ф. Платонова. С. Ф. Платонов, изучая Смуту нач. XVII в., обратил внимание на то, что в политическом плане это была война между Севером и Югом Московского царства, в которой различные области (группы уездов) занимали устойчивую позицию. С. Ф. Платонов отметил, что позиция в войне населения и военных служилых корпораций отдельных уездов была прямо связана с тем, состояли ли эти административные единицы в предшествующий период в опричнине или нет. Так родилась «региональная» концепция Смуты С. Ф. Платонова³¹.

вые упоминается в царской жалованной грамоте Соловецкому монастырю от 11 августа 1584 г. — ААЭ. Т. 1. С. 384. Понятие «Поморская область» как синоним «Поморских волостей» упоминается в письме игумена Соловецкого монастыря Антония шведскому королю Карлу IX от 12 марта 1611 г. — ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 180. С. 308.

³⁰ Книга Большому чертежу. Изд. К. Н. Сербиной. М., Л., 1950. С. 147–151. Любопытно, что в «Хорографической книге Сибири (1697–1711)» Семёна Ремезова на соответствующей карте севернее Архангельска обозначено «Поморье». Локализация разъясняется сохранившейся схемой к карте. На ней напротив Поморья обозначен «остров Соловецкой». Очевидно, что Ремизов ошибочно локализовал Поморский берег севернее Архангельска.

³¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 1–91. В связи с концепцией С. Ф. Платонова необходимо обратить внимание на близкое по времени использование термина «поморские уезды» в одной работе М. А. Дьяконова. См. Дьяконов М. Половники поморских уездов в XVI–XVII вв. СПб., 1895. Сам М. А. Дьяконов никак не объясняет его применение.

Для неё русский историк использовал политико-географическую терминологию из документов эпохи Смуты и опрокинул её по времени на сер. XVI в. на эпоху опричнины царя Ивана Грозного. Попутно, таким образом, С. Ф. Платонов создал ещё и оригинальную концепцию опричнины.

Итак, понятие «большого» Поморья встречается в исторических источниках не с XVI и, тем более, не с XV, как утверждает В. Н. Булатов, а начиная только с нач. XVII в.³² Существует оно первоначально в текстах в виде связанных взаимно друг с другом понятий: «поморские города» (вариант «поморские пригороды») — «поморские люди»³³. Закреплению в современной научной традиции использования понятия «большого» Поморья применительно ко всей территории Русского Севера вслед за С. Ф. Платоновым особо способствовал фундаментальный труд акад. М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.», содержащий историко-географический очерк³⁴. Отмеченные труды С. Ф. Платонова и М. М. Богословского создали устойчивую традицию именования в отечественной историографии XX в. всего Русского Севера «Поморьем». Русские историки использовали региональное понятие «большого» Поморья без всякой задней мысли как удобную научную абстракцию для построения своих исторических схем³⁵. Во время перестрой-

³² М. Н. Тихомиров писал: «Название “Поморские города” утвердилось поздно, не раньше второй половины XVI в., когда был проторён морской путь из России в Англию». Однако этот тезис он никак не подкреплял источниками. См. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 227.

³³ Понятие «поморские города» впервые встречается в переписке вятчан и пермичан от января 1609 г. — ААЭ. Т. 2. № 104. С. 205. «Поморские пригороды» упоминаются в указной царской грамоте вологодскому воеводе Миките Пушкину от 20 февраля 1609 г. — Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. № 157. С. 180; «Поморские люди» встречаются впервые в отписке царю Василию Шуйскому из Троицы осадных воевод Григория Долгорукова и Алексея Голохвастова от 29 марта 1609 г. — АИ. Т. 2. № 181. С. 210. «Поморские мужики» — отписка тушинского костромского воеводы Микиты Вельяминова гетману Сапеге (после 12 марта 1609 г.). — АИ. Т. 2. № 172. С. 199.

³⁴ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 9–28.

³⁵ Использование понятия «большого» Поморья в XX в. в советской историографии определялось скорее личными вкусами и пристрастиями историков. Проследить какой-либо закономерности тут нельзя. Так, например, Н. Е. Новосов в одном своём фундаментальном труде его совсем не использовал,

ки в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. интеллигенция в Архангельске взяла из научной историографической традиции понятие «большого» Поморья и сделало его географической реальностью для нужд политического движения местных областников и регионалов под лозунгом «восстановления Поморской республики». Благодаря работе СМИ за короткое время понятия «Поморье» и «Архангельская область» стали синонимами. А спустя несколько лет проф. В. Н. Булатов использовал уже как ключевое в своей схеме понятие «большого» Поморья для построения своего этно-сепаратистского исторического поморского мифа.

Были ли понятия «поморские города», «поморские люди» в источниках XVII в. официальными в смысле использования их в административной терминологии России того времени? Здесь мы определённо ответим — нет. Официально вся страна тогда делилась на уезды, подведомственные столичным четвертям. Места в этой структуре «большому» Поморью не было. Не упоминается «большое» Поморье ни в писцовых, ни в переписных книгах. Однако специальное исследование источников XVII в. позволяет определённо утверждать, что понятие «поморские города» со времён Смуты использовалось в делопроизводстве некоторых (не всех) российских центральных ведомств, в частности Разряда³⁶. После Смуты оно использовалось (нечасто) и в царских указных грамотах на места воеводам. Скорее всего, понятие «поморские города» появилось в Смуту в столичном военном ведомстве в осаждённой тушинцами Москве. В актовом материале оно впервые фиксируется под 1609 г. Его появление, таким образом, связано с нуждами военного регионального управления в условиях внутренней «гражданской войны» нач. XVII в. Понятие появилось из потребностей возникшей в России региональной политики. После губернской административной

а в другом использовал, наоборот, часто. См. *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства перв. пол. XVI в. Л., 1957; Его же. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

³⁶ Книги разрядные по официальным оным спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1, 2, 10, 24, 405, 544, 578, 661, 929, 1035, 1152, 1247, 1362. Там же. Т. 2. Стб. 93, 200, 296, 351, 688, 931. Первое упоминание «поморских городов» в разрядных книгах под 1614 г. (Т. 1. Стб. 1.). В связи с этим заметим, что в разрядных книгах XVI в. упоминаний «поморских городов» нет.

реформы Петра I термин «поморские города» исчезает в делопроизводстве центральных ведомств. Но из приказной документации XVII в. понятие «большое» Поморье проникло благодаря творчеству В. Н. Татищева (1685–1750) в формирующуюся российскую историческую и географическую науку, где обрело потом свою самостоятельную книжную судьбу³⁷. Казусом является здесь то, что современная попытка отождествления норвежцами Поморья, или, как ещё говорят они, «Поморскую зону» с БЕАРом, находит созвучную аналогию у В. Н. Татищева в его тождестве Поморья и легендарной страны Биармии.

Кстати, проф. В. Н. Булатов из-за присущего ему общего невежества в области отечественной истории так и не успел узнать, что под «поморскими городами» подразумеваются не конкретные города, которых в реалии в XVII в. на Русском Севере почти и не было, а территориально-административные единицы — уезды³⁸. В документах XV–XVII вв. часто слово «город» выступает синонимом слова «уезд». Вместе с понятием «поморские города» в источниках эпохи Смуты появляется и понятие «поморские люди». Но было бы величайшей нелепостью считать, что под «поморскими людьми» грамот Смутного времени и тогдашней правительственной переписки подразумевается отдельный этнос «поморы». Берём многочисленные сохранившиеся челобитные грамоты XVII в., посланные жителями северных русских уездов в Москву или местному воеводе в уездный центр. Ни в одной из них они не именуют себя «поморами». А если вообще нет ни одного документа XVII в., из которого бы следовало, что жители Двинского, Кеврольского, Важского и т. д., всего 22 уездов, считают и определяют себя «поморами», а тем более нет никаких

³⁷ См. статью «Бярмия», в которой В. Н. Татищев утверждает тождество Биармии, Заволочья и Поморья. — *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1. СПб., 1793. С. 233; Его же. История Российская. Т. 1. М., 2005. С. 348.

³⁸ «Год за годом поморы осваивали новые земли, продвигаясь всё дальше на юг и юго-восток, север и северо-восток. А на картах, чертежах и росписях появились поморские города: Холмогоры, Вага (Шенкурск), Вельск, Каргополь, Турчасово, Пустозерск, Тотьма, Сольвычегодск, Великий Устюг, Хлынов (Вятка) и другие». — *Булатов В. Н.* Русский Север: Учеб. пособ. С. 3. В приведённом списке в XVI–XVII вв. Каргополь, Турчасово, Колмогоры — это посады. Вельск — погост.

свидетельств «поморского» этнического самосознания у них, то какое основание у В. Н. Булатова и его последователей утверждать, что в это время в северном регионе России существовал целый отдельный этнос под этнонимом «поморы»? Жители северных уездов сами эти уезды «Поморьем» в XVII–XVIII вв. не называли и сами себя «поморами» не считали и никогда не именовали. При этом надо назвать единственное исключение в этом ряду северных уездов — это жители т. н. «поморских волостей» Соловецкого монастыря. Вот они себя и их в документах XVI–XVII вв. «поморцами» и «поморянами» именуют. Но были ли они в то время отдельным этносом, имеющим отличное от русских этническое самосознание? Правильней было бы утверждать, что под «поморцами» тогда подразумевалась локальная группа населения — русские и карелы, получившая своё название по топониму — Поморскому берегу. Именно они и есть настоящие исторические поморы³⁹.

Тем не менее, полностью пренебрегая историческими источниками, В. Н. Булатов в своих рассуждениях о «большом» Поморье и «поморах» в XVI в. в своём учебнике доходит до следующего абсурдного утверждения: «налицо были почти все признаки нации: общность территории с выходом к морю (Поморье); общность экономической жизни поморских уездов, волостей и городов; особые черты характера, психологического и духовного облика поморов; своеобразие северной культуры. Складывался северорусский язык, от которого остались местные говоры, диалекты и наречия, ставшие предметом тщательного изучения филологов, диалектологов и этнологов»⁴⁰. По В. Н. Булатову, только

³⁹ Вот что заметил по этому поводу объехавший Архангельскую губернию в 1856 г. Сергей Максимов: «Поморским берегом, или собственно Поморьем, на языке туземцев называется западная часть Онежского залива между двумя уездными городами губернии: Онегой и Кемью. Дальние поморы мезенские и терские обыкновенно зовут этот берег Кемским. Мы следуем первоначальному названию этого берега по той причине, что поморцами, поморами называются исключительно обитатели Кемского берега». — *Максимов С. В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 245.

⁴⁰ *Булатов В. Н.* Русский Север: Учеб. пособ. С. 5. Нелепость подобного утверждения очевидна, поскольку, например, по ретроспективным оценкам А. И. Копанева всё население Двинского уезда в XVI в. не превышало 20–30 тыс. человек. См. Аграрная история Северо-Запада России. Втор. пол. XV — нач. XVI в. Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 281.

завоевательная и репрессивная политика Москвы в XV–XVI вв. воспрепятствовала складыванию «четвёртой по счёту восточнославянской нации — северороссов».

Итак, в чём заключается главный трюк фальсификатора истории Русского Севера В. Н. Булатова? «Малое» Поморье в его концепции упоминается только как ареал мнимого этногенеза «поморов» в X–XII вв. Далее в его текстах эта географическая реалья XVI–XIX вв. полностью игнорируется. «Малое» Поморье он смешивает с «большим», подменяет его последним. В этом построении вся территория Архангелогородской губернии XIX в. — т. н. «Русский Север» — становится якобы реально существующим в прошлом регионом «Поморье». После чего В. Н. Булатов погружает это «большое» Поморье как можно глубже во время. Это мифическое Поморье XIV–XVI вв. он противопоставляет Московии, а его население, именуемое «поморами», всем остальным русским. Мифические «поморы», по В. Н. Булатову, якобы имели финно-угорскую «кровь», свой собственный «славянский» язык и свою этническую «поморскую культуру». Более того, в историческом прошлом они якобы были враждебны русским. «Несмотря на активные процессы ассимиляции поморов в великорусском этносе, поморы сохранили своё этническое (национальное) самосознание до наших дней», — утверждает В. Н. Булатов, подводя тем самым идеологическую базу под «поморское возрождение»⁴¹.

Означенный исторический миф о «большом» Поморье позволяет архангельским областникам и этносепаратистам в проекте создания «Поморской республики» предъявлять «исторические претензии» на всю территорию нынешней Мурманской, Архангельской областей и части Карелии. В 1990-е г. им удалось внедрить в массовое сознание северян понятие «Поморье» как синоним Архангельской области, сделать его географической реальией. В настоящее время областники и этносепаратисты вкупе с норвежцами работают над тем, чтобы понятия «Поморье» и трансграничный «Баренцев регион» стали равнозначными.

Миф о народе «поморы» также даёт в распоряжение архангельских этносепаратистов большой потенциальный человеческий ресурс. Ведь, условно говоря, все «старожильческое» население

⁴¹ Учёные о поморах.

Архангелогородской губернии до 1917 г., согласно мифу В. Н. Булатова, объявляется «поморами». «Поморское возрождение» на практике означает, что сейчас любой потомок этих «старожилов» может отказаться от русской этничности и заявить себя «помором». Поэтому неслучайно, что разрушительный этноконфликтный и политический потенциал поморского исторического мифа в сочетании с практикой «поморского возрождения» был по достоинству оценён за рубежом и получил американскую и норвежскую поддержку⁴².

Из базового мифа о «большом» Поморье и народе «поморы», его населяющем, В. Н. Булатов выводит целую серию других исторических мифов. Коротко перечислим их.

Миф о великих поморах

Поскольку вся территория нынешнего Русского Севера, по утверждению В. Н. Булатова, с XII в. была населена поморами, то все местные, чем-то знаменитые деятели русской истории и культуры объявляются им не русскими, а этническими «поморами». Итак, согласно В. Н. Булатову, поморами были: святитель Стефан Пермский и преподобный Антоний Сийский, завоеватели Сибири Ермак и братья Строгановы, землепроходцы С. Дежнев и Е. Хабаров, учёный М. В. Ломоносов и скульптор Ф. И. Шубин и т. д.⁴³ Подобный приём напоминает проделанное в XIX в. с персонажами истории Малороссии создателями украинского исторического мифа. Последователи В. Н. Булатова даже уроженца Устьяга адмирала флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова (1904–1974) объявляют сейчас «помором». Между тем сам адмирал Н. Г. Кузнецов в своих воспоминаниях писал: «Оснований увлечься романтикой моря было достаточно. В Ар-

⁴² Издание первых опытов создания самостоятельного литературного поморского языка, т. н. «поморской говори», финансировались американским фондом Форда и норвежским Баренц-секретариатом. См. Поморские сказки. Под ред. Т. Робертсена. Архангельск, 2010. С. 2; *Мосеев И. И.* Поморьская говора. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 3.

⁴³ *Булатов В. Н.* Русский Север: Учеб. пособ. С. 125, 199, 245, 263, 276, 311, 312, 338, 532.

хангельске, и особенно в его пригороде Соломбале, жило много поморов, предки которых ещё при Петре Великом селились на берегах Белого моря. Устье Северной Двины не случайно с давних пор привлекало внимание России. Студёное море открывало нашим отважным мореходам путь как на запад, так и на восток»⁴⁴. Сам себя, таким образом, Кузнецов помором не считал.

Миф о том, как поморы Сибирь освоили

Из созданного проф. В. Н. Булатовым мифа о существовании в XV–XVII вв. «большого» Поморья — обширной территории, населённой этносом «поморы», проистекает следующая булатовская фальсификация — народ «поморы» Сибирь освоили⁴⁵. «В ходе движения поморов «встречь солнца» на территории Сибири появляются постоянные поселения», — утверждает В. Н. Булатов⁴⁶. Более того, в этом вопросе В. Н. Булатов пошёл дальше. Даже все русское старожильческое население Сибири после XVII в. в одном месте он поименовал «поморами»⁴⁷. В упомянутом учебном пособии В. Н. Булатова теме освоения Сибири «поморами» отведена целая часть 2-я⁴⁸. На 191-й странице текста, посвящённого освоению Сибири, «большое» Поморье в связи с Сибирью упоминается В. Н. Булатовым 134 раза, а сами «поморы» с производным от существительного прилагательным «поморский» —

⁴⁴ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966. С. 67. В сетевой энциклопедии Интернета «Википедия» в качестве «Поморов, внёсших вклад в развитие науки, культуры и искусства» названы: писатель С. Г. Писахов, скульптор Ф. И. Шубин, писатель Ф. А. Абрамов, мореход С. И. Дежнев, писатель Б. В. Шергин. Между тем ни один из означенных деятелей историческим помором не был. Великими «поморами» они стали благодаря концепции проф. В. Н. Булатова. См. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Поморы>

⁴⁵ В этой связи отметим неудачное в своё время название статьи: *Покровский Н. Н. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI–XIX вв.)*. Новосибирск, 1968. С. 13–19. Разумеется, Н. Н. Покровский не считал поморов отличным от русских народом, но вместе с тем нельзя не заметить, что в деревнях на Северной Двине исторические поморы не проживали.

⁴⁶ Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 218.

⁴⁷ Там же. С. 289.

⁴⁸ Там же. С. 198–389. Его же. Русский Север. Кн. 2.

229 раз! Но если мы обратимся к сибирским летописям XVII в., то в текстах их мы не обнаружим ни одного упоминания «Поморья» или «поморов»⁴⁹. Что касается актов XVII в., то упоминания в них «поморских городов» достаточно редки, а упоминание «поморов» («поморских людей») вовсе отсутствует⁵⁰. Среди русских служилых людей и промышленников в документах названы москвитины, костромитины, устюжане, мезенцы, пинежане, чердынцы, пустозерцы, т. е. русские — уроженцы конкретных уездов Московского государства, но никак не поморы. Поэтому ясно, что в мифе об освоении Сибири поморами проф. В. Н. Булатов прибег к своему обычному трюку — подмене понятий. И ещё одно важное обстоятельство, на которое необходимо в данном параграфе обратить внимание адептов поморства из провинциального русского города Архангельска. Культура русского народа — это культура рек. Освоение Сибири шло не морским, а водными речными путями. Вот здесь и пригодились навыки речников — двинян, устюжан, холмогорцев и пинежан. С этим и связаны особенности, достоинства или недостатки т. н. «поморского» судостроения. Жители рек пытались приспособить речные суда к морскому плаванию. Архангельск в прошлом и сейчас — это город на реке, а не на море. Мои земляки могут согласиться со мной, что можно прожить в Архангельске до 18 лет и Белого моря ни разу не увидеть.

Исторический миф о «большом» Поморье и народе «поморы», его населявшем, имеет в качестве составляющей особую трактовку международных отношений в местном Арктическом регионе.

Здесь нужно учитывать то обстоятельство, что поморская концепция изначально создавалась В. Н. Булатовым, в том числе и под нужды формируемого норвежцами с 1992 г. трансграничного Баренц региона. «Поморы и норвежцы вместе осваивали

⁴⁹ Сибирские летописи. СПб., 1907; ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987.

⁵⁰ См. понятие «поморские города» в указных царских грамотах в Верхотурье (1621, 1623, 1632, 1634, 1639, 1641). — АИ. Т. 2. № 106, 117, 172, 180, 207, 219. С. 150–151, 176, 317, 326, 363, 377; в указных царских грамотах в Кунгур. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699). Изд. А. Г. Кузнецова. СПб., 1888. № 62, 75, 78. С. 175, 279, 291. В других документах по Сибири. См.: Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб., 1848. № 14. С. 65.

арктические моря, вели рыбный и зверобойный промыслы, два последних столетия успешно торговали». «Поморы и норвежцы так или иначе участвовали во многих экспедициях, целью которых было изучение Арктики», — утверждает В. Н. Булатов в одном из своих трудов⁵¹. Таким образом, именно эти, в его трактовке, два народа — поморы (а не русские) и норвежцы — осваивали Арктику и строили свои отношения на основе позитивных связей. Здесь концепция В. Н. Булатова созвучна идеям теоретиков Баренц региона норвежских учёных Улава Шрама Стокке и Рюне Кастберг, выделивших в своей периодизации в его истории т. н. «Поморскую эру» с кон. XVII в. до 1917 г.⁵² История этого периода подаётся как преимущественно бесконфликтное в норвежско-русских отношениях время, хотя в реальности всё было ровным счётом наоборот⁵³. В связи с подобным изображением событий такие факты русско-норвежских отношений, как беспошлинная бартерная торговля русских в датско-норвежском, шведско-норвежском Финнмарке, непомерно преувеличиваются В. Н. Булатовым. Здесь он повторяет выдуманый норвежцами миф о существовании в приарктическом регионе совместного русско-норвежского языка, т. н. руссеннорска⁵⁴. Между тем то, что сейчас норвежцы именуют «поморской торговлей», в Норвегии в прошлом долгое время называли обычно «торговлей с русскими», или «русской торговлей». Норвежский историк Э. Ниemi признаётся, что «в Норвегии у большинства её современников понятие «помор» так никогда как следует и не закрепилось. Им пользовались

⁵¹ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 4, 44.

⁵² *Stokke O. S., Castberg R. The Barents Region: Dimensions and Institutions // International Challenges. Fridtjof Nansen Institute. Oslo. Vol. 12. 1992. № 4. P. 21.*

⁵³ *Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...» Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский Сборник. 2010. Т. 8. С. 26–52; Боднарук Р. В., Давыдов Р. А. Алкоголь как инструмент экономической экспансии (в контексте российско-норвежских отношений XIX — нач. XX в.) // Материалы II международной научно-практической конференции «Алкоголизм и наркомания в Евро-Арктическом Баренц-регионе» 28 ноября — 1 декабря 1996 г. Архангельск, 1996. С. 13–17 и др.*

⁵⁴ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 35.

в основном писатели, журналисты и учёные, да и то не особенно активно, до конца XIX столетия»⁵⁵.

Миф об отсутствии крепостного права в Поморье

— историческом центре «свободы» и «демократии». В. Н. Булатов пытается представить «большое» Поморье в эпоху Средневековья как регион с иными социально-экономическими отношениями, нежели остальная Московия. В частности, здесь он повторяет довольно расхожий миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере⁵⁶. «Жители Поморья никогда не знали монголо-татарского ига и крепостного права, а в силу этого они выросли свободолюбивыми, предприимчивыми, богатыми и образованными людьми», — пишет он⁵⁷. «В XVII веке в 22 уездах Поморья основную массу населения составляли свободные от помещиков и крепостной зависимости «черносошные» поморские крестьяне»⁵⁸. «На Русском Севере сложился своеобразный тип государственного феодализма, при котором самый многочисленный слой населения — крестьянство — не знал крепостной зависимости в классической её форме»⁵⁹. Однако в данном вопросе профессор из Архангельска демонстрирует своё невежество в области отечественной истории. Оказывается, он не знает, что крепостное право — это на самом деле вовсе не «вотчинный режим» управления крестьянством, т. е. помещики (поместная система возникла до крепостного права), а особый универсаль-

⁵⁵ Ниemi Э. Поморская торговля с точки зрения норвежцев // Народы и культуры Баренцева региона. Под ред. И. Бьерклунда, Я. Меллара. П. Реймерта. Тромсе, 1996. С. 26.

⁵⁶ Миф об отсутствии крепостного права на Русском Севере возник в кругу русских западников в преддверии «Великих реформ» 1860-х гг. Здесь необходимо обратить внимание на творчество историка С. М. Соловьёва. См. Колесников П. А. Северная деревня в XV — 1-й пол. XIX в. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С. 10–11.

⁵⁷ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 34.

⁵⁸ Учёные о поморах.

⁵⁹ Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 177.

ный и всеобщий государственный режим стеснения передвижения податного населения для исправного сбора налогов в казну. О существовании крепостного права на Русском Севере в XVII в. свидетельствует множество документов, в частности такой массовый источник, как писцовые и переписные книги. Что касается монголо-татарского ига, то Новгородская земля, включая Заволочье, находилась через своего суверена — великого князя владимирского — во власти Орды в XIII–XIV вв.⁶⁰

Причиной особого социально-экономического уклада «Поморья», по В. Н. Булатову, были «республиканские» и «демократические» традиции, унаследованные им от Новгорода Великого. Этот тезис с особой настойчивостью повторяется архангельским историком несколько раз⁶¹. Эти «демократические традиции» были подорваны, по мнению В. Н. Булатова, целенаправленной политикой Московского централизованного государства. «Власть воевод была призвана удовлетворять общегосударственные интересы в ущерб демократическим порядкам, установленным на Русском Севере в прошлые столетия», — утверждает В. Н. Булатов⁶². «Москали начали проводить политику кнута и пряника»⁶³. В итоге, что касается свободы, демократии и республики, то в данном случае проф. В. Н. Булатов повторяет ставшим расхожим возникший в русской историографии в нач. XIX в. либеральный миф о древнем Новгороде Великом, сочинённый ещё в масонских ложах нач. XIX в. будущими декабристами. Технология исторического мифотворчества заключалась здесь во внедрении в иной исторический контекст современных новаций иной европейской цивилизации. При научном историческом исследовании в ближайшем рассмотрении выясняется, что древний Новгород Великий никогда не был ни республикой, ни, тем более, демократией. Апология древнего Новгорода как «правильного исторического выбора» в пользу Запада — обычный пропагандистский трюк в постсоветской России и странах Прибалтики, так же как и утверждение о победившей новгородцев Московии

⁶⁰ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М., Тверь, 1997. С. 157, 178.

⁶¹ Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 58, 410, 417, 418.

⁶² Там же. С. 418.

⁶³ Там же. С. 117, 158.

с её «азиатчиной», якобы приведшей Россию к деспотизму и краху. В данном случае В. Н. Булатов не оригинален.

Существенней во всей этой теме другое — то, что в своём творчестве проф. В. Н. Булатов не смог разобраться в самом главном в проблеме — в движении земельной собственности на Русском Севере. Так, он утверждает: «В Поморье всегда господствовало чёрное крестьянское землевладение... Положение независимых поморских волостей постепенно стало изменяться после возвышения Москвы и создания централизованного Российского государства»⁶⁴. Всё на самом деле обстояло ровным счётом наоборот. Чёрное землевладение и связанная с ним крестьянская волость утвердились на Русском Севере только после насильственной ликвидации великим князем московским новгородских вечевых порядков в 1478 г. До этого в Новгородской и Двинской землях господствовало боярское землевладение — боярская вотчина⁶⁵. Её ликвидация и утверждение на её руинах чёрного крестьянского землевладения стало фундаментальным переворотом в отношениях земельной собственности — своеобразной «консервативной» революцией сверху. Против неё подавляющее большинство населения Новгородской земли как раз не выступало. Более того, она ускорила процесс русской народной колонизации Севера.

Ну и, в заключение, здесь хотелось бы отметить один факт, оставшийся неизвестным адепту «свободы» в мифическом «Поморье» проф. В. Н. Булатову. Ещё в перв. пол. XVI в. на Двине в крестьянских семьях, происшедших от местных новгородских своеземцев, т. е. у «поморов» по терминологии проф. В. Н. Булатова, широко практиковалось патриархальное рабство. Об этом определённо свидетельствуют отдельные сохранившиеся грамоты⁶⁶. Как в данном случае быть с духом Поморья «свободой»? При

⁶⁴ Там же. С. 4.

⁶⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Втор. пол. XV — нач. XVI в. С. 279–289; *Копанев А. И.* К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV–XVI вв. // Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 15–17 июня 1967 г. Вологда, 1968. С. 519–536 и др.

⁶⁶ См., например, дельную грамоту братьев Амосовых 1527 г. — Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922. № 60. Стб. 51–55.

этом патриархальное рабство на Двине было распространённым явлением именно в новгородский период. В московский же оно изжило себя.

Миф об особых социально-экономических условиях «Поморья» порождает возвышенную типичную для любого псевдо-национализма этническую глорификацию В. Н. Булатовым «поморов». В этом отношении «поморы» становятся похожи на запорожских казаков украинского сепаратистского исторического мифа. «Дух вольности и товарищества, просвещения и свободомыслия издавна витал в Поморье. Суровая северная природа и огромные территориальные пространства сформировали особые поморские черты национального характера, предопределили необычайный путь Русского Севера. Жизнь на берегах «студёного» моря сделала поморов сильными, мужественными и трудолюбивыми», — утверждает В. Н. Булатов⁶⁷. «Меня всегда восхищали наши предки-поморы — мужественные и доброжелательные, пытливые и трудолюбивые... Д. С. Лихачёву приписывают: «Поморы так же родовиты, как столбовые дворяне»⁶⁸. В мифологии поморского этногенеза идеи автохтонности, исключительности, культурной демиургичности поморов интерпретируются как исключительность представителей поморского этноса — «соли земли Поморской». В. Н. Булатов пишет о поморах как о людях, наделённых «предприимчивостью, «поморской упрямкой», «умом, смелостью и независимостью, умением принимать самостоятельные решения в сложных жизненных ситуациях». Тут нам хотелось бы задать вопрос относительно «свободомыслия» — не потрудился бы кто-нибудь назвать имя хоть одного «свободомысла» за всю историю Архангельска, чья костная и провинциальная действительность на самом деле надёжно гарантирует местных жителей от какого-либо «свободомыслия». Заметим, подлинные исторические реалии могли далеко стоять от романтического идеала. В частности, В. Н. Булатов утверждает в своём труде: «Жители Русского Севера составляли одну из самых образованных частей населения России, а в первой половине XVI в. среди землевладельцев Европейского Севера было более

⁶⁷ Булатов В. Н. Русский Север: Учеб. пособ. С. 3.

⁶⁸ Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 7.

80% грамотных людей»⁶⁹. Каким образом проф. В. Н. Булатов определил количество грамотных среди населения северных русских уездов в перв. пол. XVI в. с точностью до процента, остаётся для нас полной загадкой. Это совершенно безответственный фантастический домысел хотя бы потому, что численность народонаселения региона в это время определяется чисто ретроспективно, а потому приблизительно. Когда же мы говорим о реальном уровне грамотности населения на Русском Севере в эпоху средневековья, необходимо обратить внимание на любопытный факт, подмеченный фольклористами и этнографами в конце XX в. Былины древних циклов они записывали от сказителей — людей, как правило, неграмотных или малограмотных⁷⁰. Оказывается, фактором сохранения былинного устного народного творчества на Севере была широко распространённая в местном обществе неграмотность населения. У грамотного образованного человека появлялись совсем другие культурные запросы, и былинами он переставал интересоваться, а тем более заучивать их наизусть и устно воспроизводить. Что касается известной статистики грамотности населения Архангелогородской губернии конца XIX века (военная статистика по рекрутам), то на общем российском фоне оно стояло на среднем уровне — порядка 67% неграмотных среди призывной молодёжи. Итак, во-первых, богатство традиционной культуры Русского Севера совсем необязательно связывать с уровнем «просвещения», как делает это В. Н. Булатов. И, во-вторых, совершенно обосновательным является связь местных религиозных традиций именно с псевдоэтнической культурой «поморов». Тут, в частности, проф. В. Н. Булатов выступает создателем *мифа об этнической религии поморов*: «Признаками этнической общности поморов являются... этническое религиозное мировоззрение (Поморская древлеправославная церковь)»⁷¹. Известный факт — распространение раскола после сер. XVII в. среди жителей т. н. «поморских волостей» Соловецкого монасты-

⁶⁹ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. С. 34–35; Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. С. 419.

⁷⁰ Марков А. Беломорские былины. М., 1901. С. 10.

⁷¹ Учёные о поморах. Отметим, что т. н. «Древлеправославная церковь» была создана частью общин раскольников в 1920-х гг. Но что такое, по В. Н. Булатову, «Поморская древлеправославная церковь» в XVII–XIX вв.?

ря. Здесь располагался один из главных центров раскола в России — Выговская пустынь. Раскольничьи скиты были и на Летнем берегу Белого моря, и на Зимнем. Но как можно при этом общины раскольников именовать церковью? Ведь само понятие «беспоповцы» именно и предполагало отсутствие какой-либо церковной иерархии у этого раскольничьего толка. А что это за церковь без клира? Сообщаем, что в 2003 г. Русская Православная церковь наградила проф. В. Булатова орденом Сергия Радонежского. Уж не за научное ли открытие факта существования церковной организации на Севере в XVII–XIX вв. у её злейшего и непримиримого врага — общин раскольников?

Мы перечислили только основные поморские исторические мифы из трудов проф. В. Н. Булатова. Исправление всех ошибок, несурзностей из его текстов потребовало бы целого тома. Пишущий эти строки беседовал о псевдоисторической «поморской» концепции В. Булатова с его бывшим коллегой историком проф. Анатолием Куратовым. «Что поделать, — посетовал в разговоре Анатолий Александрович, — Владимир Николаевич всегда был и оставался политиком». Разумеется, В. Н. Булатов создавал поморский исторический миф, руководствуясь политическими задачами и интересами. Однако на процесс этой работы, вне всякого сомнения, повлиял провинциализм и поверхностный образовательный уровень идеолога. В этом отношении В. Н. Булатов — не М. Н. Грушевский. Отметим то обстоятельство, что проф. В. Н. Булатов не имел базового университетского исторического образования, что, без сомнения, наложило отпечаток на его «научные труды». В его монографиях просматривается явная текстовая компиляция из трудов советских историков Русского Севера. В. Н. Булатов полностью игнорирует работу с источниками, что закономерно, поскольку местный архангельский пединститут при обучении ориентировал студентов на готовые схемы, но никак не на углублённую источниковедческую работу. Тем не менее отметим такую закономерность — создателем этнического поморского исторического мифа выступил деятель, занимающий высокую элитарную позицию в местном провинциальном обществе. Труды создателя поморского исторического мифа ректора местного университета, несмотря на их полную научную несостоятельность, не осмелились критиковать работавшие в этом университете историки. Так, текст «Поморской энцикло-

педии» демонстрирует в своей ключевой статье пример робкой критики «завиральных» идей редактора этого издания профессора В. Булатова историком профессором Анатолием Александровичем Куратовым. Смотрим статью «Поморы», подготовленную в основе своей А. А. Куратовым⁷². Первые две строчки этой статьи принадлежат перу редактора энциклопедии проф. В. Булатова: «Поморы, русскоязычная группа этноса, заселившая (с XII в.) берега Белого и Баренцева морей». Последние три — А. Куратову: «Правильнее рассматривать поморов как население только Беломорского побережья, представляющего собой область расселения специфической локальной группы северо-русского населения». В итоге, в одном тексте оказались заключены взаимоисключающие друг друга идеи. Более того, после смерти В. Н. Булатова в Архангельске стал создаваться культ вокруг его имени. Последнее обстоятельство является доказательством того, что идеи поморского регионализма и этносепаратизма созвучны интересам какой-то части местной архангельской областной элиты.

Подведём итоги

Ключевой принцип поморского проекта, у истоков которого стоял В. Н. Булатов, — это отрицание за членами формируемой поморской общности русских духовных и этнических корней, противопоставление русскому: истории, церкви, литературному языку, культуре. В этом отношении стратег «поморской идеи» за образец избрал практическую модель строительства украинства. Отом, что «нерусскость» является сутью проекта, свидетельствует сконструированное его адептами в конце XX в. для этноса название — «поморы». В историческом прошлом этот термин никогда не употреблялся в этническом, а только в территориальном или профессиональном смысле как обозначение жителей определённой географической местности и людей морских промысловых занятий. Тем самым уже на уровне терминологии проводится видимая грань, которая отделяет «поморов» от остального Русского мира.

⁷² Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. С. 317.

Поморский проект имеет свою, созданную В. Н. Булатовым в основе историческую и языковую концепцию, культовые фигуры и этнические мифы. В их числе: «изначальное этническое различие поморов и русских», «вековое притеснение поморского языка и культуры, насильственная ассимиляция поморов», «колониальное угнетение Россией Поморья». Из этих мифов и складывается поморская этническая идентичность. Принимая эту мнимую финно-угорскую идентичность, называя себя «помором», человек тем самым соглашается и со всеми принципами «поморской идеи».

В «поморской идее» уже изначально заложена ориентация на Запад. Отрицание за собой русскости и православия как более высокой ценности, нежели связи с Норвегией, уже само по себе является отказом от Русского мира. К тому же постоянно подчёркивается близость «поморов» и «Поморья» к Норвегии, её культуре, политике и ментальности.

Изначально вписанный в стратегию норвежского Баренцева региона поморский проект ориентировался на «Запад» не только как на абстрактную идею, но и как на вполне конкретного противника России в Арктическом регионе — Норвегию и стоящие за ней США. Сам по себе поморский проект во многом стал плодом отнюдь не бескорыстного воздействия этих стран. Противники России возвращают «поморов» идейно и организационно, подпитывают материально, полагая, что претворение в жизнь идеи особого поморского этноса, по максимуму, приведёт или к этническому расколу на Русском Севере под территориальное расчленение Российской Федерации, или, по минимуму, ослабит позиции России в контроле над её арктическими ресурсами. Опасность поморского проекта заключается в том, что он является крайним выражением интересов части деморализованной региональной элиты, смыкающейся с местной организованной преступностью. В этих условиях отсутствие в Российской Федерации нации и слабость гражданского общества, хронический социально-экономический кризис в перспективе реально ставят под угрозу целостность русского этноса на Русском Севере.

Фальсификация под видом «науки»: на чём «поморы» основывают свои политические и материальные претензии

17 апреля 2012 года глава «автономии поморов» в Архангельске Павел Есипов выступил с обращением по поводу открытого письма «по поморской проблеме» к губернатору области Игорю Орлову десяти граждан города — патриотов России. В своём обращении П. Есипов, в частности, сослался на справку «учёных» Поморского государственного университета, подтвердивших «исторические корни народа поморов». Справка была предоставлена Управлению Министерства юстиции Российской Федерации по Архангельской области. Автором означенного документа был ректор Поморского университета проф. Владимир Булатов.

ИА REGNUM публикует эту справку как документ, чтобы обществу было видно истинное качество той «интеллектуальной основы», на которой пытаются построить свои «этнические», политические и материальные претензии строители «поморской идентичности». Они — антинаучны, лживы и являются не более чем примитивной, грубой и откровенной фальсификацией.

Начальнику Управления Министерства юстиции
России по Архангельской области Ширяеву В. А.

Уважаемый Виктор Алексеевич!

В ответ на Ваш запрос можем сообщить следующее:

Поморы — отличительное самоназвание (этноним) коренной этнической общности европейского Севера России (Поморья).

Этноним «поморы» возник не позднее 12 века на юго-западном (Поморском) берегу Белого моря и в течение 14–16 вв. распространился далеко на юг и восток от места своего возникновения. Этногенез поморов был обусловлен слиянием культур протопоморских, преимущественно угро-финских (чудских) племён Беломорья и первых древнерусских колонистов, активно заселявших территории Заволочья.

В 12–15 вв. Поморье было колонией Великого Новгорода. В 15–17 вв. Поморьем назывался обширный экономический и административный район по берегам Белого моря, Онежского озера и по рр. Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка, вплоть до Урала. К началу 16 в. Поморье присоединилось к Москве. В 17 в. в 22 уездах Поморья основную массу населения составляли свободные «черносошные» крестьяне. В 19 веке Поморье стали также называть Русским Севером, европейским севером России и т. д. Впоследствии термин «Поморье» стал размываться, этноним «поморы» стал вытесняться обезличенным термином «северяне», однако несмотря на активные процессы ассимиляции поморов в великорусском этносе (этноним «великороссы» возник в 19 в.), поморы сохранили своё этническое (национальное) самосознание до наших дней. Этот факт, в частности, подтверждают данные всероссийской переписи населения 2002 г., где поморы указывали свою этническую принадлежность в графе «национальность» (реестровый код переписи № 208 «национальность — помор»).

Признаками этнической общности поморов являются: этническое (национальное) самосознание и самоназвание (этноним) «поморы», общность исторической территории (Поморье), общность культуры Поморья, общность языка (поморская «говоря»), этнический (национальный) характер, этническое религиозное мировоззрение (Поморская древлеправославная церковь), общность традиционной экономики и другие факторы.

В связи с тем, что на настоящий момент этническая общность поморов находится на грани исчезновения и нуждается в защите государства, считаем регистрацию местных НКА поморов первым из наиболее важных для восстановления данной этнической общности шагом.

Ректор Поморского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО В. Н. Булатов

Директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики доктор философских наук, профессор Н. М. Теребихин

Зав. кафедрой источниковедения, археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета, доктор исторических наук, профессор В. А. Семёнов

Итак, в справке В. Булатова изложена этническая «поморская концепция» истории Русского Севера на протяжении XII–XIX вв. Булатов — мёртв. Однако два других подписанта означенной справки — проф. Николай Теребихин (Архангельск) и проф. Виктор Семёнов (Сыктывкар) — тезисы этой концепции подтвердить какими-либо историческими документами-источниками (летописями, актами, берестяными грамотами и т. п.) не могут.

Чтобы на деле — не фальсифицировать исторические данные, а научно обосновать свои претензии, эта группа подписантов должна очень многое сделать, доказать и подтвердить фактами:

— необходимо определить археологическую культуру, которой представлены «протопоморы», и объяснить, в чём заключаются «протопоморские» черты этой культуры;

— необходимо назвать конкретные исторические источники, подтверждающие тезис — «этноним «поморы» возник не позднее XII в.», и что это был именно «этноним»;

— необходимо подтвердить документами, что в XV–XVI вв. «Поморьем назывался обширный экономический и административный район по берегам Белого моря, Онежского озера и по рр. Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама и Вятка, вплоть до Урала» и что это большое «Поморье» было населено этносом «поморы»;

— нужно доказать со ссылками на конкретные источники,

что в XVII–XIX вв. население всех 22 русских северных уездов считало себя «поморами» и край своего проживания называло «Поморьем»;

— необходимо подтвердить историческими документами, что эти «поморы», населявшие широкое пространство Русского Севера от Вологды до Урала, были ассимилированы русскими;

— нужно продемонстрировать исторические документы эпохи, которые бы свидетельствовали, что на Русском Севере в XVII–XIX вв. существовала «Поморская древлеправославная церковь». И т. д. и т. п.

Заметим ещё: концепция проф. В. Булатова полностью противоречит всем сведениям, собранным этнографами и фольклористами на Русском Севере ещё в XIX в.

Подтвердить поморскую историческую концепцию проф. В. Булатова какими-либо историческими источниками (документами) не могут в Северном Арктическом Федеральном университете в Архангельске ни Институт социально-гуманитарных и политических наук под управлением проф. Андрея Репневского с его кафедрой отечественной истории, ни Институт управления и регионологии под управлением проф. Юрия Лукина, ни Ломоносовский институт под управлением проф. Татьяны Буториной. Не может этого сделать и коллектив научных сотрудников Архангельского областного краеведческого музея. А нельзя этого сделать по той простой причине, что исторических документов, подтверждающих все тезисы поморской концепции проф. В. Булатова, просто *не существует*.

Поэтому следует заявить, что в справке проф. В. Н. Булатова по содержанию представлена псевдонаучная спекуляция. И она не является личной «ошибкой», как хотелось бы это представить некоторым в Архангельске, проф. Владимира Булатова. В сжатом виде в справке дана его целостная историческая концепция. Нетрудно убедиться, что в пространном виде она изложена автором в его многотомных сочинениях: Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997; Кн. 2. Встречь солнца (XV–XVII вв.). Архангельск, 1998; Кн. 3. Поморье (XVI — нач. XVIII в.). Архангельск, 1999; Кн. 5. Ворота в Арктику. Архангельск, 2001; Кн. 4. Свет полярной звезды (XVIII–XIX вв.). Архангельск, 2002. «Поморская концепция» истории Русского

Севера содержится в учебниках для студентов высшей школы. См.: Булатов В. Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М., 2006; Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001.

Все перечисленные книги изданы большими тиражами. Их можно найти практически в каждой библиотеке города и области. Идеи проф. В. Булатова уже который год тиражируются местными СМИ, повторяются в популярных изданиях, составляют основание местных региональных образовательных компонентов. В Архангельске ширится сеть научно-мемориальных мероприятий в память В. Н. Булатова: именование в его честь учреждений, установка в память о нём мемориальных досок и, наконец, предложение переименования в честь него улиц Архангельска.

При этом почти полтора десятка лет ректор Поморского университета проф. В. Булатов систематически занимался фальсификацией средневековой истории Русского Севера, а итогом его «трудов» было покушение на единство этнического самознания русского народа на Русском Севере и ослабление территориальной целостности Российской Федерации, совпадающее с норвежскими усилиями по созданию Баренцева региона.

«Поморство» Ломоносова — миф

В своих публикациях мы коснулись создаваемой профессурой Поморского университета (нынешнего САФУ) в Архангельске исторической концепции о поморской этничности М. В. Ломоносова. В связи с этим заметим, что полной научной безответственностью или глупостью является именование «помором» Михаила Васильевича Ломоносова, происходившего, как известно, из семьи крестьян Куростровской волости под Холмогорами, которые только по случаю и редко занимались дальними для них морскими промыслами. «Поморскость» М. В. Ломоносова — это красивый исторический миф. И если раньше в советские времена это была романтическая легенда о юных годах великого учёного, то в современных условиях поморского этностроительства в Архангельске миф обретает новое смысловое наполнение — о «нерусскости» М. В. Ломоносова. Означенный вывод требует дополнительных подробных разъяснений, для чего в этой публикации мы специально прибегаем к широкому цитированию с той надеждой, что наш будущий оппонент, появившись он, повторит подобный добросовестный доказательный приём.

Начнём с того, что сам М. В. Ломоносов сообщил о своём происхождении на допросе 4 сентября 1734 г. в канцелярии московского синодального правления: «Рождением-де он, Михайло Архангело-

городской губернии Двинского уезда дворцовой Куростровской деревни крестьянина Василия Дорофеева сын, и тот-де его отец и поныне в той деревне обретається с прочими крестьяны и положен в подушный оклад»¹. Отметим в связи с этим показанием, что исторических документов, в которых М. В. Ломоносов именовал себя или иных своих родственников «поморами», не существует. Он — крестьянин по сословному состоянию и двинянин по местному региональному определению. Локализация «двинянин», т. е. житель Двинского уезда, согласуется с определением «двинские жители» («двинской народ»), используемым младшим современником М. В. Ломоносова местным историком архангелогородцем Василием Васильевичем Крестининым (1729–1795)².

В Государственном архиве Архангельской области сохранились документы со сведениями об отце М. В. Ломоносова Василии Дорофеевиче, его дяде — Луке Леонтьевиче. В них они опять же именуется «крестьянами Куростровской волости», «двинянами», «холмогорцами», но никак не «поморами»³. Также не именовала «поморами» самого М. В. Ломоносова и встречавшихся с ним его земляков, приходивших из Архангельска на кораблях в Санкт-Петербург, жившая у него племянница Матрёна Евсеевна Головина (в замужестве Лопаткина). Воспоминания были записаны от неё в 1828 г. Павлом Петровичем Свиным в Архангельске.⁴

Если мы обратимся к первым биографиям М. В. Ломоносова втор. пол. XVIII в., составленным сразу же после его смерти, последовавшей 4 апреля 1765 г., то обнаружим, что определения «помор» применительно к великому русскому учёному, его отцу или другим родственникам в них не существует.

Так, граф Андрей Петрович Шувалов (1743–1789), боготворивший учёного, летом 1765 г. написал в Париже «Оду на смерть го-

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М., Л. 1957. Т. 10. № 473. С. 322–323.

² Крестинин В. В. Труды. Творческая биография. Библиография. Архангельск, 2007. С. 26–27, 121, 127.

³ Сибирцев И. М. К биографическим сведениям о М. В. Ломоносове (Его жизнь на родине) // Ломоносовский сборник, 1711–1911. СПб., 1911. С. 29–65; Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975. С. 231, 234–235.

⁴ Свиный П. Потомки и современники Ломоносова // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. Отд. 1. С. 213.

сподина Ломоносова, члена Академии наук в Санкт-Петербурге». В предисловии к ней в короткой биографии учёного он отметил, что «господин Ломоносов родился в Архангельске от родителей, занимавшихся торговлей, но не особенно зажиточных»⁵.

Спустя несколько лет в 1772 г. знаменитый русский просветитель и книгоиздатель Николай Иванович Новиков (1744–1818) издал «Опыт исторического словаря о российских писателях», в котором отдельной статьёй была дана биография М. В. Ломоносова. О происхождении учёного Н. И. Новиков написал: «Ломоносов Михайло Васильевич... родился в Колмогорах в 1711 г. от промышленника рыбных ловель»⁶.

В 1770–1771 гг. поездку по Архангелогородской губернии совершил поэт и писатель Михаил Никитич Муравьёв (1757–1807). От земляков М. В. Ломоносова он записал несколько историй о нём. Вот, что, в частности, М. Н. Муравьёв узнал о происхождении первого русского учёного: «Против Холмогор примечания достойна волость Керостров, место рождения Ломоносова. В одной из сельских хижин образовался сей сияющий дух... Уже успел он начальствовать судном отца своего, ходившего на промыслы к Шпицбергену... Как! в хижине земледельца, в состоянии посвящённом ежедневному труду, далеко от всех способов просвещения, от искусств, от общества — родится разум, обогащённый всеми дарованиями...»⁷.

В эти же годы, в 1771–1772 гг., путешествие по Русскому Северу предприняли академик Иван Иванович Лепехин (1740–1802) и его помощник, будущий академик, Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827). Книга IV путешествия И. И. Лепехина, посвящённая описанию Архангелогородской губернии, увидела свет только в 1805 г. после смерти её автора. В означенном издании опубликовано свидетельство о юных годах М. В. Ломоносова куростровского дьячка Василия Варфоломеева. Путешественники получили его 9 июля 1788 г. от Степана Матвеевича Негодяева-

⁵ Шувалов А. П. Предисловие к «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в Санкт-Петербурге». В кн.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. М., Л., 1936. С. 277.

⁶ Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 119.

⁷ Муравьёв М. Н. Сочинения Т. 2. СПб., 1847. С. 325–329.

Кочнева. В нём, в частности, мы можем прочесть следующее: «Михайло Васильевич Ломоносов родился в 1709 году Архангелогородской губернии Двинского уезда Куростровской волости от черносошного крестьянина Василья Ломоносова, почему в первой переписи бывшей в 722 году и написан в Куростровскую волость в крестьянство. Отец его промысел имел на море на Мурманском берегу и в других приморских местах для лову рыбы, трески и палтосины на своих судах, из коих одно время имел немалой величины гуккор с корабельною оснасткою»⁸.

В 1783 г. академиком Якобом (Яковом Яковлевичем) Штелином (1709–1785) по просьбе Академии наук были составлены «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова». В них Я. Штелин писал: «Ломоносов родился на острове, лежащем на Северной Двине, недалеко от Холмогор в Куростровской волости, в 1711г... отец его рыбак»⁹.

Известный германский историк Август Людвиг Шлецер (1735–1809), работавший одно время в Российской академии наук, вспоминал позднее: «Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 г. в Холмогорах, которые теперь деревня на острове Двины, а до построения Архангельска были главным пунктом тамошнего конца света. Сын рыбака, с которым он в юности занимался рыбной ловлей...»¹⁰.

Значимым этапом в изучении биографии М. В. Ломоносова стало издание в 1784 г. в составе его «Полного собрания сочинений» т. н. «Академической биографии». Эту биографию под названием «Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова» составил член Российской академии наук и профессор Московского университета Михаил Иванович Верёвкин. О происхождении М. В. Ломоносова в «Академической биографии» говорится следующее: «Михайло Васильевич Ломоносов родился 1711 года в Двинском уезде в Куростровской волости в деревне Денисовской, на Болоте тоже, на острове, лежащем недалеко от Холмогор.

⁸ Путешествия академика Ивана Лепехина. Ч. IV. В 1772 г. СПб., 1805. С. 298.

⁹ Штелин Я. Анекдоты // Москвитянин. 1850. Ч. 1. Отд. III. С. 1–14.

¹⁰ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пер. В. Кеневича // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1875. Т. 13. С. 198.

Отец его государственный крестьянин Василий Дорофеев сын, житель сей волости, промыслом рыбак. Начал брать его от десяти до шестнадцатилетнего возраста с собою каждое лето и каждую осень на рыбные ловли в Белое и Северное море»¹¹.

Упомянувшийся уже историк архангелогородец В. В. Крестинин в своей работе «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в севере» (1785) так писал о близких родственниках М. В. Ломоносова: «Ровдогорские соцкие обыкновенно состояли под начальством земскаго старосты околопосадныя Холмогорския трети: по чему Иван Негодяев был, во время последняя своя службы, под ведомством земскаго старосты Луки Ломоносова, родом Куростровца. Василей Ломоносов, куростровской крестьянин, отец статскаго советника и члена разных Академий Михаила Васильевича Ломоносова, был сему земскому старосте Луке родной племянник»¹².

В «Слове о Ломоносове» из заключительной части «Путешествия из Петербурга в Москву» Александр Николаевич Радищев (1749–1802) так пишет о нашем герое: «суждённый делить время своё между рыбным промыслом и старанием получить мзду своего труда, — разум молодого Ломоносова не мог бы достигнуть той обширности, которую он приобрёл»¹³.

В 1791 г. родину М. В. Ломоносов Куростров посетил путешествовавший по Северу друг А. Н. Радищева Пётр Иванович Челищев (1745–1811). Его путевые заметки были опубликованы только в 1886 г. в книге «Путешествие по Северу России в 1791 году». Осмотрев «лежащее печально» место ломоносовского дома, П. И. Челищев поставил здесь деревянный памятник. М. В. Ломоносова он возвышенным слогом назвал в своих записках «сельским холмогором»¹⁴. В соседних Матигорах заметил он: «Здесь живёт состоящий в подушном окладе государственный крестьянин Евсей Фёдоров Головин, его жена Марья Васильевна, родная сестра

¹¹ *Верёвкин М. И.* Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова // Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде ещё не напечатанных творений. СПб., 1786. Ч. 1. С. III–XVIII.

¹² *Крестинин В. В.* Труды. С. 98.

¹³ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1976. С. 215.

¹⁴ *Челищев П. И.* Путешествие по северу России в 1791 году. М., 2008. С. 145.

Михаила Васильевича Ломоносова, мать профессора Михаила Евсеева Головина»¹⁵. О судьбе последней журнал «Вестник Европы» в 1804 г. сообщил в статье «Николай Исаевич Ахвердов или нечто о потомстве Ломоносова»: «В 1798-м году в марте месяце генерал-майор Ахвердов приехал на губернаторство в Архангельск. Объезжая уезды сей губернии, узнал Марью Васильевну Головину родную сестру Великого Ломоносова, в крестьянском быту живущую»¹⁶. Н. И. Ахвердов сообщил об этом письмом в столицу генерал-прокурору князю Алексею Борисовичу Куракину. Тот доложил об этом государю, и император Павел I указом повелел: «В уважение памяти и полезных познаний знаменитого Санкт-Петербургского Академии Наук профессора, статского советника Ломоносова, Всемилостивейше повелеваем, рождённого от сестры его, Головиной, сына, Архангельской Губернии, Холмогорского уезда, Матигорской волости крестьянина Петра с детьми и с потомством их, исключая из подушного оклада, освободить от рекрутского набора».

Таким образом, показания ранних биографов М. В. Ломоносова о его крестьянском происхождении полностью соответствуют тем сведениям, которые дал о себе сам первый русский учёный. Дополнительно биографы определили, что отец Ломоносова был «рыбак», а сам великий учёный в детские и юношеские годы занимался «рыболовством». Представление о М. В. Ломоносове как о «сыне рыбака» проникло в русскую классическую литературу перв. пол. XIX в. Вот хорошо известное стихотворение о М. В. Ломоносове гения русской поэзии и культуры Александра Сергеевича Пушкина «Отрок»:

Невод рыбак расстилал по берегу студёного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Режи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

А вот не менее красивое стихотворение о М. В. Ломоносове из черновиков Александра Сергеевича Грибоедова:

¹⁵ Там же. С. 146.

¹⁶ Вестник Европы. 1804. № 10. Ч. 15. С. 312.

Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,
Сын рыбака, чудовищ земноводных
Ловитвой жил: в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!¹⁷

Тогда же Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) писал о Ломоносове: «Рождённый под хладным небом северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства... Гений его советовался только сам с собой»¹⁸.

Зачинатель русского славянофильства Константин Сергеевич Аксаков в опубликованной в 1846 г. работе «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» писал о великом русском учёном: «Судьба и призвание нашли его рыбаком на берегах Ледовитого моря, и оттуда, слышав призыв и кинув верное, спешил он, влекомый жаждою знания, на подвиг ему соразмерный, великий, согласный с любовью, желанием души его, но представлявшийся ему ещё тогда в неясном, неверном, сомнительном свете»¹⁹.

А вот что говорил в 1855 г. в торжественной речи по случаю столетия основания Московского университета русский историк и общественный деятель Михаил Петрович Погодин: «Кому могло впасть в ум, кто мог когда-нибудь вообразить, чтоб продолжать дело Петрово в области самой высокой, преобразовать родной язык и посадить европейскую науку на русской почве, предоставлено было судьбой простому крестьянину, который родился в курной избе, там, там далеко в стране снегов и метелей у края обитаемой земли на берегах Белого моря; который до семнадцатилетнего возраста занимался постоянно одною

¹⁷ Грибоедов А. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1971. С. 357.

¹⁸ Карамзин Н. Пантеон российских авторов. Ч. 1. Тетрадь 4. М., 1803.

¹⁹ Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. В кн.: Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. Сост. А. С. Курилов. М., 1981. С. 125.

рыбною ловлею, увлѣкся на несколько времени в недра злейшего раскола и был почти сговорѣн уже с невестою из соседней деревни... И семнадцатилетний рыбак среди приготовлений к своей свадьбе решился бежать из отеческого дома, достичь Москвы во что бы то ни стало и предаться там учению»²⁰.

Итак, М. В. Ломоносов и в перв. пол. XIX в. остаётся в биографической литературе о нём по происхождению «крестьянином» и «сыном рыбака», а по своим занятиям в юные годы — «рыбаком». Как можно объяснить факт отсутствия определения «помор» применительно к М. В. Ломоносову при его жизни и в его посмертных биографиях? Дело в том, что в местной региональной традиции с перв. пол. XVI в. «поморцами» (поморами) звали население западного Беломорья, жителей проживавших в т. н. «поморских волостях» по берегам Поморскому (Шуя, Сума, Кемь), Корельскому (Кереть, Порья-губа) и, частично, Терскому (Кандалакша, Умба) берегу. Из документов XVI в. известно, что тогда нынешний Онежский берег звался Поморьем²¹. Что касается населения восточного сектора Беломорья, то в XVIII в. и ранее в местном употреблении оно «поморами» не называлось и не определяло само себя таковыми. В этом отношении его нельзя смешивать с пришедшим в формирующуюся науку из центрального указного делопроизводства понятием «поморские жители» (вариант — «поморские люди»)²². Приказное понятие «поморские люди»

²⁰ *Погодин М. П.* Воспоминание о Ломоносове, сочинённое академиком М. П. Погодиным, для произнесения в торжественном столетнем собрании Московского университета 12 января 1855 г. // ИОРЯС. 1855. Т. 4. Стб. 70–71.

²¹ См. Отпись дьяков Казарина Дубровского и Леонтия Ананьина о приёме дани и оброков с Каргопольского и Турчасовского уездов (1 марта 1559 г.) // Акты социально-экономической истории севера России кон. XV—нач. XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Сост. И. З. Либерзон. М., 1988. № 242. С. 155.

²² Понятие «поморы» ни разу не встречается в творческом наследии М. В. Ломоносова. Понятие «поморские жители» — единственный раз. «По взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на восток Российской державы, произведённых больше приватными поисками нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся после победителя в Сибири, также и поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие...». — *Ломоносов М. В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию // Полн. собр. соч. Т. 6. М., Л., 1952. С. 448. В данном случае М. В. Ломоносов продолжил научную

не имело связи с самоидентификацией населения Архангелогородской губернии. Сам М. В. Ломоносов в местном определении был «двинянином», «холмогорцем». «Поморцами» в это время были жители совсем других районов Белого моря. Существование в XVI–XVIII вв. двух зон в Беломорье — западной и восточной — связано с особенностями колонизации региона по двум транспортным коридорам — двинскому и онежскому. Поморская самоидентификация, но не этническая идентичность (!) ранее всего развилась не в восточном Беломорье, входившим в Двинскую землю, а у жителей побережья северо-западного Беломорья. Термин «поморец» (помор) впервые появился здесь, в среде населения, освоившего океанский промысел на западном побережье Мурмана на Коле.²³

Возникает тогда законный вопрос: кто, когда и зачем сделал из Михаила Васильевича Ломоносова «помора» (вариант — «Великого Помора»)? Исследование биографической литературы легко позволяет решить этот вопрос. Биографом, который впервые сделал из М. В. Ломоносова «помора», был великий русский историк славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914). К столетию смерти великого учёного в 1863 г. он издал его биографию²⁴. В ней впервые в биографической литературе М. В. Ломоносов назван «помором». Отметим ряд условий, повлиявших на подобный поворот в «ломоносоведении». В. И. Ламанский с нач. 60-х гг. XIX в. занимался историей Российской академии наук. Он никогда не был специалистом по истории Русского Севера. Но при этом В. И. Ламанский был чрезвычайно талантливым и плодовитым историком. Последнее обстоятельство стало залогом того, что биография В. И. Ламанского повлияла на всё последующее биографическое «ломоносоведение». Положения её стали воспроизводиться следующими поколениями историков как само собой разумеющиеся истины. Сфера научных интересов В. И. Ламанского — зарубежные славяне. Здесь историк исходил

традицию, установленную В. Н. Татищевым. В XVIII в. этот термин в науке не удержался.

²³ *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 69–72.

²⁴ *Ламанский В. И.* Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб., 1863.

из идеи уникальности славянства, породившего в истории человечества якобы самые совершенные общественные институты. Наконец, В. И. Ламанский — панславист, враг всего германского в России и славянском мире. Здесь ему по-человечески был близок М. В. Ломоносов, боровшийся, как известно, с немецким засилием в Российской академии наук. Второе важное обстоятельство — по своим политическим взглядам В. И. Ламанский был славянофилом, сочувствовавшим народникам с их идеями общины. И третье, не менее важное обстоятельство — биография М. В. Ломоносова была написана В. И. Ламанским в эпоху начала Великих реформ Александра II, сразу же после отмены крепостного права. Т. е. на творчество В. И. Ламанского в данном конкретном случае повлияла не только идеология славянофильства, но общественный оптимизм того времени. Тогда казалось — стоит изменить общественную среду, и Россия коренным образом изменится. Поэтому неслучайно, что историк попытался опровергнуть тезис о Божественном избранничестве М. В. Ломоносова и указать на значение общественной среды для становления личности великого русского учёного. В этом отношении В. И. Ламанский исходил из положения о якобы особых социальных условиях, сложившихся на Русском Севере, и об уникальном характере поморов с их особой промысловой общиной и общинными отношениями. «Деревенская жизнь Михайлы, его морские плавания, борьба с суровой природою, страшные физические лишения, с которыми неразлучна жизнь поморов, не только развили в Ломоносове необычные физические, но и нравственные силы, закалили его характер, приготовили его к борьбе, подвигам и испытаниям, ожидавшим его на других поприщах», — писал он²⁵. После биографии В. И. Ламанского в «ломоносоведении» общим местом стало повторение «истин» об особом общественном и культурном укладе Русского Севера как факторе становления личности М. В. Ломоносова. Пишут об этом в «ломоносоведении» и сейчас, правда, при этом не задумываются о том, что если все так было замечательно в этом периферийном крае, то почему тогда его «выдающаяся» общественная (а на самом деле чрезвычайно косная) среда дала России одного только М. В. Ломоносова.

²⁵ Там же. С. 32.

Итак, М. В. Ломоносов в биографической литературе стал «помором» спустя 100 лет после своей смерти. В качестве источника для своей концепции о «поморстве» М. В. Ломоносов В. И. Ламанский использовал две работы: упоминавшееся уже сочинение И. И. Лепехина (1805 г.) и книгу писателя Сергея Васильевича Максимова (1839–1901), в 1856–1857 гг. совершившего путешествие по Русскому Северу²⁶. И. И. Лепехин описывал промысловый труд поморов в кон. XVIII в. С. В. Максимов писал о том же самом, но его тексты интересны другим. Они свидетельствуют о том, что в это время прежнее понятие «поморец» как житель «поморских волостей» Белого моря начинает пониматься по-новому, шире, как вообще промышленник, занимающийся в Белом и Баренцевом морях рыбным и зверобойным промыслами. Хотя при этом С. В. Максимов и сделал многозначительную оговорку в своей книге: «Поморским берегом, или собственно Поморьем, на языке туземцев называется западная часть Онежского залива между двумя уездными городами губернии: Онегой и Кемью. Дальние поморы мезенские и терские обыкновенно зовут этот берег Кемским. Мы следуем первоначальному названию этого берега по той причине, что *поморцами, поморами называются исключительно обитатели Кемского берега*»²⁷. Справедливость этого утверждения в кон. XIX в. подтвердил писатель архангелогородец Николай Васильевич Латкин (1832–1904). Вот что он писал в одном русском энциклопедическом издании: «Поморы — местный термин, ныне ставший всеобщим для промышленников Архангельского, Мезенского, Онежского, Кемского и Кольского уездов Архангельской губ., занимающихся рыбным (преимущественно тресковым), палтусиным, отчасти акульным и нерпичьим промыслами на Мурмане и в северной части Норвегии, в дозволенных нашим промышленникам местах. Слово «поморы» произошло от Поморья (см. Поморский берег), а от Поморья перешло и на их суда, на которых они доставляют продукты своего лова в Архангельск и Петербург «поморские суда», «поморские шхуны»²⁸.

²⁶ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984.

²⁷ Там же. С. 245.

²⁸ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 24а. СПб.,

Что касается участия земляков М. В. Ломоносова куростровцев в промысловой деятельности, то С. В. Максимов отметил: «Василий Дорофеев был мужик зажиточный, и в то время, когда ещё вёлся обычай в Куростровской волости обряжать дальние покруты за треской и морским зверем на Мурманский берег океана, он был одним из трёх хозяев, рисковавших этим делом. Теперь промысел этот оставлен всеми подвинскими жителями, и оставлен давно во имя нового дела — хлебопашества, которым занимаются и жители Кур-острова»²⁹. Т. е. занятие морскими промыслами было не типичным занятием для крестьян Куростровской волости — родины М. В. Ломоносова.

Как бы там ни было, но именно В. И. Ламанский утвердил литературную традицию определять М. В. Ломоносова «помором». Известное и столь частое повторяемое в советские времена высказывание Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918): «Архангельский мужик стал разумен и велик не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника»³⁰, — выдаёт знакомство основателя российской социал-демократии не только с известным стихотворением Н. А. Некрасова «Школьник», но и с текстом биографии М. В. Ломоносова, вышедшей из-под пера В. И. Ламанского. В данном случае идея Г. В. Плеханова, увы, не была оригинальна. Итак, «помор» при ближайшем рассмотрении заместило при имени Ломоносова прежнее «рыбак». Заметим, что две линии — «рыбак» и «помор» — в соединении с «крестьянином» в биографической литературе о М. В. Ломоносове благополучно сосуществовали во втор. пол. XIX в. При этом, однако, очевидное преимущество имела версия «рыбак». В этом не трудно убедиться, если обратиться к научно-справочной литературе. В энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона читаем: «Ломоносов родился...

1898. Стб. 506. Для определения понятия «исторические поморы» мы бы рекомендовали пользоваться русскими энциклопедиями конца XIX века. Советские энциклопедии уже содержали ошибку в определении большого Поморья.

²⁹ Там же. С. 571.

³⁰ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XXI. М., Л., 1925. С. 141.

от зажиточного крестьянина Василия Дорофеева Ломоносова и дочери дьякона из Матигор Елены Ивановой. У отца Ломоносова была земельная собственность и суда, на которых он занимался рыбной ловлей и совершал далёкие морские разъезды с казённой и частной кладью»³¹. Вариант: «Он родился... в крестьянской довольно зажиточной семье. Его отец занимался рыбным промыслом»³². Однако в более позднем энциклопедическом словаре Граната можно было прочесть: «Родился... в семье достаточного помора-крестьянина»³³.

В продолжение темы отметим, что новым в биографической литературе о М. В. Ломоносове с нач. XX в. стало относящееся к нему определение «Великий Помор» (вариант «Гениальный Помор»). Появилось оно в биографической литературе к 200-ой годовщине рождения М. В. Ломоносова и, что любопытно, вначале в дешёвых копеечных книжках для семейного чтения и для назидания народа. Использованное в заглавии, в самом тексте книжки оно, как само собой разумеющееся, никак не пояснялось³⁴. Появление подобной иррациональной категории применительно к М. В. Ломоносову свидетельствует о том, что литература о нём из биографического жанра стала переходить в разряд агиографии. Согласимся, что понятие «Великий Рыбак» применительно к М. В. Ломоносову звучало бы странно и дико, а вот «Великий Помор» — уже возвышенно и романтично.

Что касается советского периода биографического жанра в «ломоносоведении», то отметим решающую роль историка химии профессора Ленинградского Политехнического института Бориса Николаевича Меншуткина (1874–1938) — многолетнего исследователя жизни и деятельности М. В. Ломоносова, в утверждении в литературе о М. В. Ломоносове применитель-

³¹ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 17а. СПб., 1896. Стб. 940.

³² Новый энциклопедический словарь. Брокгауз Эфрон. Т. 24. Пг., 1915. Стб. 854.

³³ Энциклопедический словарь Граната. Изд. 7. Т. 27. М., 1915. Стб. 354.

³⁴ *Круглов А. В.* Гениальный Помор. Очерк жизни М. В. Ломоносова. М., 1903 (Библиотека маленького читателя); *Добрынин К. И.* Великий Помор. Очерк жизни и деятельности М. В. Ломоносова. М., 1910. (Для школьного и семейного чтения.)

но к нему понятия «помор»³⁵. В советское время под «помором» понималось «промышленник» (изначальное «рыбак»). В этом не трудно убедиться, если проанализировать биографические статьи о М. В. Ломоносове во всех изданиях Большой Советской Энциклопедии: «по происхождению — крестьянин, сын помора» (1-е изд); «Ломоносов родился... в семье крестьянина-помора» (2-е изд); «Ломоносов родился... в семье крестьянина-помора Василия Дорофеевича Ломоносова, занимавшегося морским промыслом на собственных судах» (3-е изд)³⁶. Но вот в издающейся сейчас Большой Российской Энциклопедии в биографической статье «Ломоносов» мы читаем: «Родился в семье поморского крестьянина»³⁷. Понятие «поморский крестьянин» в подобной формулировке можно трактовать или в региональном смысле (по месту проживания, сравни «сибирский крестьянин») или в этническом (сравни «русский крестьянин»). Подобный поворот свидетельствует об очередном изменении понятия «помор».

Итак, мы рассмотрели проблему «поморства» М. В. Ломоносова на историческую глубину биографического жанра и убедились, что само понятие «помор» изменялось в общественном восприятии на протяжении трёх последних столетий. В связи с этим М. В. Ломоносов за время, прошедшее с его смерти, побывал «рыбаком», потом он стал «помором» и даже «Великим Помором». А сейчас из него в Архангельске деморализованная десятилетиями Смуты потерявшая честь и совесть кучка местной интеллигенции пытается сделать «этнического» помора. Историческим курьёзом происходящего является попытка сотворить из «рыбаков», по одному изначальному определению, новый «коренной» народ Арктики.

В связи с этим обратим внимание на деятельность Ломоносовского центра Северного Арктического Федерального университета в утверждении на новом этапе «ломоносоведения» представлений о «поморстве» как иной этнической

³⁵ Менишуткин Б. Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911; Менишуткин Б. Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. 3-е изд. М., Л., 1947.

³⁶ БСЭ. Т. 37. М., 1938. Стб. 373; БСЭ. 2-е изд. Т. 25. М., 1954. С. 375; БСЭ. 3-е изд. Т. 15. М., 1974. С. 8.

³⁷ БРЭ. Т. 18. М., 2011. С. 5.

самоидентификации М. В. Ломоносова. В Архангельске уже скоро без малого четверть века фальсификацией начального этапа биографии великого русского учёного занимается директор этого центра профессор Татьяна Сергеевна Буторина³⁸. По совместительству она ещё является и вице-президентом Ломоносовского фонда. Проф. Т. С. Буторина исходит из положения, что в прошлые времена Русский Север населяли «поморы» и современное население Архангельской области является потомками этих самых «поморов». Проф. Т. С. Буторина утверждает: «Михайло Ломоносов стал ярким и характерным представителем русского субэтноса, населявшего Поморье, которое исторически являлось посредником между Западом и центром Руси. Положение крестьян на Севере в значительной мере было аналогично положению крестьян в Норвегии. Норвежский крестьянин, как и поморский, никогда не был крепостным. Именно это обстоятельство объясняет наличие специфических образовательных традиций и своеобразного характера у скандинавов и поморов... Отец Ломоносова по характеру был типичным помором: настойчивым, трудолюбивым, смелым, предприимчивым, справедливым, отважным, человеком широкой натуры»³⁹. Отметим несколько моментов в этом тексте проф. Т. С. Буториной. Во-первых, мы обратились лично к Татьяне Сергеевне, чтобы она назвала нам хотя бы один исторический источник, в котором М. В. Ломоносов назвал бы себя «помором» или его назвали бы таковым. Разумеется, проф. Т. С. Буторина не смогла этого сделать. Поэтому совсем неуместными и фантастическими являются подобные утверждения «ломоносоведа», а фактически, фальсификатора истории

³⁸ 9 октября 1990 г. проф. Т. С. Буторина защитила докторскую диссертацию «Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII в.». Она является автором следующих, часто сомнительных с точки зрения науки, «трудов», таких как: *Буторина Т. С. Своеобразие народной педагогики поморцев // Советская педагогика. 1989. №7. С. 111–116. Буторина Т. С. М. В. Ломоносов и педагогика. Архангельск, 2001. Буторина Т. С. Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII века. Архангельск, Москва, 2005. Буторина Т. С. Педагогическая регионология: Учебное пособие. Архангельск, 2004.*

³⁹ *Буторина Т. С. Личная судьба М. В. Ломоносова // К пользе и славе Отечества. Ред. Т. С. Буторина. Архангельск, 2003. С. 174–175.*

Русского Севера Т. С. Буториной: «М. В. Ломоносов гордился своим поморским происхождением»; «Михаил Васильевич Ломоносов по-мужски, по-поморски оберегал покой своей семьи»; «Михаил Васильевич, следуя поморским традициям, никогда не показывал открыто своих чувств к Елизавете Андреевне». Последний факт в «научном труде» Т. С. Буториной вообще из области беллетристики и женского романа.

Во-вторых, обратим внимание на странное утверждение профессора из Архангельска об отсутствии крепостного права на Русском Севере. Отметим, что проф. Т. С. Буторина всю жизнь «занимается» М. В. Ломоносовым. Она, как кажется, должна знать о нём всё до мельчайших подробностей. Как в таком случае с подобным утверждением Т. С. Буториной согласуется известный факт из биографии великого учёного, что для поездки в Москву он оформлял паспорт и что потом по истечении срока действия этого паспорта М. В. Ломоносов числился в беглых? Так выясняется, что проф. Т. С. Буторина не знает, что такое крепостное право. Поэтому повторим ещё раз, что крепостное право — это на самом деле вовсе не «вотчинный режим» управления крестьянством, т. е. помещики (поместная система возникла до крепостного права), а особый универсальный и всеобщий государственный режим стеснения передвижения податного населения для исправного сбора налогов в казну. Поэтому крепостное право на Русском Севере всё-таки было. Наверняка Т. С. Буторина знакома с работой нашего лучшего биографа жизни и деятельности М. В. Ломоносова Александра Антоновича Морозова (1906–1992) «Родина Ломоносова»⁴⁰. В ней при желании можно найти множество фактов о реалиях крепостного режима на Русском Севере при жизни М. В. Ломоносова.

И, в-третьих, совсем неуместным выглядит утверждение проф. Т. С. Буториной об общности социально-экономической жизни Русского Севера с Норвегией. Здесь на творчество ведущего «ломоносоведа» в Архангельске несомненно повлияла норвежская культурная политика Баренц-региона. Это прямой реверанс норвежцам с их грантовой политикой подкупа местных провинциалов. И действительно, проф. Т. С. Буторина помимо

⁴⁰ Морозов А. А. Родина Ломоносова. Архангельск, 1975.

«ломоносоведения» без знания норвежского языка смогла отличаться на ниве скандинавистики⁴¹.

И, в-четвёртых, Т. С. Буторина не пошла так далеко, как проф. В. Н. Булатов, заявивший, что «поморы» — нерусский этнос. Она осторожна и берет на тон ниже. В её концепции М. В. Ломоносов — «помор», но русский. Как бы там ни было, но концепция «русских поморов», населявших Русский Север от Белоозера до Урала, также ложна. При изучении источников становится очевидно, что М. В. Ломоносов не был ни «помором», ни тем более «русским помором».

Отметим, что своим псевдонаучным творчеством проф. Т. С. Буторина даёт нам многочисленные примеры явления, которому мы в своё время дали название «поморская истерия». Тут можно привести весьма характерные для поморского квазинационализма разбросанные по различным трудам высказывания проф. Т. С. Буториной: «поморы — это мирные пираты сердитого океана»; «Поморы своими физическими и умственными качествами далеко превосходили жителей средней части России»; «Поморье было богато замечательными женщинами, славящимися тонкими, миловидными чертами. Однако они не уступали мужчинам ни в силе, ни в ловкости, ни в трудолюбии... Женщина-поморка была очень чистоплотной, до щепетильности»; «Поморская культура, маргинальная относительно русской культуры центральных областей России, боролась за сохранение своей этнокультурной самоидентификации»; «Для поморских игр характерны простота, общедоступность, широкая распространённость среди других народов. Поморским народным играм свойственна гармоничность сочетания самобытного национального начала с общечеловеческим». Про поморов проф. Т. С. Буторина пишет: «Своеобразный психический склад личности, неодинаково развитый на разных поморских берегах, трудно выразимый в точных научных терминах»⁴². Этот «особый психический склад» — менталитет поморов — проф. Т. С. Буторина вы-

⁴¹ Буторина Т. С. Женское воспитание в норвежской семье XIX века. М., Воронеж, 2006 (в соавторстве с М. А. Калининой).

⁴² Буторина Т. С. Педагогическая регионология: Учебное пособие. Архангельск, 2003. С. 34.

разить не смогла только потому, что его на поверку не существует по той простой причине — идентичности менталитета поморов общерусскому складу ума и психики. Тем не менее помимо поморских этнических фальсификаций вокруг М. В. Ломоносова проф. Т. С. Буторина является ещё и автором в рамках созданной ею т. н. «педагогической регионологии» лженаучной теории «поморской семьи» и «поморской педагогики». На этом направлении она нанесла бóльший ущерб Русскому Миру и русскому этническому сознанию на Русском Севере, чем идеолог поморского этносепаратизма проф. В. Н. Булатов, по той простой причине, что местной молодёжи в университете в Архангельске педагогику с её лживым «поморским» региональным компонентом преподают на всех гуманитарных факультетах. Вкратце фальсификация проблемы «поморской семьи» и «поморской педагогики» сводится к следующему. Т. С. Буторина начинает пользоваться локальным этнографическим материалом Кемского уезда второй половины XIX в. Между тем ещё этнограф Русского Севера Пётр Саввич Ефименко (1835–1908) предупреждал: «Долговременное пользование самоуправлением во время владычества Новгорода, равномерное падение крепостного права, занятие опасными морскими промыслами, частые торговые сношения с иностранцами, частое посещение Петербурга и других мест произвели в здешнем народе необыкновенную для крестьянского сословия развитость, ясное понимание своих выгод, предприимчивость и охоту перенимать всё полезное, неустрашимость и отвагу, доходящие до презрения жизни. Всё сказанное преимущественно относится к поморам, но, в меньшей степени, приложимо и к обитателям внутренних частей губернии»⁴³. Т. е. условия Кемского уезда отличались от состояния внутренних уездов губернии. А Т. С. Буторина локальный материал Кеми, которая, кстати, сейчас находится вне территории Архангельской области, распространяет на всю эту территорию⁴⁴. Это приводит как к фундаментальной фальсификации, так и к частным ошибкам.

⁴³ Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009. С. 21–22.

⁴⁴ Буторина Т. С. Педагогическая регионология. С. 38.

Глядя на Ломоносова по-поморски

12 ноября 2011 года ИА РЕГНУМ сообщило о выходе в свет специального выпуска исторического журнала «Родина» (2011. № 9), посвящённого 300-летию со дня рождения великого русского учёного М. В. Ломоносова. Редактор журнала Юрий Борисёнок особо отметил: «Очень важно, что при создании проекта мы работали в тесной кооперации с Архангельской областью. В журнале представлено обращение главы региона Ильи Михальчука. В качестве основных докладчиков со страниц издания выступили более десяти авторов из Архангельска и Северного (Арктического) федерального университета. То есть в спецвыпуске представлен и образ Ломоносова, глядя из Архангельска». Итак, ядром творческого коллектива, подготовившего означенный номер, стали преподаватели бывшего Поморского университета во главе с его проректором проф. Владиславом Голдиным. Напомним, что Поморский университет, бывший Архангельский пединститут, является учреждением, в стенах которого в нач. 1990-х гг. зародилась идея поморского этностроительства. Как известно, этнические доктрины сначала «изобретаются» элитой — писателями, учёными, политиками. И только затем доктрина внедряется в сознание потенциальных членов этноса при помощи различных средств культурного воздействия. В нашем

случае конструирования поморского этноса на первом «креативном» этапе «выдающуюся» роль сыграл ректор Архангельского пединститута и местный политик проф. Владимир Николаевич Булатов (1946–2007). Именно он создал поморский исторический миф. Его ближайшим соратником в этом деле в Поморском университете выступал и выступает, как он сам себя определяет, «поморский метафизик» Николай Теребихин. Этот профессор представил в рассматриваемый нами номер «Родины» статью предельно мистического содержания под заглавием «Священная география родины Ломоносова». Кстати, он не преминул в тексте подчеркнуть свою поморскую этничность: «Обращаюсь к читателям лучшего российского исторического журнала «Родина» **с поморским словом** о родине Ломоносова как гения северного «месторазвития».¹ Помимо одного адепта «поморства», в архангельской группе авторов «Родины» представлен ещё один идейный местный областник — проф. Сергей Шубин. Что касается остальных авторов из Архангельска, то, конечно, прямого они отношения к поморскому этностроительству не имеют и «поморами», разумеется, не являются, но, тем не менее, представленный ими в журнале материал может быть интересен с точки зрения косвенного отражения в нём «поморской идеи».

Сразу же отметим тот факт, что разные авторы означенного номера «Родины» 26 раз повторяют, что М. В. Ломоносов был «помором», часто с разными эпитетами, дающими положительный контекст. Например, М. В. Ломоносов — это «великий помор», «юный помор», «молодой помор», «архангельский помор», «крепкий помор», «знаменитый помор». А поскольку в журнале понятие «помор» по отношению к М. В. Ломоносову используют не только архангелогородцы, но и авторы из других регионов России, то очевидно, что в данном случае мы имеем дело со стереотипом, ставшим, как бы само собой разумеющимся фактом, не требующим ни сомнения, ни обсуждения, ни доказательства. Тем не менее в свете происходящего в Архангельске поморского этностроительства утверждение о том, что М. В. Ломоносов был «помором», как раз и нуждается в обсуждении и именно в юбилейном номере популярного многотиражного исторического

¹ Родина. 2011. №9. Специальный выпуск «Михаиле Ломоносову 300». С. 20.

журнала «Родина». Иначе тезис о «поморстве» М. В. Ломоносова приобретает особый смысл, прямо играющий на руку этносепа- ратистам в Архангельске. Рассмотрим имеющиеся варианты тол- кования понятия «помор»:

1) Поморы — это «общность людей, связанных схожим об- разом жизни и родом деятельности, скорее, профессиональная гильдия»;

2) Поморы — это региональное местное название русских, жи- телей Архангелогородской губернии, нейтральное в этническом смысле;

3) Поморы — это этнографическая группа русских, живущая на побережье Белого моря;

4) Поморы — это русский субэтнос, обитающий по берегам Белого моря;

5) Поморы — это отдельный нерусский этнос, конкретной — всё «старожильческое» до 1917 г. население Архангелогородской губернии, за исключением лопарей, карел, зырян и самоедов. По- следний вариант при помощи американцев и норвежцев и про- двигают сейчас в Архангельске поморские этнические антрепре- нёры.

Очевидно, что авторы рассматриваемого юбилейного номера «Родины», утверждающие о «поморстве» М. В. Ломоносова, или не задумываются о смысле этого понятия, или про себя избира- ют какой-то один из пяти предложенных выше вариантов. Од- нако общая недосказанность в текстах юбилейного номера явно играет на руку поморским этностроителям в Архангельске.

Разумеется, М. В. Ломоносов никаким помором не был. Во- первых, не известно ни одного сохранившегося от него доку- мента, в котором бы он определял себя в качестве такового. Во- вторых, М. В. Ломоносов происходил из крестьян Куростровской волости, для которых морская промысловая деятельность была исключением, а не правилом. Куростров отстоял от Белого моря в 100 км, т. е. более чем в дне пути на тогдашних почтовых. Для подтверждения нашего утверждения обратимся к исследованию о малой родине М. В. Ломоносова священника Аркадия Гран- дилевского (1875–1914). Рукопись его нач. XX в. под названием «Родина Михаила Васильевича Ломоносова» недавно была из- дана заведующей отделом «Русский Север» архангельской об-

ластной библиотеки им. Н. А. Добролюбова Еленой Тропичевой². Кстати, текст этот сейчас пользуется абсолютным признанием у историков в Архангельске. Отметим сразу же, что А. Грандильевский ни разу в своём исследовании о М. В. Ломоносове и его родине Куростровской волости не использовал понятия «помор» и «Поморье», что само по себе показательно. Вот что пишет А. Грандильевский о «стародавних временах» по сохранившимся в приходе документам и рассказам крестьян Куростровской волости конца XIX — начала XX в.: «в Куростровской волости процветало земледелие, дававшее казне хороший доход. Так же точно изобиловали пространства те и травами луговые угодья, из которых часть составляла отличнейшие скотские выгоны. Будучи защищёнными от речных разливов и солнечных лучей густыми зарослями ивы, черемхи, ольхи и кустовых растений, куростровские сенокосы... снабжали владельцев такими богатыми урожаями, что нынешние крестьяне лишь удивляются им, считая почти сказочно преувеличенными. Понятно, что эти угодья и тщательно производимое хлебопашество должны были придавать крестьянскому хозяйству цветущий вид, и действительно, среди земляков Ломоносова нет никаких речей о том, что предки их будто бы поборолось бедностью. Напротив, сказания о старопрежних людях полны живописных красок: эти старопрежние люди, настойчиво и заботливо возделывая землю, копили большие запасы хлеба каждый для себя и очень мало продавали его, также и сено луговое держали при себе, поэтому как сами они были сыты всегда, так и хозяйство имели как полную чашу, двory, наполненные домашним скотом и прочее довольство, благодаря которому не нуждались в деньгах и не так высоко ценили хозяйственные продукты, насколько дороги сделались они после»³. Разумеется, отдельные крестьяне Куростровской волости занимались морскими промыслами, но это было исключением из общего правила. Таким редким исключением и был отец М. В. Ломоносова Василий Дорофеевич. Вот что пишет

² Грандильевский А. Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского учёного. Сост. Е. И. Тропичева. Архангельск, 2008.

³ Там же. С. 177–178.

о нём А. Грандильевский: «Василий Дорофеевич Ломоносов был едва ли не последним представителем морской промышленности на своей родине; с его трагической смертью в морских волнах закончились всякие речи о занятиях жителей Курострова морской промышленностью»⁴. Подобное утверждение А. Грандильевского подтверждается архивными документами. Так, в Архангельском областном архиве сохранился список крестьян, в 1790 г. промышлявших на Мурманском берегу — главном центре труда поморов. Оказалось, что среди многих сотен рыбопромышленников было всего десять человек крестьян из Холмогорского уезда. При общей численности всего мужского населения этого уезда около 15 тыс. человек, это составит около 0,1% от всего тамошнего взрослого мужского населения. Итак, «поморскость» М. В. Ломоносова — это красивый исторический миф. И если раньше в советские времена это была романтическая легенда о юных годах великого учёного, то в современных условиях поморского этностроительства в Архангельстве миф обретает новое смысловое наполнение — о «нерусскости» М. В. Ломоносова.

Если, как мы уже писали выше, понятие «помор» по отношению к М. В. Ломоносову в юбилейном, посвящённом ему номере «Родины» применяется авторами из разных регионов России, что свидетельствует об «относительной древности» легенды, то понятие «Поморье» применительно к Архангельской области и Русскому Северу используется в журнале исключительно архангелогородцами. Последнее обстоятельство указывает на то, что в практический оборот оно введено относительно недавно, с нач. 1990-х гг. В этом «широком» значении понятие «Поморье» ещё не успело «завоевать» современную Россию. Это, как говорят сейчас в Архангельске, новый «бренд». Всего понятие «Поморье» в текстах, предложенных юбилейным ломоносовским номером «Родины», используется 33 раза. И, что показательно, только одним автором адептом «поморства» проф. Н. Теребихиным — 11 раз, т. е. ровно треть словоупотребления. Создатель поморского исторического мифа проф. В. Булатов ложно утверждал: «В XIX веке Поморье стали также называть Русским Севером, европейским севером России и т. д. Впоследствии термин По-

⁴ Там же. С. 213.

морье стал размываться, этноним «поморы» начал вытесняться обезличенным термином «северяне»⁵. Сейчас поморские этностроители, опираясь на этот миф, ставят задачу заменить «Русский Север» «этнически наполненным понятием» «Поморье», а русских «северян» — «поморами». При этом внедрение понятия «Поморье» идёт под знаком якобы исторического возрождения, хотя в прошлом сами северяне никогда не использовали его в расширительном на весь край значении. Любопытно, что профессор из Архангельска Владислав Голдин в предложенном им материале в юбилейный ломоносовский номер «Родины» настойчиво демонстрирует именно парное использование терминов «Поморье» — «Русский Север», «помор» — «северянин». Например, цитируем проф. В. Голдина: «300-летие выдающегося сына и патриота России, уроженца Русского Севера, Поморской земли»; «Ответ же во многом кроется в феномене ломоносовской родины — Поморья и Русского Севера»; «Холмогорская земля, на которой родился и вырос Ломоносов, была одним из крупных центров культуры и духовной жизни Поморья и Русского Севера». «Все лучшие традиции родного Поморья впитал в себя Михаил Васильевич. Патриотизм, прозорливость, вольнолюбие, независимость, мужество, упорство, способность успешно преодолевать кажущиеся непреодолимыми препятствия — эти черты настоящего северянина-помора определил человеческий и гражданский облик Ломоносова»⁶. Парное использование проф. В. Голдиным «Поморье» — «Русский Север», «помор» — «северянин» косвенно свидетельствует о силе «поморской идеи» в провинциальном Архангельске. С одной стороны, В. Голдин демонстрирует лояльность «русскости», а с другой — делает уступку поморским этностроителям. Т. е. речь в данном случае идёт, фактически, об идейном двурушничестве. В связи с этим нам хотелось бы узнать, считает ли В. Голдин сам себя «помором-северянином» или просто «северянином»? Двойственная позиция, демонстрируемая В. Голдиным, позволяет при определённых благоприятных обстоятельствах, на что

⁵ Учёные о поморах // *Мосеев И. И.* Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

⁶ Родина. 2011. №9. Специальный выпуск «Михаиле Ломоносову 300». С. 12.

и рассчитывают поморские этностроители и их покровители, отбросить «северянина» и стать просто «помором». В 2007 г. лидер «Поморского возрождения» в Архангельске Иван Мосеев высказал совершенно химерическую идею. Цитируем И. Мосеева: «Регионы вступили в конкуренцию друг с другом. Продвигаясь как Русский Север, Архангельская область успехов не добилась. Для иностранцев «русский» и «российский» звучит одинаково». «Почему не позиционировать нашу культуру как поморскую, почему не позиционировать жителей Архангельской области как поморов, а не просто как безликих северян?»⁷. Оказывается, низкая инвестиционная привлекательность Архангельской области, заметим мы, на самом деле связана не с суровыми климатическими условиями, со слабым развитием транспортной и другой инфраструктуры, низкой общей культурой населения, а с «брендом». И. Мосеев предложил областной администрации волшебную палочку-выручалочку, чудо. Надо отказаться от «русскости», перестать быть Архангельской областью, стать «поморами» и «Поморьем», и проблемы начнут решаться. Вот и норвежский почётный консул Андрей Шалев из Архангельска утверждает: «Сегодня контакты между архангельскими и норвежскими поморами уже становятся основой для проектов более широкого содержания — коммерческих связей, организации туристических маршрутов, школьных обменов». По И. Мосееву и А. Шалеву, получается, что норвежцы со своими «поморскими визами» почему-то охотнее дружат с «поморами», но неохотно — с русскими. И что мы видим в итоге? Областная администрация и губернатор области Илья Михальчук предложение поморских этностроителей приняли. Материал, данный в юбилейный номер «Родины», прекрасно это иллюстрирует. Далее в подтверждение даём цитаты из короткой заметки губернатора Ильи Михальчука: «Архангельская область — один из крупнейших регионов России. Её геополитическое положение, природные богатства, экономические возможности и стратегические цели государства предопределили современный образ Поморья»; «Географическое положение Поморья обусловило его ключевую

⁷ Мосеев И. Региональное позиционирование как стратегический ресурс территориального развития // Экология культуры. 2007. №2. С. 71.

роль в освоении полярных морей». «Поморский край всегда был, есть и будет опорой Российского государства»⁸.

Далее мы приводим цитаты из материала «Поморье — территория для инвестиций», предложенного администрацией Архангельской области в рассматриваемый юбилейный номер журнала «Родина»: «Поморскому краю принадлежит особое место в прошлом, настоящем и — хочется верить — будущем России»; «У истоков цивилизации Поморья северная психология хозяина»; «Поморье сформировало уникальный «извод» русской цивилизации; выковало своеобразный, неповторимый тип русского человека». «Поморы были охотниками и мореходами, строителями и корабелями, а ещё искусными ремесленниками, иконописцами, создателями и сказителями былин, просветителями». «В XVI–XVII веках Архангельск был единственными морскими воротами России. В эти и последующие столетия, вплоть до 1917 года Поморье активно торговало с Норвегией, Англией и другими западноевропейскими странами. Памятником эпохи остался неиспользуемый ныне язык руссенорск — средство обиходного общения поморских купцов и их партнёров». «Деловые качества поморов, отмеченные в истории, — это не только предприимчивость, здоровая авантюризм, «рисковость», желание и умение открывать и захватывать новые рынки, осваивать новые виды продукции и услуг». «И поморский бизнес оставил замечательные примеры высокой социальной ответственности и патриотизма купцов и промышленников. Ещё одна черта поморского делового темперамента... умение находить практическое приложение прорывным идеям и открытиям. Сегодня мы назвали бы это внедренческим дарованием, инновационной активностью». «Есть ещё одна важная для инвестиционно открытой современности особенность поморской бизнес-психологии: Север умел ценить капитал — но не как мёртвое «сокровище», а как вложенное в дело, данное в кредит, позволяющее богатеть хозяину и его партнёрам богатство». «Условия русской экономики особенно требовали такого отношения, ибо вся колонизация Севера шла на кредит. В связи с этим банкирский класс

⁸ Родина. 2011. №9. Специальный выпуск «Михайле Ломоносову 300». С. 4.

Северной Руси, новгородское боярство, пользовался почётом и большим политическим влиянием»⁹. Итак, как видим, «поморская истерия» докатилась и овладела умами идеологов и пропагандистов администрации Архангельской области. Все эти: «цивилизация Поморье», «поморский бизнес», «поморская бизнес-психология», «новгородское боярство — банкирский класс Северной Руси», «поморский деловой темперамент» — перлы, достойные пера каких-нибудь поморских мифотворцев вроде проф. В. Булатова и Н. Теребихина. Зачем же удивляться потом, что Архангельская область по инвестициям в Российской Федерации находится на 58 месте? Ведь её идеологи не стоят на реальной почве, творят мифы, верят в них и пытаются заставить в них поверить других. Обратим ещё внимание на след в цитируемом тексте назойливо навязываемой сейчас русским северянам в Архангельске «норвегофилии». В связи с этим явлением не случайно, что в тексте в списке торговых партнёров России через Архангельск Норвегия опережает Англию. Отметим, что независимость от Швеции Норвегия обрела только в 1905 году. Но в любом случае в исторических реалиях прошлого торговля с Норвегией составляла ничтожную долю по сравнению с британской, голландской или германской из Гамбурга, так что норвежской вообще можно было бы пренебречь и не говорить о ней. Отметим тут ещё и повторение подброшенной норвежцами сказочки про совместный русско-норвежский язык — «руссен-норск».

Удивительна и позиция редакции исторического журнала «Родина», публикующей всю эту поморскую абракадабру про бояр-банкиров, цивилизацию Поморье и поморский бизнес. Ведь журнал только что получил от ВАК статус ведущего научного исторического рецензируемого журнала. Как быть с утверждением профессора из Архангельска Владислава Голдина: «Если же говорить о журнале в целом, то в нём только проверенные тексты»? Проверенные с какой точки зрения, с позиции поморского мифа? В частности, сам проф. В. Голдин повторяет в своей статье один из ключевых мифов проф. В. Булатова об отсутствии на Русском Севере крепостного права: «Предки его, поморы, были сво-

⁹ Там же. С. 112–114.

бодными людьми, не испытывавшими на себе ни ордынского ига, ни крепостничества»¹⁰. Разве сам М. В. Ломоносов, спросим мы, не испытал на себе крепостного права в Холмогорах, когда отец ему выправлял паспорт для поездки в Москву или когда будущий учёный во время своего пребывания в столице на учёбе числился в беглых? Разве Новгородская земля, опять спросим мы, а с ней и Двина в XIII–XIV вв. не входили в состав Монгольской империи и не выплачивали новгородцы в Орду дань по первому запросу своего сюзерена — великого князя всея Руси?

Что касается остальных материалов архангельских авторов в юбилейном ломоносовском номере журнала «Родина», отмеченных знаком «поморской идеи», то мы сознательно отказываемся от какого-либо комментирования псевдонаучного текста «поморского метафизика» проф. Н. Теребихина. К сочинениям этого автора, увы, нельзя относиться серьёзно. Что касается публикации проф. Сергея Шубина в номере, то она примечательна с точки зрения очередного предъявления местными областниками общественности в чуть изменённом виде идеи т. н. «Поморской республики». Цитируем проф. С. Шубина, который не прямо, а косвенно критикует региональную реформу 2002 г.: «К сожалению, вес Европейского Севера в государстве существенно уменьшился после ликвидации Государственного комитета по делам Севера и включения Северного экономического района (Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, республик Карелии, Коми и Ненецкого автономного округа) в Северо-Западный федеральный округ. В результате этого решения была утрачена основная ось северной региональной политики и геополитики Российского государства — ось Москва-Архангельск. Поэтому очень полезным было бы образование Северного федерального округа в границах Северного экономического района или создание укрупнённого региона под условным названием «Двино-Печорский край», в который вошли бы Архангельская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ»¹¹. «Следуя предначертаниям Ломоносова, мы можем утверждать, что только объединёнными усилиями всей России и с опорой на региональ-

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 53.

ную идентичность северян можно обеспечить национальные интересы в Арктике»¹². Конечно, в рассуждениях проф. С. Шубина ни много ни мало, а об «оси Москва — Архангельск» (!), отчасти благодаря подобного рода лексике, просматривается заурядный провинциализм. Понятие «ось», как известно нам из истории, происходит не из российского внешнеполитического лексикона и, тем более, практики. И потом, хотелось бы нам спросить, а для чего нужно подобное укрупнение, если и так чрезвычайно крупная по территории и дотационная Архангельская область трудно управляется как из федерального центра, так и имеющимся губернатором? Только для того, чтобы сделать Архангельск — «столицей Поморья», «Поморского края», «Поморской республики»? И нужно ли это укрупнение собственно для получения, как пишет С. Шубин, опоры в «региональной идентичности северян»? За последней, как мы считаем, вполне скрываются знакомые нам всё те же «поморы» с их создаваемой сейчас в Архангельске при помощи норвежцев новой «поморской идентичностью».

¹² Там же.

Поморы против русских — Норвегия против России

«Главной целью сегодня должно стать использование истории поморов так, чтобы в будущем организовать «беспроигрышную лотерею» для нас» — из речи ведущего норвежского эксперта по региональной политике Баренц-региона Реми Странда на IV съезде «поморов» в Архангельске 17 сентября 2011 г.

Идея осуществляемого ныне в Архангельске норвежцами большого политического проекта «Поморы» возникла благодаря социологическому исследованию Юрия Михайловича Плюснина¹.

Для справки: Ю. М. Плюсин, 1954 г. рождения, работает в Институте философии и права Сибирского отделения РАН, кандидат биологических наук (1985), доктор философских наук (1993). В период с 1995 г. по 2001 г. он занимался социологическим изучением в организованных им самим и по большей части на собственные средства экспедициях жизни населения в малых городах и селах, расположенных на побережье Белого моря и административно подчинённых Карелии, Архангельской и Мурманской областям. Научная работа Ю. М. Плюснина, без всякого сомнения, является

¹ Плюсин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001 гг. Новосибирск, 2003.

научным подвигом, актом высокого духовного подвижничества, обусловленного любовью к родной земле и её народу. На протяжении 7 лет им были детально прослежены кризисные процессы в регионе, протекавшие на микросоциальном уровне. При этом выявлены и проанализированы различные формы адаптации местного населения в переходный трагический период общественного развития России. О факторе поморской этничности в исследовании Ю. М. Плюснина речи нет, из-за полного отсутствия таковой у реальных поморов в это время. На завершающем этапе исследования к научному проекту Ю. М. Плюснина в 1999 г. подключились американцы, предоставив ему через фонд Форда грант (SP-99-1-14 «The non-adaptive dynamic and transformation of the household's economic conduct and the social values of the provincial Russia»). Разумеется, учёный ознакомил заокеанских грантодателей с результатами своего научного исследования.

В нём им показались интересными следующие наблюдения русского учёного: «Среди многочисленных прежде элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили очень немногие, а чаще всего только один — атлантический лов рыбы и её продажа заграничным партнёрам. Благодаря этому колхоз имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсии своим колхозникам. Величина этих выплат невелика (от 400 тыс. руб. в Карелии и Архангельской области до 1 млн руб. в Мурманской области), но стабильна. Правда, зарплата практически не возрастает в последние годы. Ловля рыбы в Атлантике и продажа её за границей позволяет регулярно выплачивать пенсии и зарплату. Но если колхозники-пенсионеры заслуженно пользуются этим, то в отношении активного населения такого сказать нельзя. Колхозные сейнеры лишь в редких случаях имеют в команде жителей села (в 5 колхозах насчитывается 13 средних рыболовных сейнеров, в командах которых работает не более 10 колхозников из почти 400 человек). Несмотря на то, что зарплата здесь на порядок выше той, что получает колхозник дома (около четырёх млн руб.), он не стремится уходить на лов рыбы в море (хотя это, между прочим, наиболее важный элемент традиционного хозяйствования поморского населения). Поэтому колхозы вынуждены набирать команды в Эстонии и на Украине. Причи-

ны нежелания идти в море называются самые разные, но за всеми стоит одно обстоятельство: на фоне убыточного животноводства и растениеводства морская рыбная ловля выгодна и позволяет колхозу содержать всех своих работников, независимо от их реального вклада. Эта небольшая зарплата, на которую живут члены колхоза, выступает в виде вспомоществования, благодаря которому они имеют ещё достаточно времени и на занятия своим хозяйством (плюс охота, рыбная ловля, сбор и сдача водорослей, и прочие требующие времени дела, нехлопотные и часто даже приятные) и соответствующий потребностям досуг, который заключается в регулярном и продолжительном пьянстве (в то время как на судах введён сухой закон). Сохранение подобной системы жизнеобеспечения в современных условиях кризиса привело к формированию любопытных, если не сказать парадоксальных, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и лишён работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время может получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как рента от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наёмных работников-рыбаков и сдачи в аренду судов. Значение нынешнего заработка колхозников в качестве ренты подтверждается тем фактом, что люди в массе своей не желают использовать другие возможности для поддержания и повышения благосостояния семьи, а нередко вообще не хотят работать. Сформировалась психология рантие, которая на уровне обыденного сознания достаточно быстро закрепились, нашла идеологическое обоснование и в нынешних условиях как механизм ситуативно-ценный начинает успешно вытеснять прежние социально-психологические механизмы жизнеобеспечения. Однако ясно, что в стратегическом отношении это неадаптивное и даже губительное для сообщества поведение, это поведение, ориентированное на индивидуалистические и конкурентные отношения, которые не могут быть жизнеспособными в условиях северного села ни по социальным, ни по экологическим причинам»². Итак, у значительной части населения поморских сел («народа, стоящего на паперти», по образному вы-

² Там же. С. 34–35.

ражению Ю. М. Плюснина) сформировалась психология «квази-рантье». И состояние это не может быть продолжительным по времени, учитывая ту пренебрегающую амортизацией форму хозяйствования, которую рыболовецкие колхозы унаследовали ещё из поздних советских времён. Износ технической базы и её развал в определённый момент должен был подвести черту под паразитизмом нищего.

И тут у нашего геополитического противника родилась идея использовать деструктивную поведенческую модель относительно большой группы русского населения для создания социального базиса под искусственное инспирированное извне поморское этностроительство. Без этого социального базиса антрепренёры «поморского возрождения» остались бы изолированными маргиналами. Весь плач нынешних городских псевдопоморов в Архангельске по обездоленному населению поморских сел означает только одно — этнические предприниматели ищут себе базу, соблазняя деморализованное население будущими новыми рентными благами. Получить их, по мнению лидера «Поморского возрождения» Ивана Мосеева, можно, отказавшись от русской этничности, которую он понимает как простой «бренд». Здесь надо понимать правильно — речь идёт не об измене «российским национальным интересам» и не о материальных интересах каких-то там фирм и какого-то Лукойла, а о прямой измене своему народу, из которого ты вышел. Соблазн каких-то там благ «по природопользованию» за статус «коренного и малочисленного» — есть плата за эту измену — рента в тридцать серебрянников Иуды. Но соблазнившись на неё, не значит, что «новые эскимосы» эти серебрянники когда-нибудь получают.

Заметим, что исследование Ю. М. Плюснина не было единственной отправной точкой для нынешнего инспирируемого из-за рубежа поморского этностроительства. Проблемы русской этнической идентичности в конце 90-х гг. прошлого века активно изучали в России и норвежцы из университета Осло при финансировании за счёт средств Норвежского исследовательского совета и Норвежского совета университетов (руководитель Пал Колсто). Здесь им активно ассистировал и всячески помогал из Сыктывкара профессор Юрий Петрович Шабаев. Норвежский проект был завершён в 2003 г., и с его результатами опять же

были ознакомлены американцы³. Шабаев работал и по другим западным проектам, исследовавшим этнополитическую ситуацию на Русском Севере⁴. С одной стороны, проф. Шабаев, как следует из его научных трудов, прекрасно понимает сущность происходящего с «новыми поморами» в Архангельске. Он знает и сам говорит об этом, что речь идёт о создании этноторговцами новой этнической идентичности, только искусственно привязанной к «историческим поморам», о раскручивании на этой основе регионального сепаратизма. И, тем не менее, он даёт федеральным властям такие советы и рекомендации, при осуществлении которых конфликт государства и местных сообществ только расширится и углубится. Одновременно он снабжает интеллектуально бедный актив «Поморского возрождения» аргументами для их спора с федеральными властями и даёт им стратегический совет — смещать конфликт в направлении «гражданского национализма».

Для нас очевидно, что враждебный России норвежский этнопроект «Поморы» стартовал в 2003 г. Отметим ещё один интересный факт, близкий к этой дате. В 2001 г. главный идеолог нынешнего поморского этнического сепаратизма бывший ректор Архангельского пединститута Владимир Булатов в одном из своих «учёных трудов» сделал странное для того времени заявление: «Русскоязычная группа этноса поморы заселяла берега Белого моря с XII века»⁵. Получается, что этнос «поморы» состоит из нескольких языковых групп? Каких? Можно было бы отмахнуться, как от очередной нелепости, обильно разбрасываемых по страницам многочисленных опусов этим автором — фальсификато-

³ Nation-Building and Common Values in Russia / ed. by Pal Kolsto and Helge Blakkisrud. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Oxford, 2004.

⁴ Исследовательский проект «Этнополитические аспекты региональных трансформаций в финно-угорских регионах РФ: кризис суверенизации и этничности» был поддержан АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). См. Мир России. 2004. № 3. С. 48.

⁵ Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область. Архангельск, 2001. С. 25.

ром русской истории, если бы мы в 2009 г. впервые не заметили искусственно конструируемой норвежцами псевдоэтнической группы под названием «норвежские поморы». А теперь уже оказывается, что между «норвежскими поморами» и «российскими поморами» гораздо больше общего, чем между «поморами» и русскими Архангельской области. Остаётся один шаг, чтобы провозгласить норвежских и российских поморов одним этносом с разными языками, этакими швейцарцами Арктики. При продвижении этой идеи активисту «Поморского возрождения» в Архангельске журналисту, «этническому помору» Анатолию Беднову Норвегия вообще стала представляться некоей иудейской «Землёй обетованной»: «Дай Бог, чтобы помор мог так же свободно ездить в Норвегию, как еврей в Израиль!» А «оранжевой» журналистке Ангелине Прудниковой мечтается: «Я думаю, что скоро Россия очень сильно в границах ужмётся. Отвалятся все «княжества», останется Россия в пределах Архангельской области. Будем жить-поживать да добра наживать. Рыбку ловить. Шельф осваивать. С норвегами породнимся — они нам ближе по менталитету, чем воровская Москва, бандитский Петербург и тартарская Сибирь».

Каждый политический проект, тем более иноземный, надо оценивать с точки зрения заложенных в него потенциальных угроз, как нам — русскому народу, так и нашему государству. При гипотетической ситуации, предлагаемой А. Прудниковой, этаким новым варианте 1991 года, получается, что благодаря своему этнопроекту и механизму Баренцрегиона Норвегия автоматически получает из северных областей Российской Федерации готовую неокOLONиальную зону под названием «Поморье», с туземной администрацией и полицаями из «этнически родственных» норвежцам «поморов». Но что в этом случае станет с «некоренным» населением Архангельской области — нами, русскими? Вокзал — чемодан — Россия?

Зачем «Норвежско-поморское возрождение» русским детям?

В 2010 г. культурный центр «Поморское возрождение» на иноземные деньги Норвежского Баренцева секретариата издал в Архангельске для местных детей книжку под названием «Поморски скаски»¹. В предисловии этой книги мы прочитали буквально следующее:

«Вы держите в руках книгу удивительных поморских сказок. Их бесхитростные сюжеты были созданы коренными жителями Баренцева региона — северонорвежскими и беломорскими рыбаками, зверобоями, арктическими мореходами. Сказки норвежских и российских поморов впервые печатаются в одном общем издании, что подчёркивает очевидное сходство культур, традиционных промыслов, быта и образа мышления народов Беломорья и Северной Норвегии.

«Первым окном России в Европу» называют россияне столицу Поморья — первый российский портовый город Архангельск. Но для самих архангельских поморов настоящим «окном в Европу» была соседняя северная Норвегия. Жители городов Варде, Вадсе, Тромсе, Хаммерфеста были ближайшими европейцами, с которыми поморы издревле имели прочные культурные и тор-

¹ Поморские сказки. Гл. ред. Т. Робертсен. Архангельск, 2010.

говые связи. «Самый лучший народ норвежцы, слышал я от поморов сотни раз», — записал в 1907 году в своих путевых заметках русский писатель Михаил Пришвин. «Норвежцы — самые первые наши благодетели, они нас часто и на воде спасают, и в команде нет лучше норвежца». Книга «Поморские сказки» служит напоминанием о древней культурной общности народов Баренцева региона». Означенный текст вышел из-под пера Руне Рафаэльсена, Тура Робертсена и Ивана Мосеева.

Как историк и специалист по исторической географии, как патриот родного края, я хотел бы прокомментировать настоящий текст.

«Норвежские поморы»

Под ними, как следует понимать из текста, подразумеваются некие «северонорвежцы», которые при этом объявлены ещё и «коренными жителями» некоего «Баренцева региона». Но, позвольте, ведь хорошо известно, что коренными жителями Северной Норвегии являются лапландцы и квены, а норвежцы являются колонистами в этой части страны, историческое название которой Лапландия. При этом норвежская колонизация означенного региона прошла в недалёком прошлом и хорошо прослеживается по письменным историческим источникам. Очевидно, что «норвежские поморы» — это «новодел» для того, чтобы к ним пристегнуть «российских поморов». Обратите при этом внимание на красноречивое определение «российских», а не «русских», как следовало бы на самом деле. Этим подчёркивается иноэтничность поморов русским.

«*Российские поморы*» тоже объявлены издателями сказок коренными жителями «Баренцева региона», а конкретней Беломорья. Между тем как поморы на Поморском берегу Белого моря впервые упоминаются только с XVI века. Коренными жителями конкретно здешних мест были опять же лапландцы, которых русские называли лопью или лопарями. Понятие «Беломорье» не историческое. Если западная часть Беломорья относилась к исторической Лапландии, то восточная его часть была землями Заволочья — волости Новгородской земли. С XIV века Заволочье

всё чаще именуется Двинской землёй. С конца XV в. Двинская земля становится Двинским уездом Московского государства. Коренными жителями Двинской земли была чудь, возможно емь, на востоке — самоеды, а никакие не поморы. И русские, и карелы колонизовали означенные земли и, следовательно, обозначать какие-то группы этих народов «коренными» жителями неправомерно. Поморы — это опять же «новодел», в каком бы варианте мы их ни рассматривали — современном, XVI или XIX в.

Баренцев регион

Баренцев регион — понятие опять же не историческое. Оно существует с 90-х гг. прошлого века, создано норвежцами под их конкретный политический проект. В Баренцеве регионе искусственно соединены земли исторической Лапландии (фюльке Финнмарк Норвегии и Мурманской области РФ) с исторической Двинской землёй (современная Архангелогородская область). На искусственность понятия «Баренцева региона» указывает сам факт климата. Море, как известно, у берегов русской и норвежской Лапландии из-за влияния Гольфстрима не замерзает. И, наоборот, фактор континентальности сказывается на Белом море и Северной Двине. Белое море зимой замерзает. Более того, как известно, его особенностью являются минусовые температуры морской воды зимой. В Белом море живёт даже особенная рыба, которая в процессе эволюции приспособилась к зимним отрицательным температурам воды, выработав в своей крови специальный фермент. Рыба из Баренцева моря не может выжить зимой в воде Белого.

Сходство культур, быта и образа мышления

О каком сходстве культур и менталитета может идти речь, если настоящие поморы были православными (очень часто даже старого дониконианского толка), а норвежцы — протестантами со всеми вытекающими из этого последствиями. Очень характерный факт. Да, поморы торговали с норвежцами в XVIII–XIX вв., но духовно общаться с ними не желали. Поселившиеся во втор.

пол. XIX в. с разрешения царя в Кольском уезде норвежские колонисты не допускали жить в свои поселения русских. Ну а о разнице быта и говорить не надо. Достаточно сравнить любую деревеньку на Белом море и в Норвегии. Поэтому о культурной общности народов «Баренцева региона» уместно говорить разве что только в сказках, да и то — в плохих.

Норвежцы — ближайшие европейцы для поморов

Это, конечно, факт, но при том условии, что Норвегия — это всё-таки дальняя периферия Европы. Дремучий провинциализм норвежцев — известное в Европе всем явление. В этом отношении норвежцам фору дают разве что фризы. Провинциализм норвежцев, в частности, отметили в том же Архангельске искусствоведы местного музея изобразительных искусств после того, как норвежцы осмелились привезти к нам выставку своих поделок. Но если норвежцы, по мысли авторов предисловия «Сказок», европейцы, то кем тогда по отношению к ним выступают поморы — азиатами, арктическими папуасами? — хотелось бы нам узнать.

Норвежцы — самые первые наши благодетели

Ну, как-то уж совсем неприлично авторам предисловия — норвежцам Руне и Туру — самим себя хвалить, даже устами Михаила Пришвина. Тут на ум сразу же приходит крылатое высказывание ныне покойного директора института этнографии и антропологии в Ленинграде, а попросту говоря Кунсткамеры, профессора истфака ЛГУ Рудольфа Фердинандовича Итса: «Тур, ты не прав!» Ведь целые фонды XIX в. того же Архангелогородского архива наполнены жалобами и стенаниями настоящих, а не нынешних бутафорских, поморов на различные утеснения, которые им чинили тогда норвежцы на промыслах. А о том, что «в команде нет лучше норвежца», следует спросить наших архангелогородских моряков, которые в «лихие 90-е» между поляками и филиппинцами работали в норвежских судоходных компаниях, увеличи-

вая прибыли их владельцев. Да, у них был в команде норвежец, но один — капитан (с социальным пакетом), остальные русские (т. е. поморы — по терминологии Ивана Мосеева) — без него. А поскольку норвежец был один и с пакетом, то поэтому он и был лучше! Но с чьей точки зрения? Вероятно, опять Тура.

Итак, судя по рассмотренному предисловию, предложенные норвежцами нам посредством местных ренегатов сказки никакие и не сказки, а обычная русофобская идеологическая поделка. Она была бы не страшна и можно было бы только посмеяться над потугами авторов, если бы «Поморьски скаски» не распространяли в Архангельске бесплатно среди детей младшего школьного возраста.

Главным редактором издания «Поморьских скасок» является подданный Норвежского королевства Тур Робертсен. Опубликованные тексты представлены Т. Робертсеном и работавшими в творческом коллективе под его руководством активистами движения «Поморского возрождения» как творчество двух народов (?) — норвежских поморов (?) и российских поморов. При этом утверждается, что сказки являются ещё и продуктом общей культуры (?). Тексты сказок написаны на «поморском языке» (так!) и норвежском языке. Тексты на «поморском языке» переведены, об этом пишется в предисловии в означенной книжице, как на иностранные, на русский и норвежский языки. А сказки на норвежском языке соответственно переведены на «поморский» и русский языки. Таким образом, в «Поморьских скасках» впервые в истории в издании для широкой публики (в данном случае это оказались дети) представлен «поморьский» литературный язык. Приведём как курьёз названия этих сказок. Соответственно, слева — на «поморском», справа — на русском:

Голомой царь	Царь морских просторов
Как старикофф	Как стариков
напусты лесы свозили	в дремучий лес отвозили
Про царь-жорьново	Про царь-жёрнов
Бабка да ошкуй	Бабка и белый медведь.

Признаюсь сразу, особенно нас умилило в «поморском» литературном языке это правописание — «старикофф». Что напомни-

ло нам «Smirnoff». Или вот «цяр»! А вот эта игра соединительными союзами «да» и «и». Разве в русском литературном языке нет «да» в качестве соединительного союза? Сразу, например, приходит на ум: «Хлеб да соль». Ну, а что касается «голомя», то это известный трюк из творчества создателей в XIX веке украинской мовы, которые из группы известных синонимов в местных южнорусских диалектах всегда выбирали лексическую единицу, не имеющую аналога в русском литературном языке. Это делалось для того, чтобы свой продукт объявить самостоятельным литературным языком, никак не связанным с русским. Но разве т. н. «поморские» диалекты Архангельской области не знают «море-окиян»? Конечно, знают.

Главным доказательством «поморскости» предложенных русским детям сказок является то, что они записаны от Ульяны Максимовны Лемеховой (в девичестве Шехуриной), «1908 г. рождения, уроженки пинежского села Кулой Архангельской губернии». Вот только незадача, жители (не села!) посада Кулой в старину занимались солеварением, поморами себя никогда не считали и на морские промыслы не ходили. Что касается самих родов Лемеховых и Шехуриных, то они не с Кулоя, а с самой реки Пинеги. А пинежане тем более себя поморами никогда не числили и морских промыслов отродясь не знали. В начале прошлого века фольклорист А. Д. Григорьев опубликовал былины и исторические песни, собранные им на Пинеге². Как видим из самого названия книги, Поморье и Пинега — это две разные области в Архангелогородской губернии. Кстати, в деревне Петрова гора, что под Волоком Пинежским в Юрельской волости, А. Д. Григорьев записал одну былинку и одну песню от Марии Петровны Лемеховой, в девичестве, вот ведь тоже совпадение, Шехуриной! Проанализируем опубликованный А. Д. Григорьевым материал по Пинеге. Ведь ничто не может свидетельствовать лучше об этническом самосознании локальной группы, как её народные песни и предания. А о чём пели пинежане в конце XIX в.? Разумеется, это т. н. киевский цикл былин: о Чюриле, Илье Муромце,

² См. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. Часть 1. Поморье. Часть 2. Пинега. Москва, изд. Императорской Академии наук, 1904.

Казарине, Алёше Поповиче. Потом, исторические песни про царя Ивана Грозного и Кострюка, опять же про этого царя и Малюту, про Стеньку Разина. И в первом и втором циклах постоянно упоминается Святой Руси и никакого Поморья, а тем более Норвегии в них нет! Кроме того, крестьяне с Пинеги пели то, что сейчас можно назвать русскими военными патриотическими песнями: песня о Петре I «Среди сильного царства Московского. Среди государства Российского», «Взятие Риги русским императором», «Войско Румянцева», песню об атамане Платове и Кутузове «Как заплакала Россиюшка от француза» и др. Итак, в народном творчестве крестьян Пинеги представлено всё историческое прошлое Руси. Для интересующихся настоящими, а не «асфальтопоморами» из ресторана «Трескоед», укажем на чрезвычайно популярную на Пинеге песню «Братья-разбойники и сестра»³. В ней действительно упоминается «поморин» (мурянин), который живёт «край моря», т. е. на побережье. Однако ехать до него с того места, где живут братья-разбойники, нужно несколько дней.

Как родился трюк с «поморскими скасками»? Они якобы были записаны нашим нынешним главным архангельским «помором» Иваном Мосеевым от своей бабки У. М. Лемеховой. То, что этот человек называет себя «помором», является его личным выбором. Но зачем он вместе со своими норвежскими издателями свою родную бабушку Ульяну Максимовну, православную русскую крестьянку с Пинеги, в святой церкви крещённую, на иконы молившуюся в «новую чужь» записал? Никогда она поморкой не была, поморкой себя не считала. Получается, что издатели «Поморских скасок», объявив сказки У. М. Лемеховой «поморскими», на самом деле взяли эти сказки у русских крестьян с Пинеги.

Необходимо обратить внимание ещё на одно странное обстоятельство в текстах сказок. В их языке для придания поморского колорита встречается специфическая лексика, типа упоминавшихся уже «голомя» и «ошкуй». Однако если мы обратимся к диалектическим словарям, то окажется, что слова эти фиксировались в разных локальных, далеко отстоящих диалектах Архангелогородской губернии. Так, в частности, «голомя» — у кольских рыбаков, а «ошкуй» — на Мезени.

³ Там же. С. 175, 185, 190, 201, 234, 248.

И ещё одна подозрительная деталь: «скаска», якобы записанные Мосеевым от его бабки, не имеют никакой связи с местным фольклором. Как получилось, что они не имеют иных известных вариантов и представляются совершенно изолированным явлением? Возникает вопрос, а не являются ли они на самом деле сочинением самого Ивана Мосеева, т. е. обыкновенным жульническим новоделом. Именно так и считает главный научный специалист в области фольклористики Архангельской области директор Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера профессор САФУ Наталья Дранникова.

Что активист поморского движения Иван Мосеев не понимает разницы между просторечиями, диалектами и литературным языком — это понятно. У него другие интересы, за них он демонстрирует постоянно своё дремучее невежество. А вот как быть с Туром Робертсеном, который в в прошлом числился в «политиках», а теперь является норвежским писателем? Он что, не знает, что в Норвегии есть два официальных литературных языка — букмол и нюнорск? Он не знает, что в Норвегии фонетика не регулируется Норвежским языковым советом (Norsk språkråd) и поэтому произношение в повседневной речи свободно? Он не знает, что в Норвегии столько диалектов, что сами норвежские филологи не могут сказать, сколько их, и при этом норвежцы из одной части страны не понимают речь на диалекте норвежцев из другой части Норвегии? Конечно, знает. А почему тогда он представляет русский местный диалект в качестве нового литературного языка? А почему бы вообще, учитывая «родство» норвежских и российских «поморов», сразу же не использовать латинский алфавит для создаваемого поморского литературного языка?

В связи с этим отметим, что издатели «Поморских скасок» и спонсоры из Норвежского Баренцева секретариата пошли против всей нашей завещанной святыми Кириллом и Мефодием церковнославянской языковой культурной традиции. Дело в том, что русский литературный язык, прошедший в своей истории два этапа, со времён деятельности великих славянских просветителей строится на базе этимологического письма. Что касается «поморского языка», на котором нам предложены «Поморские скаски», то в его основе лежит фонетическая письменность. Впервые принцип фонетического письма при

создании нового литературного языка в противовес русскому и церковнославянскому был использован в сер. XIX в. Пантелеймоном Кулишом (1819–1897). Из этого письма, названного «кулишовкой», позднее родилась нынешняя «украинская мова» — язык вековой розни и братоубийства. Поэтому не случайно, что творец нового литературного языка в Архангельске помор Иван Мосеев сразу же нашёл поддержку за Океаном. Проект издания словаря «Поморьска говоря» получил поддержку американского фонда Форда. Словарь за короткое время выдержал уже два издания.

Может быть, кому-то покажется, что печать этой «замечательной книжки» «Скасок» является «добрым» занятием, а кому-то писания наши — заказными. Но ведь в своё время поляки и австрийцы при помощи местных ренегатов в Малой и Червонной Руси начинали вот так же с невинных книжечек на мове со сказками, баснями и виршами. А кончилось это всё концлагерями Талергоф, Терезин, десятками тысяч расстрелянных и повешенных, ужасами бандеровщины и ответного государственного террора МГБ. В нашем случае речь идёт не об угрозе, как пишет почётный консул Норвегии Андрей Шалев, «национальной государственности», которой у нас на самом деле никогда не было и нет, а об этнодиверсии под фундаментальные принципы русской культуры. Поэтому «Поморьские скаски», опубликованные норвежцами, надо рассматривать в качестве первого деяния в будущей агрессивной индустрии этнонационалистического строительства в северном регионе России. «Куратор» поморского проекта «норвежский помор» экс-министр иностранных дел Торвальд Столтенберг уже определил издать «Поморьски скаски», с тем чтобы они были в каждой норвежской семье. Весьма вероятно, что за этим последовало бы предложение норвежцев издать за их счёт «скаска», чтобы обеспечить ими каждую семью в российской части Баренцева региона.

Самое подлое в содеянном в случае с «Поморьскими скасками» то, что в качестве объекта этнической диверсии стало сознание нашего подрастающего поколения. Ведь стали же по решению Баренцева секретариата книжку с «Поморьскими скасками» из тиража бесплатно раздавать в Архангельске детям. Так, например, каждая экскурсионная группа школьников младших классов получала одну книжку «скаска» на класс бесплатно при посещении

ею т. н. «Дома деда Мороза» в Соломбале⁴. В нашем русском народе всегда было сильно доверие к печатной книге. И мы знакомы с одной учительницей младших классов, которая по простоте душевной выучила из этой норвежской книжицы тексты на «поморском языке» Мосеева и стала их художественно читать в своём классе детям. Как видим, норвежско-американский культурный проект разложения русского этноса в данном маленьком случае сработал. Программа начальной школы в России сейчас реализует т. н. «региональный компонент». Берём учебник, утверждённый Министерством образования, науки и культуры Архангельской области. В его предисловии мы читаем следующий адресованный младшему школьнику текст: «Постепенно ты становишься северянином — помором. А знаешь ли ты, какие они, поморы? Почему их так называют? Какими главными промыслами они занимаются и продолжают заниматься в сегодняшней жизни? Каким должен вырасти ты, чтобы и тебя называли гордым именем «помор»? Почему люди говорят о своих земляках «настоящий помор» или «настоящая поморка»⁵? И тут норвежские издатели «Поморских скасок» на пару с Иваном Мосеевым услужливо подсказывают нашим детям: «Быть помором — значит *не быть русским*».

⁴ Уже после нашей публикации в СМИ Иван Мосеев вынужден был неукложе лгать по поводу распространения в Архангельске «Поморских скасок» среди детей. Ему и его норвежским покровителям необходимо было спрятать сам факт того, что тираж по большей части был бесплатно роздан русским детям. В публикации в «Коммерсантъ-Власть» №23 (977) за 11 июня 2012 года корреспондентом этого издания утверждалось следующее: «Мы сидим в его кабинете в здании Федерального арктического университета, где Мосеев возглавляет Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера. «Поморски скаски» он называет одним из своих «этнофутуристических проектов». Издательские расходы Ассоциация архангельских поморов разделила с Норвегией пополам, напечатали три тысячи экземпляров, тысячу раздали по региональным библиотекам, а две отправили в королевство. Сборник не сразу дали вывезти: пограничники потребовали справку, что он не является историческим и культурным достоянием государства. За справкой надо было ехать в Петербург, поэтому решили схитрить: в Норвегию на гастроли ехал местный оркестр, и книжки рассовали по сумкам музыкантов». Местный оркестр, о котором идёт речь в интервью с Мосеевым это камерный оркестр в Архангельске. В нём состоит всего 17 человек. Таким образом, Мосеев утверждает, что один человек должен был по своим сумкам «рассовать», как он выражается, 117 экземпляров «Скасок», чтобы увезти их в Норвегию.

⁵ Морянка. Хрестоматия о Русском Севере для чтения в начальных классах. Архангельск, 2010. С. 3.

«Поморское соглашение» и национальное предательство

После создания Северного Арктического федерального университета (САФУ) поморское этностроительство вступило в свой новый этап развития. Как оказалось, в конечном итоге, переформатирование в 2011 г. Поморского университета в «Северный» не устранило ни на йоту «поморскости», а наоборот — даже её усилило. К прежней инерции преподавания ряда гуманитарных дисциплин и «научных» изысканий в духе националистической (В. Булатов) или областнической (Ю. Лукин) «поморской идеи» добавился новый фактор — научно-образовательный центр «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера».

Скажем прямо: это учреждение в составе САФУ создано в Архангельске под политические нужды поморского этностроительства и для поморских этностроителей. Обратим внимание на внешне странное обстоятельство: Минрегион РФ «поморов» как коренной и малочисленный народ Севера не признаёт. 4 апреля 2011 года судебная коллегия по гражданским делам Архангельского областного суда удовлетворила иски требования регионального Управления Минюста России о ликвидации Архангельской областной территориально-соседской общины «коренного малочисленного народа поморов». Что делает при этих обстоятельствах ректор САФУ Елена Кудряшова? Она не об-

ращает внимания на судебную власть (!) и для поморских этно-торговцев тут же создаёт целое подразделение во вверенном ей федеральном вузе с тем, чтобы их за счёт федерального бюджета содержать. Чем объяснить странное поведение Е. Кудряшовой, столь очевидно игнорировавшей волю Российской государственности и судебной власти? Может быть, только тем, что «Поморский институт» она создала по прямому указанию из-за рубежа — из Норвегии.

В связи с этим вспомним, что в своё время американский политик Збигнев Бжезинский предложил оригинальную стратегию разрушения России. По этому плану Российская Федерация нарезается на сектора — регионы, с каждым из которых начинает взаимодействовать конкретная держава Запада. Межрегиональное сотрудничество, по мысли З. Бжезинского, им надо вести таким образом, чтобы российские регионы начинали смотреть не вовнутрь на свой центр — Москву, а вовне — на своего западного партнёра. Развитие этого процесса через какое-то время автоматически и приведёт к разрушению враждебной для американцев Российской государственности. Конкретный случай с норвежским Баренц-регионом, САФУ, Еленой Кудряшовой и «Поморским институтом» демонстрирует всем нам, что американская стратегия З. Бжезинского работает.

Очевидно, что, активно участвуя в поморском этностроительстве, когда с нуля на Русском Севере создаётся новая этническая идентичность, только маскируемая под исторических поморов, Норвегия крайне бесцеремонно вмешивается во внутренние дела Российской Федерации. А созданный механизм Баренц-региона позволяет это вмешательство норвежцев во внутренние дела РФ в Архангельске маскировать под простую культурную деятельность норвежской «общественности», хотя под личиной последней может выступать, в том числе, не кто иной, как бывший военный министр и министр иностранных дел Норвегии Турвальд Столтенберг — отец нынешнего премьера Йенса Столтенберга. В феврале 2011 года учёный совет САФУ в Архангельске мог воочию наблюдать очередной приступ «поморской истерии». На его заседании 15 февраля 2011 года облачённый в мантию почётного доктора и колпак старик Турвальд Столтенберг на ломаном русском говорил: «Я — помор». Что ещё нам собираются показать

эти норвежские «общественники», засмотревшиеся на российские ресурсы Арктики и Русского Севера?

Нынешние самозванные норвежские «поморы», а на самом деле разного рода тамошние чиновники и региональные эксперты, пытаются убедить нас, простаков, что их любовь к новоявленному в Архангельске «поморству» обусловлена только вкусом русских леденцов и пряников, которыми кормили их прадедов настоящие поморы до 1917 г.

В тот же день в Архангельске состоялось подписание т. н. «Поморского соглашения». Вот текст этого документа в переводе с английского на русский.

Поморское соглашение

о сотрудничестве в сохранении, изучении, популяризации и распространении исторического, культурного и духовного наследия поморов в год Поморской Культуры 2011.

Ввиду заявленного года Поморской культуры 2011 в Архангельской области, учитывая роль культуры в сохранении традиций и устойчивого развития Баренцева региона, поддерживая соседские отношения между северными народами в Арктике, воспитывая будущие поколения в атмосфере международного понимания, стороны заключают это Соглашение о сотрудничестве:

Предмет Соглашения — сотрудничество сторон для сохранения, исследования, популяризации и распространения исторического, культурного и духовного наследия поморов в следующих сферах:

— Участие в совместных международных проектах, нацеленных на исследование, популяризацию и развитие культуры поморов.

— Обмен научной, научно-популярной и другой информацией в сфере исторического, культурного и духовного наследия поморов.

— Организация научных конференций, встреч, экспедиций и других мероприятий, служащих сохранению, исследованию, популяризации и развитию исторического, культурного и духовного наследия поморов.

— Создание учреждений для исследования и развития поморской культуры.

Соглашение действительно со дня подписания. Каждая сторона сохраняет право отменить Соглашение по её собственной инициативе.

Изменения и дополнения к этому Соглашению, предложенные сторонами, должны быть зафиксированы в письменной форме и должны стать неотъемлемой частью Соглашения со дня подписания.

Ассоциация поморов Вардё, Тор Андор Робертсен [подпись]

Ассоциация поморов Архангельской области, Иван Мосеев [подпись]

Северный (Арктический) Государственный Университет,

Елена Кудряшова [подпись]

Музей Малые Корелы, Сергей Рубцов [подпись]

Варангер Музей, Вардё, Реми Штранд [печать]

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Архангельское региональное отделение,

Олег Пычин [подпись]

Архангельск, 15. 02. 2011

Турвальд Столтенберг [подпись]

Разберём этот документ. Обращает на себя сразу же внимание то, что он подготовлен в одном экземпляре на английском языке. Текст «Поморского соглашения» был написан исключительно норвежцами, и с русскими партнёрами он предварительно не согласовывался. Его в готовом виде норвежцы просто дали на подпись своим российским компаньонам. Читали ли текст «Поморского соглашения» Е. Кудряшова, С. Рубцов, О. Пычин, вдумывались ли в его содержание или просто подмахнули его не глядя? Владеют ли они все в достаточной степени английским языком, чтобы понять смысл и глубоко вникнуть в содержание этого документа?

Обратите внимание на то, как норвежцы, сочинившие этот текст, старательно обошли упоминания России и определения «русские». В связи с этим возникает вопрос что это такое за соседские «северные народы», упоминаемые в «Поморском соглашении»? Русские — не северный народ. Норвежцы — тоже. Норвежцы — это скандинавский народ, не так ли? Северные народы в этой части земного шара — это саамы, квены и ненцы. Не о норвежских ли и российских «поморах» — «коренных жителей» Баренцева региона идёт речь на самом деле? И что это за «традиции» Баренцева региона, который существует, как известно, только с 1992 г.? В предшествующий период — это фикция.

Обратим внимание на трюк, который используют норвежцы в «Поморском соглашении». Они выступают якобы за поддержку «поморской культуры». Простой и очевидный приём манипуляции. Кто же будет выступать против «культуры» как таковой? Хотя остаётся неясным, что же это собственно такое «поморская культура»? Что под этим конкретно подразумевать?

В связи с этим самое важное обстоятельство, которое упустили участники «Поморского соглашения», — прежде, чем его заключать, надо было договориться, кого мы считаем «поморами» и что такое «поморская культура». Не так ли? Иначе получается — знает ли подписант означенного соглашения директор Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» Сергей Рубцов (касается и О. Пычина), что содержание коллекций и архитектурные объекты этого музея являются, как считает другой подписант этого документа — Иван Мосеев, культурным продуктом и достоянием веками угнетаемого и ассимилируемого русскими финно-угорского народа «поморы»? А ведь подобные воззрения «помора» Ивана Мосеева как раз и разделяют норвежские участники «Поморского соглашения» и стоящие за их спиной американцы. Поэтому без конкретного определения понятия «поморы» рассматриваемое «Поморское соглашение» является актом культурного национального предательства со стороны русских его участников.

«Поморское соглашение» было представлено в СМИ как «международный общественный документ». Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не так. Подписавшие «Поморское соглашение» Сергей Рубцов и Елена Кудряшова, на самом деле, представляют государственные учреждения федерального уровня — музей «Малые Корелы» и САФУ. Поэтому где в означенном документе обозначены стороны «Поморского соглашения» — с одной стороны, государственные учреждения, с другой стороны — общественные организации, с третьей — муниципальное учреждение (Варангер музей из Вардё)? Сторон этих нет. Здесь очевидная юридическая несообразность «Поморского соглашения» — на самом деле простой «филькиной грамоты» нашей новейшей российской Смуты.

Далее руководителям федеральных государственных учреждений С. Рубцову и Е. Кудряшовой не мешало бы пристальней

присмотреться к их партнёрам по соглашению — «общественным организациям» поморов. В случае с «норвежскими поморами» очевидно, что мы имеем дело с явными самозванцами. Что касается организации Ивана Мосеева, то в данном случае обнаруживается, что имеет место создание новой этнической идентичности, лишь маскируемой под исторических поморов. Сам Иван Мосеев — поморский самозванец. Специалисты-этнологи давно определили, что проект «Поморы» имеет, в конечном итоге, для его участников чисто коммерческие цели. Поэтому по итогам «Поморского соглашения» государству Российскому и обществу не помешало бы спросить с С. Рубцова и Е. Кудряшовой, на каком основании они как руководители государственных учреждений берут обязательства финансировать из государственного бюджета навязываемые, в том числе из-за рубежа, проекты откровенных фальсификаторов.

И последнее обстоятельство, на которое мы обратили внимание, — подпись Турвальда Столтенберга, визирующая весь документ «Поморского соглашения». Кем является Т. Столтенберг? Подумайте... Да, никем, простым норвежским пенсионером, и не более того. Так почему тогда главы российских государственных учреждений ректор Е. Кудряшова и директор С. Рубцов позволяют Т. Столтенбергу визировать свои подписи? Они что — о «чести государевой» забыли или вообще не знали про такое понятие?

Недавно на страницах ИА REGNUM была опубликована статья доктора культурологии профессора САФУ из Архангельска Юрия Окунева, в которой он заявляет: «Архангельская область, как партнёр в системе Баренцева сотрудничества, должна стать открытой территорией для культурных инициатив... Регионы должны иметь возможность сами выбирать для себя, в пространстве какой концепции культурной политики они будут существовать»¹.

¹ Окунев Ю. Новые возможности развития области в сотрудничестве со странами Баренц-региона // Арктика и Север. 2011. № 4 (ноябрь). С. 76–82; Окунев Ю. Новые возможности развития области в сотрудничестве со странами Баренц-региона // Развитие академической науки на родине М. В. Ломоносова. Материалы международной конференции 6–7 июня 2011. С. 164; <http://regnum.ru/news/fd-nw/arxangelsk/1471217.html>

В связи с этим, Юрий Павлович, заметим, что при существующем на местах правовом бескультурье вы в Архангельске в поддержку этих самых Баренцевых «культурных инициатив» таких международных договоров поназаключаете, что всем нам, русским людям, и государству Российскому их последствий потом 200 лет не расхлебать будет. Разве рассмотренное нами сейчас «Поморское соглашение» 2011 г. не является подтверждением этого?

«Поморская истерия»: механизм этнобизнеса

Новый этап создания этноса «поморы» начался после открытия в Архангельске Северного Арктического Федерального Университета (САФУ). Под архангельскими «поморами» на самом деле надо понимать новую этническую идентичность, лишь маскируемую этностроителями под настоящих исторических «поморов». Возникло, по определению одного из основателей конструктивистской этнологии Бенедикта Андерсона, типичное «воображаемое сообщество». Центром поморского этностроительства сейчас становится «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера» при САФУ. Идея создания этого подразделения в структуре российского федерального университета принадлежит норвежцам. Впервые она получила огласку во время визита бывшего министра иностранных дел Норвегии Турвальда Столтенберга в Архангельск в феврале 2011 г. Для создания центра в университете необходимо было пройти формальную процедуру, поэтому проект научно-образовательного центра «Поморский институт» 15 июня 2011 года рассматривался на заседании научно-технического совета САФУ. Собравшиеся специалисты сочли нецелесообразным создание означенного подразделения при университете. Тогда представлявший проект председатель общественной организации «Поморское воз-

рождение» Иван Мосеев заявил во всеуслышание, что мнение присутствующих его не интересует и что скоро приедет консул Норвегии, который и решит лично с ректором федерального университета вопрос создания «Поморского института».

О том, что означенное подразделение создано, СМИ стало известно только в сентябре. По нашим сведениям, вопрос ректором «был решён» ещё в июне 2011 года. Отметим важное обстоятельство: Минрегион РФ «поморов» как коренной и малочисленный народ Севера не признаёт. 4 апреля 2011 года судебная коллегия по гражданским делам Архангельского областного суда удовлетворила исковые требования регионального Управления Минюста России о ликвидации Архангельской областной территориально-соседской общины «коренного малочисленного народа поморов». Ведущий российский учёный-этнолог проф. Ю. П. Шабаев в своих многочисленных научных статьях определил архангельский проект «Поморы» как чисто коммерческое предприятие. Тем не менее, в этих обстоятельствах ректор САФУ Елена Кудряшова «поморов» не только признаёт, но и создаёт для них подразделение, финансируемое за счёт средств, выделяемых университету из федерального бюджета. Чем объяснить такое поведение проф. Е. Кудряшовой, столь очевидно игнорировавшей волю Российской государственности и судебной власти и выполнившей «пожелание» норвежцев? Отметим здесь ряд обстоятельств и личных свойств.

1. Проф. Е. В. Кудряшова не имеет базового университетского образования в той отрасли научного знания — философии, в которой она себя всем представляет. С этим, по-видимому, связано её отношение к гуманитарным наукам. В аспирантуру философского факультета Московского педагогического государственного университета имевшая диплом учителя истории, обществоведения и английского языка провинциального педвуза Е. В. Кудряшова попала исключительно по личной протекции своего научного руководителя в АГПИ Валентины Селивановой. Вместе с дипломом столичного университета В. И. Селиванова имела авторитет и связи в тамошних научных кругах. Правда, заметим, В. И. Селиванова давно уже пожалела о содеянном ею по отношению к Е. В. Кудряшовой.

2. В 1990-е г. в т. н. Поморском университете в Архангельске Е. В. Кудряшова состояла в числе сторонников творца «по-

морской идеи» ректора проф. Владимира Булатова, продвигавшего, как известно, в России норвежский проект Баренц-региона; Отсюда же идёт интерес Е. В. Кудряшовой к западной грантовой активности.

В структуре научно-образовательного центра «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера», как было объявлено его руководителем Иваном Мосеевым, будет создано несколько лабораторий. Перечислим их с добавлением в скобках наших замечаний:

1) лаборатория популяционной этногенетики и адаптации (зачем «генетику» поморов изучать? Под понятиями «популяция» и «адаптация» очевидна склонность к биологизации этнической общности);

2) лаборатория изучения традиционной культуры Европейского Севера (тогда при чём здесь «поморы» — мифологическое измышление проф. В. Булатова, ведь традиционная культура в Архангельской области представлена русскими?);

3) лаборатория этнокультурологии и гуманитарной географии коренных народов Арктики и Субарктики (что касается этнокультурологии, то ведь уже создана лаборатория традиционной культуры. А что такое «гуманитарная география»?);

4) лаборатория археологических исследований территорий Европейского Севера России (но при чём здесь настоящие поморы, история которых прослеживается по письменным источникам? Археология нужна тогда, когда подобных источников нет. Впрочем, археология, по-видимому, нужна фальсификаторам для поиска выдуманных проф. В. Булатовым «протопоморов» и связанной с ними археологической культуры);

5) лаборатория права коренных малочисленных народов Севера (именно это, как мы понимаем, самое интересное для наших архангельских городских «поморов». Здесь они получают прямую помощь от норвежцев).

Отметим хитрый шаг создателей «Поморского института». Объектом исследования они объявляют «коренные и малочисленные народы Севера». В качестве таковых в Архангельской области выступают только ненцы, а в Мурманской — саамы. «Поморы», таким образом, вводятся в изучение в одном пакете с реально существующими коренными этническими общностями.

Но и в последнем случае на практике возникает явное противоречие. Сами городские «поморы» связывают себя с выдуманной проф. В. Булатовым мифической этнической общностью, якобы населявшей с XII в. всю современную территорию Русского Севера. Когда же новоявленным в Архангельске «поморам» приходится переходить к полевым исследованиям, то обращаются они к «историческим» настоящим поморам, проживающим по сёлам и деревням на Зимнем и Летнем берегах Белого моря. Но у настоящих поморов как раз и отсутствует отличное от русских этническое самосознание. Поэтому настоящих поморов надо будет ещё этнически «разбудить», чем и пробуют заниматься архангельские этностроители на своих съездах. В этой ситуации НОЦ «Поморский институт» становится чисто политическим центром.

Теперь о назначенном директоре «Поморского института» Иване Мосееве. Иван Иванович Мосеев родился в 1965 г., как сообщается в его биографии, в «столице Поморья», т. е. в Архангельске. В 1991 г. Иван Мосеев закончил лечебный факультет местного Архангельского медицинского института, прошёл интернатуру, т. е. он врач по образованию. Работал по распределению в Емцовской участковой больнице в Плесецком районе. Геополитическая катастрофа распада СССР прервала врачебную карьеру И. Мосеева. Он оставил мало оплачиваемый труд врача и нашёл себе место в коммерческих архангельских СМИ. В разные годы И. Мосеев работал редактором отдела информации газеты «Гандвик ТВ», главным редактором «Новой архангельской газеты», заместителем главного редактора «АТК-Медиа». Итак, оказывается, И. Мосеев — это человек из круга известного в Архангельске предпринимателя, выходца из местной комсомольской среды, медиамагната областного значения Якова Попаренко (ныне по «удивительному» совпадению — работающему в САФУ, ставшем альтернативным центром власти в Архангельской области в ожидании смены губернатора Ильи Михальчука, не ровён час, скоро и весь САФУ станет «губернаторской кузницей», меняющей Русскую Арктику на мифическую, но очень денежную норвежско-поморскую). С 2001 по 2009 гг. И. Мосеев работал главным редактором делового еженедельника «Бизнес-класс Архангельск». Одновременно с 2000 по 2003 гг. он работал собкором по Северо-Западу в газете «Деловой Петербург». Тогда же прошёл

практику в сфере деловой журналистики по специальной программе в медиахолдинге Бониер-Пресс в Стокгольме. В 2005 г. он был даже удостоен премии Союза журналистов России «Лучший журналист года» за серию публикаций на тему развития экономики и бизнеса. Отметим в этот период деятельности И. Мосеева его особую, как теперь кажется неслучайную, тягу к темам бизнеса и рекламы. После создания «Поморского института» И. Мосеев объявил о проведении интернет-конференции на сайте «Патриот Поморья». Ему тогда архангелогородцами был задан неудобный вопрос о несоответствии его квалификации занимаемой в САФУ должности. Видимо, поэтому та конференция до сих пор висит без всякого движения и ответа в интернете.

Да, у Ивана Мосеева нет диплома о каком-нибудь гуманитарном высшем образовании. Это обстоятельство не помешало, однако, занять ему пост директора научно-образовательного центра «Поморский институт» во вновь созданном в Архангельске федеральном университете. Но не будем здесь строгими формалистами. История нашего Отечества XX в. знает неостепененные таланты. Вот, например, Михаил Калашников в звании сержанта без какого-либо специального технического образования великое стрелковое оружие сотворил. Подобные таланты работали в конструкторских бюро и у Туполева, и у Королёва и др. Таким образом, создание целого института в САФУ под Ивана Мосеева должно быть обусловлено его конкретными научными достижениями в гуманитарных областях. Каковы они? На сегодняшний день бизнес-журналист и местный политик И. Мосеев является автором единственной книжки, да и то изданной на американские деньги, — «Поморская говоря». Этот лженаучный «филологический труд» нуждается в специальном изучении. Отметим ещё тот факт, что в опубликованных автобиографиях И. Мосеев, помимо общественного деятеля «Поморского возрождения», врача, журналиста, числится ещё и «краеведом». О «достижениях» в северном краеведении И. Мосеева критическую брошюрку можно написать, настолько немногочисленные его статьи по истории, этнографии поморов преисполнены домыслов и фантазий. Ну, вот, например, в одной своей статье он спрашивает читателей: «Знают ли архангелогородцы, что даже Соломбальская государственная судоверфь

была заложена вовсе не Петром I, а Иваном Грозным в 1581 году? А в 1602 году на этой верфи строил морские корабли царь Борис Годунов». Нет, не знают, и мы не знаем. А откуда знает И. Мосеев? Не потрудился бы директор НОЦ «Поморский институт» назвать источник сведений о соломбальском морском кораблестроении в конце XVI — нач. XVII в. Подобное утверждение И. Мосеева — безответственная ложь. Приведём ещё один, но весьма красноречивый ляп архангельского поморского «краеоведа». Цитата из предисловия спонсированной американцами «Поморской говори»: «По своей культуре и языку кулояна очень близки к пинежанам, мезенам и лешуконам — это одно поморское племя». В связи с этим заметим, что в конце XVII в. в волости погоста Усть-Вашка, что при впадении реки Вашки в Мезень, существовал т. н. Лешуков конец — куст мелких деревень, названный по фамилии одного из первопоселенцев здесь начала того же века — Сидора Иванова сына Лешукова, т. е. внука некоего Лешки. Лешка тот жил во втор. пол. XVI в.

Когда становилась советская власть, в 1920 г. погост Усть-Вашки был объявлен сначала городом Усть-Вашском, а потом переименован в село Лешуконское. Село стало центром одноименного района Архангельской области. По названию района его жителей в советские времена XX в. стали звать «лешуконами». Ну, и где здесь поморское чудское племя «лешуконов»? Все это можно прочесть в исследовании о Лешуконском районе краеоведа Анатолия Новикова, опубликованном в Архангельске в 2003 г.¹

Итак, каких-либо мало-мальских приличных книг или научных статей по краеведению И. Мосеев не имеет. Здесь он — полный дилетант и в краеведах числится по недоразумению. Каким образом этот дилетантизм он пытается скрыть в текущей деятельности своего «Поморского института»? Тут И. Мосеев заявляет, что изучение «поморов» под его руководством будет «комплексным». «Комплексность», т. е. ничего конкретного, и позволит скрыть полную научную несостоятельность работы «Поморского института». Постоянное жонглирование И. Мосеевым понятием «комплексность» на самом деле — простой приём манипуляции сознанием.

¹ Новиков А. В. Лешуконье. XV–XIX вв. История края. Архангельск, 2003.

Ну, а где взять специалистов для формирующегося «Поморского института» при той общей слабости и катастрофической нехватке научных кадров, что налицо в Архангельске? Здесь в качестве критерия кадрового отбора И. Мосеев определяет увлечённость «идеями улучшения жизни коренных жителей Севера». А как быть с профессионализмом, спросим мы? Ведь собственно «увлечённые» — активисты и пропагандисты поморской идеи, такие как Павел Есипов, Анатолий Беднов, Владимир Ломакин, Александр Михайлов, Александр Шаларев, Максим Задорин, не то что «сделать», но даже «показать», имитировать науки не способны.

Однако вернёмся опять к личности и карьере поморского лидера Ивана Мосеева. В 2009 г. он ушёл с поста главного редактора делового еженедельника «Бизнес-класс Архангельск» и стал работать в Ассоциации поставщиков нефтегазовой отрасли «Созвездие». Кто не знает, «Созвездие» — это такая хитрая организация в Архангельске, которую норвежцы под предлогом подготовки проекта Штокман используют для изучения промышленного потенциала Архангельской области и Ненецкого АО. 20 ноября 2012 года «Созвездие» получило по новому российскому закону статус «иностранный агент». Отметим, что в состав правления Ассоциации входят ОАО «ПО «Севмаш», ОАО «ЦС «Звёздочка», Северный (Арктический) Федеральный Университет, Министерство промышленности, транспорта и связи Архангельской области, Министерство экономического развития и др. Когда мы только начали наши публикации по «поморскому возрождению» в ИА REGNUM, в «защиту» архангельских «поморов» со статьёй выступил «этноконфликтолог», координатор НКО «Движение по защите прав народов» Виталий Трофимов. Он утверждал, что речь в случае с «поморами» в Архангельске идёт, по его выражению, о «кровавых алмазах». Отметим, что В. Трофимов вводил нас всех в заблуждение. На самом деле главный архангельский помор Иван Мосеев давно причастен со всеми своими поморскими норвежскими связями к нефти и газу. В «Созвездии» он на семинарах, проводимых норвежцами из Стат-Ойл и связанных с ней фирм, как оказалось, форматы контрактов и тендерные процедуры изучает и ещё что-то рядом пишет в отраслевой медиапроект *Sozvezdye Review*. Вот поэтому сам себя И. Мосеев

определяет как «эксперта по оффшорной добыче нефти и газа в Арктике».

Итак, основное место работы И. Мосеева до последнего времени лежало около будущей нефти и газа, а «Поморское возрождение» — это его побочная деятельность. Первые публикации И. Мосеева, в которых он писал о преимуществе передачи российских месторождений для эксплуатации норвежским фирмам, появились ещё в 2006 г. Тогда же по этой теме они пересеклись с работами другого лоббиста норвежских интересов в СМИ — нынешнего почётного норвежского консула в Архангельске Андрея Шалева.

Современные тенденции развития демократии, толерантности, регионализма и защиты прав национальных меньшинств попутно породили в странах Европейского Союза явление, получившее название «этнобизнес». Под последним понимается, когда отдельные личности или группы в поисках всяческого рода преференций «записываются» в различные малые этнические сообщества, к которым они в действительности не принадлежат. Этнобизнес становится заметной проблемой для гражданских обществ. В Венгрии, например, совсем недавно в СМИ описывался случай, когда группе авантюристов, этнических самозванцев, удалось захватить одно местное национальное самоуправление и выбить из его руководства подлинных представителей национального меньшинства. Итак, в случае с «поморами» в Архангельске мы имеем схожее явление. Как водится, вместе с различными достижениями западной цивилизации мы приобретаем и её социальные болезни.

Этнобизнес — только одна из них. Случай с поморами в Архангельске — этнобизнес И. Мосеева и К^о — усугубляется ещё и вмешательством в него ищущей российских арктических ресурсов соседней Норвегии. Не будем упускать из вида и политическую подоплёку дела — проект «Поморской республики» с титульным этносом «поморы» во главе. Поэтому, чтобы понять личность Ивана Мосеева и её место в истории Архангельска, следует снова прочесть знаменитый советский плутовской роман «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова:

— Жалкие, ничтожные люди! — сердито забормотал Паниковский.

— Вот как! — сказал Остап. — А себя вы считаете, очевидно, врачом-общественником? Джентльменом?

Вот именно! Иван Иванович Мосеев — это «врач-общественник» новой российской Смуты.

Самое возмутительное в истории с созданием в САФУ «Поморского института» то, что открытие его случилось в Архангельске под юбилей М. В. Ломоносова. Под знаком имени великого русского учёного в САФУ совершается форменное преступление против науки и здравого смысла — для псевдоучёных создаётся учреждение под очевидную фальсификацию и политическую мистификацию, за которые сам, подлинный Михаил Васильевич Ломоносов, не считаясь с титулами, бил бока и физиономии.

«Поморская истерия»: когда в Русской Арктике Норвегия будет «вести переговоры с поморами», а не с Россией?

Новый этап создания этноса «поморы» начался после открытия в Архангельске в составе Северного (Арктического) Федерального Университета (САФУ) т. н. «Поморского института коренных и малочисленных народов Севера» (ПИКиМНС). Активисты «Поморского возрождения» получили в своё полное распоряжение не только новый структурный компонент, но и возможность пропагандировать в учебных аудиториях поморский национализм студентам университета. Идея создания «Поморского института» в структуре российского федерального университета изначально принадлежит норвежцам. Впервые она получила огласку во время визита бывшего министра иностранных дел Норвегии Турвальда Столтенберга в Архангельск в феврале 2011 г. Известно, что ректор САФУ Елена Кудряшова создала «Поморский институт» непосредственно в согласии с интересами своих норвежских партнёров.

Отметим в связи с этим важное обстоятельство: Минрегион РФ «поморов» как коренной и малочисленный народ Севера

вполне справедливо не признаёт. В апреле 2011 г. судебная коллегия по гражданским делам Архангельского областного суда удовлетворила иски о ликвидации Архангельской областной территориально-соседской общины «поморов». В связи с этим обстоятельством, действия ректора САФУ Е. Кудряшовой идут вопреки интересам русского народа и российской государственности. Стимулирование Е. Кудряшовой поморского этносепа­ратизма на Русском Севере является прямым продолжением дела другого ректора в Архангельске — творца «поморского мифа» проф. Владимира Булатова.

При создании «Поморского института» норвежцы преследовали несколько целей. Одна из них на виду — это дать высокий общественный статус местным деятелям поморского движения. Очевидно, что лидеры поморского движения представляют из себя тот человеческий материал, который был сформирован четвертью века нашей новейшей российской Смуты. Это вечный активист, человек, бесполезный для какой-либо созидательной деятельности, далёкий от истинного профессионализма, суетливый и шумный, любящий громкое словцо общественник «гражданской организации». В этом отношении весьма характерна судьба главного деятеля «Поморского возрождения» в Архангельске Ивана Мосеева — «врача-общественника», несостоявшегося медицинского доктора и бизнес-журналиста, а теперь «учёного». Сейчас, благодаря норвежской протекции, он гордо именуется директором института федерального университета. Главный архангельский «помор» И. Мосеев так быстро вошёл в новую роль, что уже сейчас учёных из Российской академии наук стал звать «коллегами». Уловка норвежцев понятна: теперь любые претензии к российским властям, всякого рода жалобы «поморов», в том числе и за рубежом в международные инстанции, выглядят весомей, поскольку исходят они от университетского подразделения.

А поскольку сам новоиспечённый директор «Поморского института» И. Мосеев является человеком, бесконечно далёким от какой-либо научной деятельности и без практического опыта работы в высшем образовании, то ему в только что созданном САФУ необходим надёжный и знающий помощник. Сейчас в качестве такового выступает профессор Андрей Репневский.

Сразу же отметим то обстоятельство, что проф. А. Репневский не имеет базового университетского образования историка. Как и проф. В. Булатов, он закончил историко-филологический факультет провинциального Архангельского пединститута с дипломом учителя истории, обществоведения и английского языка. В связи с этим закономерно, что за 33 года своей научно-преподавательской карьеры А. Репневский стал автором одной-единственной монографии. При ближайшем рассмотрении, эта книга — текст его докторской диссертации «СССР — Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия», защищённой в 1998 г. в ИВИ РАН у акад. Александра Чубарьяна. Показательно, что свою монографию А. Репневский издал небольшим тиражом на собственные средства в Архангельске. В официальную продажу эта книга никогда не поступала. Сейчас А. Репневский числится «скандинавистом». Однако его исторические изыскания в периферийной для отечественной науки области не заинтересовали даже коллег из Норвегии, и каких-либо монографий А. Репневского в переводе на норвежский или шведский языки до сих пор не издано. «Скандинавистом» А. Репневский стал после 1992 г., в то время когда это неожиданно оказалось материально выгодно. Активная грантовая политика норвежского Баренц-секретариата в области образования и культуры создали за какое-то десятилетие в провинциальном Архангельске целую плеяду разного рода «скандинавистов». Даже ректор Поморского университета проф. Ирина Луговская оказалась причастной к скандинавистике. Дело приняло уже такой оборот, что начали возникать династии исследователей по этому привлекательному, с точки зрения получения зарубежных грантов и возможностей «научного туризма», направлению. В частности, «скандинавистом» стал и сын проф. А. Репневского — Виталий Репневский.

Директор только что созданного в САФУ Института социально-гуманитарных и политических наук (ИСГиПН) проф. А. Репневский внешнюю деятельность возглавляемого им учреждения стал ориентировать на Норвегию. На этом административном посту он выступает активным лоббистом норвежской культурной и образовательной политики в российском федеральном университете. В этой связи знаменательно, что и продвинутый в Россию норвежцами «Поморский институт» также оказался под его прямым

управлением. Организационно «Поморский институт» сейчас включён в возглавляемый проф. А. Репневским ИСГиПН САФУ. Из этих двух институтов «один в одном» (ИСГиПН — ПИКиМНС) получается своеобразная поморско-норвежская матрёшка. Надо полагать, что когда «Поморский институт» встанет на ноги, то он отделится от ИСГиПН. Сейчас А. Репневский со своим вузовским организационным опытом способствует его становлению и повседневному бюрократическому сопровождению. «Научные» планы института И. Мосеева включены в планы института А. Репневского. «Поморский институт» как структурное подразделение ИСГиПН крайне выгоден проф. А. Репневскому, поскольку под него пойдут норвежские и американские гранты. Показательно: первое, что сделал И. Мосеев после создания в САФУ «Поморского института», — отправился в Норвегию на тамошний «Поморский фестиваль» и подписал с норвежскими «поморами» документы о проектах сотрудничества по «поморской тематике». О научных принципах, как в случае с архангельской «скандинавистикой», в подобной ситуации говорить не приходится.

Не будем забывать, что изначально «Поморский институт» в структуре САФУ является чисто политическим мероприятием. Сам проф. Андрей Репневский — к удовольствию норвежских компаньонов — заявляет: «Интересы коренных народов должны соблюдаться. На практике же зачастую о людях, которые живут там издревле, просто забывают. Надо изучать их культуру, вести с ними переговоры, надо изучать опыт других стран в этом вопросе, например норвежцев». В случае с «поморами» глава ИСГиПН САФУ не хочет замечать, что этот «коренной и малочисленный этнос» и связанный с ним «национальный вопрос» ныне из ничего искусственно создаётся в Архангельске, и он сам, проф. А. Репневский, в этом уже активно участвует.

Сейчас в созданном ими Баренц-регионе норвежцы демонстрируют упорное желание «дружить» не с «русскими», а именно с «поморами». С этой целью они даже стали переделывать свою собственную историю под булатовскую сфальсифицированную концепцию поморства. В частности, в норвежских источниках XVIII–XIX вв. в эпизодах, связанных с действительными историческими поморами, последние именуются русскими. Также в случае и с меновой торговлей в Северной Норвегии речь идёт именно о «русской тор-

говле». Современные норвежские историки в последних своих исследованиях по поморским сюжетам демонстрируют настойчивое стремление «russen handel» переименовывать в «pomoren handel», а русских — в поморов. Происходит настоящая подмена понятий в трудах современных норвежских историков.

Итак, норвежцы переименовывают историю русско-норвежских отношений под «поморский вектор». С какой целью? Ведущий эксперт по региональной политике Баренц-региона норвежец Реми Странд на прошедшем в Архангельске последнем съезде поморов откровенно заявил: «Главной целью сегодня должно стать использование истории поморов так, чтобы в будущем организовать «беспроигрышную лотерею» для нас». Чтобы загладить этот очевидный ляп своего «хорошего друга» почётный норвежский консул в Архангельске Андрей Шалев позднее предложил другой вариант перевода этой фразы: «На сегодняшний день надо использовать поморскую историю таким образом, чтобы в будущем у нас была взаимовыгодная связь». Что, впрочем, не изменяет принципиально смысл сказанного норвежцем. Ведь речь в последнем случае идёт о взаимовыгодной связи «российских» и «норвежских поморов». Не так ли? Далее Реми Странд увязывает на самом деле фальсифицированную историю поморов с проблемой территорий: «Территория поморов разделена границей между Норвегией и Россией. История поморов, однако, сообщество через границы... Мы должны добавить знания для будущих игроков в области изучения поморов (территории поморов)... Есть потребность в новых трансграничных решениях на поморской территории для решения проблем завтрашнего дня. Это касается кроме всего прочего трейдеров (бизнесменов)».

Таким образом, интерес к «поморам» с их «псевдоисторией» тесно увязан с интересом норвежцев к трансграничной территории Баренц-региона. Р. Странд продолжает: «Образовательные учреждения должны проявлять инициативу и создать возможность изучения тематики территории поморов на всех факультетах... Федеральный университет в Архангельске является пионером в этой области. В нём создано структурное подразделение «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера». Мы рады этой инициативе и надеемся, что это позволит ускорить развитие в изучении территории поморов и за пределами Ар-

хангельска». Таким образом, «Поморский институт», по мнению спонсирующих его норвежцев, на самом деле должен заниматься не какой-то там «поморской культурой», а «поморской территорией». А за норвежским вниманием к «поморской территории» на самом деле скрывается интерес к ресурсам, на этой территории расположенным, главным образом, к нефти и газу.

О «территории», в свою очередь, говорят и поморские активисты: «Арктическая территория сегодня — притягательная зона для мировых держав: сорок стран мира претендуют на свой кусочек Арктики с её запасами углеводородов и полиметаллов. Признание же поморов коренным малочисленным народом будет только подтверждать право нашего государства на владение и использование этих территорий». Довод о признании архангельских «поморов» в качестве «коренного и малочисленного» для подтверждения прав России на Арктические территории на самом деле является лживой уловкой, хотя бы потому, что основан он на сфальсифицированной истории, и фальсификация эта легко может быть разоблачена соперниками России в Арктике. Однако тут дальше надо обратить внимание на следующий, упорно повторяемый поморскими активистами тезис: «Задолго до образования большинства арктических государств именно поморы были первооткрывателями и первыми хозяевами морской Арктики» (на самом деле, первое упоминание поморов в исторических источниках датируется 1526 г.). Итак, «поморы», по их мнению, имеют предпочтительные права на территорию, как «коренное» население на ней проживающее, по отношению к неким «арктическим государствам». Каким? Очевидно, что по отношению к России.

Вспомним, что по концепции проф. В. Булатова, принятой на вооружение активистами «Поморского возрождения», Русский Север — «Поморье» является территорией, завоёванной Москвией. Это эксплуатируемая русскими колония, населённая угнетённым и ассимилируемым финно-угорским этносом «поморы». Этой концепции придерживается и директор «Поморского института» САФУ И. Мосеев. Именно её разделяют «дружественные» этим финно-угорским «поморам» норвежцы, а вслед за ними и директор ИСГиПН САФУ проф. А. Репневский. В октябре в стенах возглавляемого им учреждения состоялось подписание соглашения с норвежцами о научном сотрудничестве в этнокультурном и этно-

социальном исследовании в Норвегии квенов, а в России — поморов. Норвежский намёк на финно-угорскую основу обоих народов здесь очевиден. Инициаторами соглашения с норвежской стороны выступили профессора университета Тромсе Дэвид Джордж Андерсон и Ивар Бьерклунд. С российской — его подписали, что показательно, директор «Поморского института» «помор» И. Мосеев и директор научно-образовательного центра «Этнокультурология и гуманитарная география Арктики» проф. Николай Теребихин. Последний со своими бредовыми сочинениями известен в Архангельске как сотрудник проф. В. Булатова в деле создания поморского исторического мифа. Но норвежские профессора не ограничились одним Институтом А. Репневского. Они отправились дальше в Институт управления и регионологии САФУ, где обсудили возможности научного сотрудничества с его директором, известным областником и творцом идеи «Поморской республики» «этническим помором» образца 2002 года проф. Юрием Лукиным. В ходе встречи с Ю. Лукиным норвежцы говорили о реализации совместных образовательных программ, направленных на формирование «позитивной северной идентичности» (!) и совершенствование «этнокультурных компетенций» россиян. Под «позитивной северной идентичностью» норвежские профессора, очевидно, понимают всё то же «норвежско-российское поморство», относительно которого современная и историческая русская идентичность является, надо понимать, «негативной».

Что интересует в научном плане этих норвежских учёных на Русском Севере? Это прикладные исследования образа жизни «северных сообществ», система их ценностей, этническая идентичность и влияние на них идеологии мультикультурализма. Норвежские учёные, таким образом, ищут возможности ослабления и разрушения этнического сознания русских. А завтра норвежцы поведут со специально созданными и обученными новыми «хозяевами Русской Арктики» — «поморами» — переговоры о судьбе её ресурсов, к которым Россию и русских постараются не допустить, а если и допустить, то на правах «некоренных», вечно обязанных перед «коренными поморами» — норвежскими и архангелогородскими.

Норвежско-архангельский расизм: существует ли «поморская кровь»?

В современной этнологии существуют две фундаментальные теории этноса. Так, согласно одной из них, т. н. учению примордиализма, этничность рассматривается как объективная данность, изначально присущая человеку. Этничность есть некое состояние, с которым человек рождается, и то, что он не может выбирать. Другая теория этноса, получившая название конструктивизма, отрицает положение о врождённом, т. е. биологическом характере этничности. Этнос понимается учёными-конструктивистами как культурная группа, а явление этничности — как принадлежность человека к этой культурной группе. Согласно теории конструктивизма, этничность есть результат деятельности в конкретных исторических условиях различных социальных факторов. Этничность не наследуется, ей научаются. Человек обретает этническую идентичность в процессе своей социализации — в семье, школе, на улице. Этническая социализация является непрерывным процессом, в ходе которого интерпретируются этнические различия. Материал культуры даёт этнические маркеры. Этнические границы и пространство формируются. Этнические мифы и традиции изобретаются. Воображением создаётся обобщён-

ный портрет своего этнического сообщества. Вырабатываются и в сознание внедряются различные стереотипы, а также фобии и образы этнического врага и т. д.

На сегодняшний день в этнологии господствует конструктивизм, а примордиализм считается научно устаревшим. Высказавшиеся на страницах ИА REGNUM по проблеме поморского этностроительства российские этнологи академик Валерий Тишков и проф. Юрий Шабает, судя по их научным трудам, являются конструктивистами. И наоборот, практики поморского этностроительства Иван Мосеев и К^о в своих выступлениях постоянно демонстрируют приверженность именно примордиализму. А поскольку эти люди по своим интересам и жизненной практике бесконечно далеки от какой-либо науки, то выбор их в пользу примордиализма был, разумеется, неосознанным, но практически оправданным. Поэтому правильной назвать архангельских поморских этностроителей «стихийными» примордиалистами. Поморские этностроители из Архангельска должны понимать, что все их примордиалистские уловки, трюки и методы давно известны, прекрасно описаны и изучены современной конструктивистской этнологией.

В своей практике примордиализм использует метод т. н. эссенциализма (от лат. *essentia* — сущность), имеющий своей целью поиск и открытие истинной природы этничности. Поскольку этничность понимается как вещь, скрытая где-то в глубинах человеческого существа, то сущностный метод примордиализма предполагает её поиск, буквально говоря, в «крови». После открытия гена крайние приверженцы идей примордиализма дошли до буквального овеществления этничности, считая её материальной субстанцией, сокрытой в структуры генетического аппарата человека. Поморские этностроители из Архангельска демонстрируют именно подобное дремучее понимание этничности.

Так, например, низовая активистка поморского движения, автор «Поморской азбуки» для детей учитель из школы №9 города Архангельска Тамара Зайцева верит в то, что изобретённый Иваном Мосеевым язык поморов у её школьников «пробуждает, оживляет этноисторическую память на генном уровне». А пропагандист поморской идеи «координатор Международного движения по защите прав народов в Архангельской области» Анатолий

Беднов утверждает: «Волны переселений народов смешивались, сливались, образовав генетический коктейль, который ныне бродит в крови жителей Поморья». «Генетическая общность жителей Поморья и соседних финно-угорских народов доказана исследованиями генетиков: в наших жилах течёт до 40% финно-угорской крови». Какими учёными? — спросим мы. Назовите их имена. И каким «лактометром» эти учёные пользовались для измерения в крови-коктейле означенного финно-угорского градуса? Как и у кого они брали эту кровь? Является ли эта кровь выборочной или среднестатистической? И почему 40, а не 41 или 45? Откуда берётся в тексте «о почве и крови» поморов эта несообразность — коктейль и сорокаградусная? Вот, к примеру, «поморский волхв» Вячеслав Ларионов считает, что у «поморов» 70 градусов чудской крови. Все это ни на чём не основанные домыслы и прямая ложь. Более того, «этнический помор» Анатолий Беднов, используя примордиализм, решил ещё и записаться в родство к своим богатым покровителям — норвежцам. Здесь он демонстрирует всем хорошо известный и презируемый европейцами комплекс «бедного родственника» и «американского дядюшки» (в случае Архангельска, норвежского). В. Беднов фантазирует, не стесняясь, дальше: «Некогда ушкуйники вывозили из Норвегии полонянок — вот откуда у нас ещё и скандинавские гены!» «Теперь учёные гадают, откуда у поморов взяли скандинавские гены».

Какие учёные и о ком конкретно гадают, спросим мы? Пользуясь случаем, сообщаем здесь, что ушкуйники — это речные разбойники (пираты) на Волге во втор. пол. XIV в. Никаких сведений в исторических источниках о деятельности ушкуйников на Двине, а тем более в Белом или Баренцевом морях нет. Как и когда они могли на своих речных лодках-ушкуях плавать в Норвегию за женщинами, «поморам» следовало бы в своё время спросить у поморского исторического мифотворца проф. Владимира Булатова. Но что с того, скажем мы, если даже в крови нынешнего поморского активиста Б. Гофмана или у самого Ивана Мосеева мы найдём этот пресловутый «скандинавский ген». На самом деле это невозможно, генетика может исследовать гаплогруппы только по мужской линии. Здесь же речь, со слов «поморов», идёт о «похищении сабинянок» из Норвегии. Но ведь этничность определяется, с точки зрения современ-

ной конструктивистской этнологии, культурой, а не «кровью» и, тем более, не «генами». Ведь по крайней логике И. Мосеева, А. Беднова, получается, что великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин — на четверть эфиоп, а по доведённой до абсурда этноторговой «укоренённости» — все мы, как прямые генетические потомки прямоходящих приматов, можем претендовать на долю богатств Южно-Африканской республики, и южно-африканское золото, и тамошние «кровавые алмазы» «этноконфликтолога» Виталия Трофимова. Любопытно, что занимающийся поддержкой «этногенеза» на просторах России НКО «Центр Гумилёва», в котором работает Трофимов, заявляет поддержку этнической теории Льва Гумилёва, который по своим воззрениям был примордиалистом. Официально в основу деятельности НКО «Центр Гумилёва» положена примордиалистская теория. Этносы и субэтносы якобы естественно зарождаются в результате взаимодействия общества и природы. Однако сам Трофимов частным образом признаётся, что в своей деятельности использует конструктивистские методы, когда «строит новый этнос» в Архангельске.

В сентябре 2011 г. в только что образованном в Архангельске Северном Арктическом Федеральном университете по указанию норвежцев под поморское этностроительство и для поморских этностроителей был создан т. н. «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера». Мы сразу же обратили внимание на тот факт, что в качестве подразделения означенного «Поморского института» САФУ будет создана «лаборатория популяционной генетики», что является ещё одним подтверждением того, что в нынешнем поморском этностроительстве используется именно примордиалистская расистская модель.

Но почему тогда норвежцы, научная этнология которых давно стоит на современных конструктивистских позициях, в случае с Архангельском продвигают и поддерживают примордиализм, да ещё в его самой ретроградной и дикой форме? Здесь, в России, давно подмечено, что западные научные фонды, да и сами тамошние этнологи-конструктивисты с симпатией относятся именно к работам наших специалистов, занимающихся конкретными исследованиями, особенно если те (а это обычное дело) исходят из эссенциалистской и примордиалистской методологии.

Дело в том, что поморское этностроительство и этносепаратизм в Архангельске с нач. 2000-х гг. от стадии мифотворчества уже перешли в сферу политики, а примордиализм как практика является самым простым средством мобилизации этничности и её дальнейшей политизации. Политик, вынужденный решать срочные задачи, как правило, почти всегда говорит на языке примордиализма.

Так примордиализм стал практическим инструментом для этносепаратизма и территориального расчленения России.

Выбор именно примордиалистской модели этностроительства архангельскими «поморами» только отчасти может быть объяснён низким образовательным уровнем их «вождей». Нынешним самозванным «поморам» в Архангельске, бывшим советским интеллигентам, городским людям, не имеющим ничего общего с традиционной культурой настоящих промысловиков, нужно во что бы то ни стало доказать, что именно они являются настоящими и «коренными». Вот здесь они наивно и решили прибегнуть к примордиалистскому трюку — к генетическим исследованиям. Что в научном плане для исследования поморов может дать «лаборатория популяционной генетики»? Да ровным счётом ничего. Докажет ли она финно-угорские корни «поморов»? На самом деле, предметом генетических исследований будут не поиски каких-то этнических генов, а определение генетического маркера носителей Y-хромосомы, т. е. у мужчин — т. н. гаплотипов и гаплогрупп. Гаплогруппы будут давать при картографировании очень широкий размытый ареал. В итоге окажется, что гаплогруппы жителей Архангельской области ничем особенным не будут отличаться от гаплогрупп владимирцев или новгородцев. Ведь у русских, подразделяющихся, как известно, на «северных» и «южных», а в нашем случае конкретно у «северных», т. е. у их предков новгородцев и владими́ро-суздальцев, в основе был именно финно-угорский субстрат.

Переселившиеся на Русский Север новгородцы и владимирцы и принесли сюда эти, условно говоря, финно-угорские гаплогруппы. Гаплогруппы, унаследованные от финно-угров, у настоящих поморов с берегов Белого моря будут общими с частью жителей современной Новгородской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимирской областей. Но какое отношение исследования

гаплогрупп будут иметь к этничности, в основе которой лежит, как объясняет современная теория конструктивизма, явление культуры?

Самое интересное во всей этой истории то, что дремучее научное невежество поморских этностроителей в данном конкретном случае с «лабораторией популяционной генетики» руководство САФУ, а именно ректор этого заведения Елена Кудряшова, собирается финансировать, как надо понимать, из федерального бюджета. Заметим, что исследование гаплогрупп возможно проводить в специализированных лабораториях, а стоят они, как известно, больших денег. Ещё интересней дело будет обстоять, если средства на поморские генетические исследования выделят норвежцы. В последнем случае это стало бы расистским деянием, достойным для внуков солдат дивизии СС «Викинг». Но как полученные в итоге результаты будут соотноситься с современной научной теорией этноса, к которой пока ещё вынуждены прибегать архангелогородские остепенители? Или на пути к золотому тельцу они уже сейчас готовы присягнуть расизму?

Арктический федеральный университет присудил учёную степень исследователю «МОЯ-ПО-ТВОЯ»

19 ноября 2011 года во время празднования в Северном Арктическом Федеральном Университете в Архангельске юбилея М. В. Ломоносова степень «почётного доктора» этого учебного заведения была присвоена норвежке Ингвиль Брок.

Весь вклад в науку И. Брок сводится к её многолетним «исследованиям» т. н. русско-норвежского языка — «руссенорска» («моя-по-твоя»). Хотя чего тут, казалось бы, исследовать? Это языковое явление — разговор торговцев рыбой на норвежском базаре — было в 1920-е гг. «открыто» и тогда же досконально «изучено» норвежским славистом Олафом Броком (1867–1961).¹ Славистика в тот период, да ещё в такой периферийной европейской стране, как Норвегия, стояла на далёком отшибе серьёзной науки. Это была экзотика. Поэтому честолюбивый учёный-филолог О. Брок смог позволить себе стать «первооткрывателем» дотоле неизвестного науке славянского в основе своей языка, которому он дал

¹ *Broch Olaf. Russenorsk. Archiv fur slawische Philologie, 1927; Broch Olaf. Russenorsk tekstmateriale, Maal og minne, 1930.*

звучное название — «руссенорск». Критиков у него, разумеется, в Скандинавии тогда не было. Язык этот, как, оказалось, был к тому времени уже «мёртвым», как какой-нибудь санскрит или латынь. Живых носителей его не существовало (да и были ли они когда-нибудь?). Поэтому источником теории «руссенорска» и материалом «исследований» для норвежского филолога-слависта послужили всего 13 коротких текстов. В своё время эти диалоги при покупке рыбы между русскими и норвежцами были записаны в большинстве случаев как курьёз случайными людьми. В 1930 г. О. Брок опубликовал эти тексты. Отметим сразу, что все современные поиски каких-либо следов «руссенорска» в России не увенчались успехом.

После своего открытия русско-норвежский язык был благополучно забыт на десятилетия для того, чтобы им в 1980-е гг. вновь заинтересовалась Ингвиль Брок. И с того момента исследует она эту «моя-по-твоя» уже третье десятилетие. Новое открытие и популяризация «руссенорска» на самом деле были связаны с политической конъюнктурой норвежского проекта «Баренцев регион». «Руссенорск» в новых условиях из фантазий одинокого норвежского слависта превратился в идеологический инструмент. Норвежцам надо было найти и предъявить то, что «нас соединяет». Случилось это на самой заре «поморской истерии». Но здесь вышла неувязка в том отношении, что для явления уже существовало придуманное О. Брок название — «руссенорск» (а не какой-нибудь «поморск»), хотя означенный лингвистический казус, с точки зрения нынешних поморских этностроителей в Норвегии и России, лучше бы было с самого начала объявить общим языком этноса российских и норвежских поморов. Сейчас «руссенорск» пытаются представить языком общения, хотя как раз последнего при ближайшем рассмотрении в «моя-по-твоя» и нет.

На самом деле Ингвиль Брок со всеми своими исследованиями «руссенорска» никаких научных заслуг ни перед Норвегией, ни, тем более, перед Россией, не имеет. Вопрос надо поставить так: в чём собственно состоит оригинальность исследований «руссенорска» Ингвиль Брок по сравнению с тем, чего достиг в его изучении славист Олаф Брок? Публикации последнего уже имели исчерпывающий характер. Только то, что И. Брок придумала, что

«руссенорск» — это пиджин? Но, пожалуйста, сами исследователи «руссенорска» не могут предъявить никаких иных сфер его пользования, кроме одной — базарного диалога не знающих языка собеседника необразованных и малокультурных торговцев рыбой. А для пиджина, признаем, одна сфера — это слишком мало. Отметим тут, что в настоящее время в «словаре» «руссенорска» его исследователи зарегистрировали чуть меньше 400 слов, половина из которых упоминалась в письменных источниках только один раз (!). И сама И. Брок признаётся, что из имеющегося в распоряжении исследователя материала нельзя утверждать ни об устойчивости словосочетаний, ни о постоянном составе лексики «руссенорска». Так, где же тогда язык?

С начала 1990-х г. мы воочию наблюдали за рубежом в странах Восточной Европы, в Турции и Китае такое явление, как одиночные торговцы-челноки с Украины и России. Эти бедолаги — жертвы перестройки, международные коробейники, торговали на тамошних рынках своим незамысловатым товаром и сами делали какие-то покупки. Контакт при торговле в чужой языковой среде всегда начинался с языка жестов и записей цифр на подручном материале. На следующем этапе шёл примитивный в своей грамматической основе диалог из фантастической смеси слов на разных языках. Следуя здесь по стопам славных норвежских исследователей «руссенорска», мы можем заявлять, что на иноземных базарах в 1990-х гг. начали складываться «русско-польский», «русско-венгерский», «русско-турецкий», «русско-китайский» и т. д. языки. Более того, мы берёмся утверждать, что в XX веке существовал «русско-немецкий» язык в русском и германском оккупационных вариантах. Хрестоматийный пример. Германский солдат входит в хату: «Матка, курка, яйки. Моя пиф-паф». Составляем словарь: Матка — женщина. Курка — курица. Яйки — яйца. Моя — я (местоим.). Пиф-паф — стрелять. Источников такого «русско-немецкого языка» — преогромное множество, от воспоминаний до художественной литературы. Пишите проект и отправляйтесь за грантом в германский фонд Фридриха Эберта. Дела с «руссенорском» норвежских славистов обстоят похожим образом.

Один миф, как известно, часто порождает другой. Вот и «теоретик» нынешнего «поморского возрождения» в Архангельске,

«ведущий эксперт по поморской традиционной культуре» — старший научный сотрудник Архангельского музея «Малые Корелы» Владимир Ломакин стал утверждать, что «руссенорск» в 1917 г. был запрещён большевиками. Революционерам, оказывается, в 17-м году сразу после Октябрьского переворота в те два оставшихся месяца делать было нечего, кроме как с «руссенорском» бороться. Поморскому самозванцу Владимиру Ломакину не помешало бы обзавестись ответственностью за сказанное и написанное: как минимум, указать декрет, которым этот химерический язык был большевиками сначала найден и признан, а потом запрещён. Или вся история с запретом — это очередная тайная история, рассказанная «моей поморской бабушкой»? Укажем и на логическую несообразность утверждений В. Ломакина. Ведь о существовании «руссенорска» мир узнал (если, конечно, узнал) спустя 10 лет после Октябрьской революции из работ норвежского слависта Олафа Брока.

Как бы там ни было, но 18 ноября 2011 г. в Архангельске в САФУ состоялась «лекция выдающегося деятеля науки и культуры Норвегии, специального советника Норвежского Совета по высшему образованию, Почётного доктора ПГУ имени М. В. Ломоносова госпожи Ингвиль Брок». Темой открытой лекции доктора Брок стал всё тот же пресловутый «смешанный русско-норвежский язык» — «руссенорск». На присвоении степени «почётного доктора» САФУ ректор этого учреждения Елена Кудряшова отметила, что Ингвиль Брок «внесла неоценимый вклад в развитие сотрудничества российских и норвежских университетов и стояла у истоков развития на Поморском Севере классического международного университетского образования». В этой связи заметим, что с 2002 г. И. Брок действительно активно участвовала в норвежском продвижении в Архангельск направленной на развал системы российского высшего образования т. н. Болонской системы. Прямым результатом деятельности И. Брок стали появившиеся в Архангельске в большом количестве «бакалавры циркумполярных наук». Что такое «циркумполярные науки» и что с ними делать этим «бакалаврам», вряд ли сможет объяснить сама госпожа «почётный доктор» Ингвиль Брок.

Русским на Севере предлагают стать nordman

Тема региональной идентичности по-прежнему не даёт покоя представителям т. н. «архангельской школы регионологии». Об этом свидетельствует очередной «круглый стол», проведённый 7 февраля 2012 года в Институте управления и регионологии в рамках конференции «Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения». На этот раз там занялись «норманнами». Как теперь кажется, чтобы в САФУ ни делали, а всё приводит местных гуманитариев в Скандинавию. Посудите сами. Тема «круглого стола» — «Nordman — северный человек: типология личности». Таким образом, профессура САФУ пытается предложить нам, русским на Севере, очередной вариант региональной самоидентификации. На этот раз нам предлагают осознать себя «норманнами». И это важно, поскольку, по мнению участников «круглого стола», именно ответ на этот вопрос «Кто такой Nordman?» и поможет решить серьёзную проблему региона сократить активную миграцию северян в центральные районы России. Впрочем, здравый смысл подсказывает, как бы мы ни отвечали на вопрос «кто такой Nordman?», ответы, т. е. простые сотрясения воздуха, заклинания, никак не смогут решить демографических и миграционных проблем Русского Севера. Вспомним 1960–1970-е гг. — лучшие годы социально-экономического развития Архангельска

и области. Тогда никто в местном пединституте не задумывался, «кто ж такой Nordman?», что такое «самоидентификация» и почему она так важна для воспроизводства населения. Очевидно, что решение проблемы лежит совсем в иной плоскости.

Но вернёмся к нашим «норманнам». По мнению участника «круглого стола» профессора Александр Дрегалю, «основными показателями северного человека являются — хронос (время) и топос (пространство)». Под этими громкими терминами, оказывается, профессором подразумевается длительность проживания на Севере и уровень адаптации в этих особых условиях. Но, извините, факторы эти действительно были жизненно важны в прошлом, в эпоху господства традиционного хозяйства. Но современная городская цивилизация, существующая пусть в том неуклюжем виде, который мы имеем в Архангельске, коррелирует адаптацию человека к неблагоприятным условиям внешней среды. Достаточно пойти на местный рынок и посмотреть, как там торгуют на открытом воздухе при морозе -20° цельсия наши кавказцы, ставшие постоянными жителями Русского Севера. При этом торгуют они там по преимуществу китайским ширпотребом. Разумеется, лесоповала при таких погодных условиях эти люди не выдержали бы. Поэтому для большей убедительности поставим вопрос по-другому: «Основными показателями бушмена являются — хронос (время) и топос (пространство)». И если бы проф. А. Дрегалю без сопровождения местного проводника попал в пустыню Калахари, то он согласился бы с истинностью и такого тезиса. Тогда к чему нужна эта псевдонаучная терминология, только уводящая нас от истины?

Но участники «круглого стола» — исследователи типологии «личности Nordmana» продолжают свои псевдонаучные игры. Так, они обращают внимание ещё на особенности быта, искусственной среды, общего уровня жизни на Севере. Однако, спросим мы, как можно вычислить «общий уровень жизни» для кочевого оленевода из ненецкого стойбища и рабочего судоверфи Севмаша, офицера подплава Северного Флота и рыбака из поморского рыболовецкого колхоза? Как можно свести к среднему знаменателю «Nordmana» быт соприкасающихся столь различных цивилизаций, как Россия и страны Скандинавии? Вот и получается, в конечном итоге, что архангельский «Nordman» из САФУ — это такая

далёкая от жизни абстракция, которая имеет только значение для подачи заявок на очередные гранты в Норвегию. Далее участников «круглого стола» в Архангельске в поисках «Nordmana» совсем занесло. В частности, они стали утверждать, что отличительной чертой «личности Nordmana» является определение семьи как главного социального образования. Но, извините, а где тогда на нашей планете семья не является главным социальным образованием? Ведь именно семья есть универсальная первичная ячейка человеческого общества, хотя бы потому, что в ней происходит воспроизводство человека. В этой связи мы вспомнили особо любимые на пике поморской истерии в бывшем Поморском университете в Архангельске «исследования» т. н. «поморской семьи» от профессора Татьяны Буториной. Экс-губернатор области Илья Михальчук незадолго до своей отставки 7 декабря 2011 г. обещал следующий год в регионе объявить даже «Годом поморской семьи». В трактовке архангельских «учёных» «поморской семье» придавалось какое-то особо исключительное значение, якобы не имевшее себе аналогов в других регионах России¹. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что т. н. «поморская семья» XIX — начала XX в. со всеми своими достоинствами ничем не отличалась от традиционной русской семьи того времени. Она была разве что чуть архаичней из-за периферийности Архангельской губернии. В этой связи нам опять совсем непонятны специфические особенности «семьи Nordmana».

Ну, и заключение о настоящих исторических норманнах. Можно отметить, что два десятилетия устойчивых связей «науки Поморья» с Норвегией через Баренц регион превратили местных историков при трактовке событий начальной русской истории без всякого «Nordmana» в решительных «норманнистов». Более того, мнимую романтику викингов они почему то уже начинают распространять и на реалии Русского Севера эпохи Средневековья. Так, в частности, директор Института управления и регионологии, организовавшего «круглый стол» по проблеме «Nordmana»

¹ Буторина Т. С., Щекина С. С. Поморская семья как основа народной педагогики. Архангельск, 1999. Щекина С. С. Поморский народный идеал совершенного человека // Образование и культура Северо-Запада России: Вестник Северо-Западного отделения российской Академии образования. Выпуск 5. СПб., 2000.

проф. Юрий Лукин в своей последней монографии утверждает: «Известно по летописям не менее шести походов военных дружин новгородских повольников — «русских викингов» на юг, на запад и на северо-восток от Новгорода»². Кто такие «повольники» (термин этот вообще неизвестен по историческим источникам) и почему они «русские викинги», об этом, наверное, следует специально спросить у Ю. Лукина и его подчинённых, занятых, как известно, сейчас поиском в Архангельске «Nordmana». Или, быть может, профессор из САФУ пользовался дотоле неизвестными русской исторической науке летописями? Существенней здесь, на самом деле, другое. Во время посещения САФУ арктический стратег Норвегии экс-министр иностранных дел Торвальд Столтенберг отметил, что традиции поморско-норвежских отношений являются главной предпосылкой Баренцева сотрудничества, а сами поморы и северные норвежцы являются носителями общей идентичности, т. н. «северности». Поиски «Nordmana» на Русском Севере в САФУ являются выполнением норвежских указаний.

² Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск, 2010. С. 312, 313.

«Полуношный университет» нашёл «коренных» собственников ресурсов Русской Арктики

Мы уже сообщали о поисках, начатых в Северном (Арктическом) Федеральном университете профессурой т. н. «архангельской школы регионологии», новой «норманнской» идентичности для русских на Русском Севере. Теперь выясняется, что дело этим не ограничилось. В феврале 2012 г. начал свою «научную» деятельность т. н. «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера» САФУ (ПИКиМНС). В качестве первого исследования по теме «этнос поморы» ПИКиМНС обнародовал статью ассистента кафедры международного права и сравнительного правоведения юридического института САФУ и сотрудника «Поморского института» Максима Задорина под названием «Российские поморы и канадские метисы: этнография и право»¹.

В этой работе М. Задорин на полном серьёзе предлагает нам, русским северянам, считать себя метисами. Делает это он на основе аналогии поморов с метисами Канады. Напомним, что по существу-

¹ Задорин М. Ю. Российские поморы и канадские метисы: этнография и право // Казанская наука. 2011. № 9. С. 177–181; <http://narfu.ru/science/SEC/minorPomor/publish/>

ющей ложной концепции, продвигаемой означенным «Поморским институтом», русское население Архангелогородской губернии до 1917 года и их потомки на самом деле являются отдельным нерусским этносом «поморы». Логика архангельского молодого и амбициозного «учёного» проста: раз поморы являются, как он считает, «метисной аборигенной группой», то их надо признать «коренным и малочисленным народом» и предоставить им по аналогии с их канадскими собратьями-метисами права на природопользование. Главный тезис о том, что «поморы» являются «метисами», М. Задорин основывает на утверждении, что на сегодняшний момент в российской науке якобы «доминирует мнение», определяющее поморов в качестве «метисной субэтнической группы русского народа». При этом автор означенной статьи ссылается на три работы: 1) *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958. С. 31; 2) *Капица Л. Л.* Антропологические данные о поморах Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии // Изв. АО и РС, 1914. № 7. С. 148; 3) *Бернштам Т. А.* Народная культура Поморья. М., 2009. С. 13.

Однако мы проверили все три ссылки и обнаружили, что ни в одной из названных работ определения поморов «метисами» нет. Таким образом, ассистент кафедры международного права САФУ Задорин, ссылаясь на эти работы, элементарно лжёт. Впрочем, тезис о метисах на Русском Севере можно опровергнуть другим более простым и эффективным способом. Пусть М. Задорин посмотрит на себя в зеркало и потрудится назвать признаки метиса, на его лице запечатлённых. Пусть, наконец, он назовёт признаки метисации на лицах архангельских «поморов»: Ивана Мосеева, Анатолия Беднова, Алексея Овчинникова, Владимира Ломакина, Павла Есипова. Кстати, последний как-то публично признался, что он чувствует себя с расовой точки зрения недостаточно уютно на различных мероприятиях среди представителей коренных малочисленных народов Севера. В связи с этим напомним М. Задорину и архангельским «поморам», что метисы — это потомки от межрасовых браков. В антропологическом отношении метисы обычно занимают промежуточное положение между смешивающимися расами. Это смесь одной расы с другой. В Америке метисами называют потомков от браков европеоидов и индейцев. Именно так обстоит дело с Канадой. Поэтому определение М. Задориным славяно-карельского населения исторического Поморья

«метисным», по меньшей мере, странно. Тем более недопустимы здесь ложные ссылки на настоящие научные авторитеты в области отечественной этнографии — проф. Сергея Токарева и проф. Татьяну Бернштам.

И карелы, и русские антропологически относятся к одной европеоидной расе и внешне неразличимы. Приравнивание архангельским молодым «учёным» поморов к камчадалам также абсолютно некорректно. У части камчадалов как раз присутствуют признаки смешения двух рас — европеоидной (русские) и монголоидной (ительмены). Последнее обстоятельство отразилось на их внешнем облике.

Ну что ж, научный дебют с «метисами» «Поморского института коренных и малочисленных народов Севера» САФУ (ПИКиМНС) является очевидным и позорным провалом. Сразу же с первой публикации выяснилось, что директор ПИКиМНС Иван Мосеев, опубликовавший у себя в научном разделе на сайте САФУ означенную статью М. Задорина, — дилетант. Он не знает таких простых базовых понятий этнографии и антропологии, как «раса» и «метисы». Да и как может быть иначе? Ведь у директора работающего в рамках Федерального университета (!) в Архангельске якобы научно-образовательного центра Ивана Мосеева нет вообще никакого гуманитарного образования (!). Между тем Иван Мосеев на посту директора ПИКиМНС решил изучать ни много ни мало, а «фундаментальные и прикладные проблемы этнологии, антропологии, права, этнографии, фольклористики, религиоведения, этносоциологии, этнопсихологии, этнополитологии, археологии, гуманитарной географии, этноэкологии, этнокультурологии, социальной и культурной антропологии, этнофутуризма, этноискусствоведческой этносемиотики, этнотуризма и этногенетических исследований коренных малочисленных народов Российского Севера»². Заметим, что последнее понятие — «Российский Север» вместо «Русского Севера» — весьма многозначительно. Весьма показательно в объявленном И. Мосеевым перечне и отсутствие «истории». Ведь в отношении

² Положение о научно-образовательном центре «Поморский институт коренных и малочисленных народов севера» // <http://narfu.ru/science/SEC/minorPomor/docs>

«поморов» и «Поморья» она настолько фальсифицирована в своё время проф. Владимиром Булатовым, что предмет теперь этот неловко и затрагивать. Что касается «гуманитарной географии», то под ней, как оказалось, в САФУ подразумеваются лженаучные и мистические изыскания местного проф. Николая Теребихина, которые стыдно даже цитировать, настолько нелепы тексты этого «профессора». Но признаемся: что такое «этнофутуризм» в заявленном перечне научных исследований ПИКиМНС САФУ и зачем его нужно изучать — мы до сих пор не знаем.

Директор ПИКиМНС Иван Мосеев из-за отсутствия у него нужного образования свой дилетантизм, как кажется, и не скрывает и даже выставляет его с бравадой напоказ СМИ. В декабре 2011 г. в Вологде на одном форуме он всерьёз обсуждал проблему, куда поселить Деда Мороза: то ли в Устюг, то ли на Землю Франца Иосифа, а недавно он вообще поставил на всеобщее обозрение и посмешище название своего учреждения на придуманном им «поморском языке» — Нау́чно-обра́зовате́льной центр «Помо́рьской институ́т исконове́чных (доморо́дных) народов Полуно́ци» Полуно́шного (Сиве́рного) федера́льного универси́тета им. М. В. Ломоносова. В оригинале этот текст выглядит следующим образом — научно-образовательный центр «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера Северного (Арктического) федерального университета».

Итак, первое впечатление от означенного «шедевра» — Иван Мосеев трудился-старался, краснел, напрягался, «переводил», но, когда дошёл до слова «федеральный», — устал и бросил безнадёжное дело. Очевидно, что директор «Поморского института» в данном конкретном случае на личной практике ощутил разницу между литературным языком и диалектом. В связи с этим весьма характерно, что директор ПИКиМНС так и не смог придумать «поморское» слово для «перевода» русского «малочисленный». Позабавил следующий пассаж И. Мосеева: оказывается, на «поморском языке» «север» — это «полуночь», а «Арктика», наоборот, «Сиверь». Что тут можно сказать? Только то, что за это творящееся в Архангельске в САФУ в угоду норвежским компаниям под видом науки безобразия должны нести личную ответственность ректор этого университета проф. Елена Кудряшова и тамошний проректор по науке Константин Боголицын.

«Поморская» культурная варваризация русского общества и деградация университетской науки

«Поморская афера» в Архангельске выявила в нашей социальной и культурной жизни процесс идущей исподволь варваризации общества. Сегодня на частном примере Северного Арктического Федерального университета (САФУ) мы затронем проблему деградации академической науки и гуманитарного образования в провинции. Заметим сразу, что имитация научной деятельности всегда присутствовала здесь и раньше. Новым является то, что САФУ в случае со своим «Поморским институтом коренных и малочисленных народов Севера» (ПИКиМНС) продемонстрировал, что теперь научной имитацией в формально «научно-исследовательском институте» может успешно заниматься практически любой пришедший с улицы человек. И деятельность эта не породит каких-либо протестов или даже вопросов со стороны местного профессионального сообщества.

По своему статусу «Поморский институт» является научно-исследовательским, образовательным и даже инновационным (!) структурным подразделением научно-исследовательского управления федерального автономного образовательного учреждения

высшего профессионального образования — САФУ. Сразу же отметим то обстоятельство, что в основу деятельности института, занимающегося якобы исследованием культуры народа «поморы», изначально заложена фальсификация истории Русского Севера, выполненная в Архангельске проф. Владимиром Булатовым. Главный изначально и осознанно лживый тезис булатовщины гласит: на широком пространстве Русского Севера в XIV–XIX вв. проживал нерусский этнос «поморы», который был завоёван «москалями», а потом ими ассимилирован. Таким образом, целый институт в рамках федерального университета изначально предназначен для обслуживания лженаучной этно-сепаратистской и антигосударственной по своим конечным целям фальсификации.

И, разумеется, директор этого Поморского института Иван Мосеев по своему этническому происхождению никаким «помором» не является. Это самозванец, представитель воображаемого, по терминологии этнолога Бенедикта Андерсона, нового культурного сообщества. Более того, у директора Поморского института, официально призванного вести исследования по широкому кругу гуманитарных проблем, как-то: в области этнологии, антропологии, этнографии, фольклористики и т. д. — нет и формальных оснований для занятия столь высокого поста. У Ивана Мосеева нет вообще никакого высшего гуманитарного образования. Однако это обстоятельство никак не смущает ректора САФУ проф. Елену Кудряшову. К данному факту, как к должному, относятся и проректор по научной работе САФУ проф. Константин Боголицын, и начальник научно-исследовательского управления доц. Александр Гурьев, и директор Института социально-гуманитарных и политических наук (ИСГиПН) САФУ, под крышей которого работает Поморский институт, проф. Андрей Репневский.

Сам себя директор Поморского института, помимо того, что он теперь уже профессионально является якобы «коренным помором», презентует ещё в качестве «журналиста» и «эксперта по оффшорной добыче нефти и газа в Арктике» (!). Однако в объявленных областях И. Мосеев также не имеет какого-либо образования и профессиональной специализации. Сейчас спонсирующие архангельских «поморов» норвежцы из университета Тромсе стали продвигать Поморский институт САФУ в сфе-

ру международной правозащитной деятельности (программа «A Critical Human rights Agenda in a Changing Europe»). На этом пути директора Поморского института и его команду, разумеется, ждут зарубежные гранты. В этой связи норвежцы стали представлять миру директора Поморского института САФУ, как «Dr. Ivan Ivanovich Moseev». Можно подумать, что директор Поморского института защитил в каком-нибудь университете Запада диссертацию и получил степень «Ph. D». Но и это не так. Обман раскрывается просто. Главный архангельский «помор» в 1980-е гг. отучился в Архангельском медицинском институте. Он врач по специальности, поэтому «Dr. Moseev» в его зарубежных презентациях означает отнюдь не гуманитарную степень, а то же самое, что и «доктор Айболит».

Можно и дальше констатировать, что «учёным» Поморского института уж очень хотелось бы принадлежать к миру официальной науки. Вот, например, некоего своего «учёного», первооткрывателя «поморов» в Воронеже и на Ваге Антона Ракитина, чью дилетантскую статью по истории И. Мосеев опубликовал в Поморском институте, он представил, ни много ни мало, как архивиста Российского государственного архива древних актов (РГАДА). На поверку же выясняется, что к РГАДА Антон Ракитин никакого отношения не имеет. По образованию он экономист, закончил Московский кооперативный институт, профессионально историей никогда не занимался. На самом деле Антон Ракитин — активист НКО «Центр Льва Гумилёва» — организации, поддерживающей процесс «этногенеза» на пространствах России, а на самом деле этносепаратистскую работу в регионах.

Другого своего сотрудника из Поморского института — Александра Шаларева — И. Мосеев представляет «этнографом». На поверку «поморский путешественник» А. Шаларев, как выясняется, закончил в Северодвинске заочно филиал Московского государственного индустриального университета по специальности «менеджмент». Нужно ли объяснять сегодня, какого рода это образование? И действительно менеджер с дипломом А. Шаларев верит в то, что волосы на его голове — это антенны, как он пишет в социальной сети. Он наложил на современную карту Беломорья созвездие Ориона и стал по «священным точкам» совершать турпоходы в мистических поисках страны Гипербореи.

И, наконец, как выясняется, самую высокую образовательную позицию в Поморском институте занимает сотрудник — вчерашний студент, а ныне ассистент Юридического института САФУ Максим Задорин. Этот выпускник провинциального вуза, юрист по образованию, дополнительно специально подготовлен норвежцами для «защиты прав коренных народов» в Российской Федерации. В норвежском университете Тромсе М. Задорин отучился 5 семестров, в том числе по программе «права коренных народов». Кроме того, он прошёл ещё и стажировку в летней Вашингтонской школе права (Сент-Луис, США) и принимал активное участие в семинаре «Американское коммерческое право». М. Задорин вошёл во вкус работы в организуемых норвежцами конференциях, на которых он отстаивает западную концепцию «коренных народов». В апреле 2010 г. он активно участвовал в организованной на деньги Баренцева-секретариата конференции «Правовые системы Баренц-региона». Темой его доклада были всё те же «Права коренных народов РФ и их развитие». А в январе 2011 г. М. Задорин побывал на международной конференции «Arctic Frontiers» в городе Тромсе в Норвегии. В сентябре 2012 года М. Задорин объехал с курсом лекций Финляндию, в ноябре прошёл стажировку в соросовском университете в Будапеште. Действующий в Архангельске в Поморском институте в интересах Норвегии юрист М. Задорин является типичным представителем воображаемого городского сообщества «поморы». Впрочем, этническая идентичность Задорина неуловима. Часто он подаёт себя в качестве «русского», хотя себя он представляет в интернете в качестве «мезенского помора», хотя род Задориных происходит из дальнего мезенского захолустья — Лешуконья, жители которого поморами себя никогда не считали. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с прекрасным историческим исследованием этого края, подготовленным А. Новиковым¹.

После того, как мы дали общую образовательную характеристику «учёным» Поморского института САФУ, рассмотрим первые плоды их «научной» деятельности. Методологию работы Поморского института определил сам директор этого заведения, медицинский доктор Иван Мосеев. Она проста: 1) кабинетная

¹ Новиков А. В. Деревни Лешуконья: исторические очерки. Архангельск, 2007.

наука основана на ложных стереотипах и поэтому лишена практического смысла; 2) только сами «поморы» вправе решать, что такое поморская культура.

Итак, «наука» в представлении И. Мосеева обязательно должна иметь «практический смысл», под которым у него на самом деле подразумеваются ресурсы Русской Арктики, обречённые стать предметом жёсткой внешней экспансии, в первую очередь, Норвегии и США. И критерием истинности «научного» знания о «поморской проблеме» становятся сами «поморы», поддерживаемые норвежскими и иными грантами. Поэтому «учёные» Поморского института сознательно отвергают базовый принцип настоящей науки — критику. В своих изданиях они будут публиковать любой вздор: о поморах-метисах, о поморах в степях под Воронежем, о поморах на Байкале, но только не издавать каких-либо работ, которые бы противоречили хоть малость «поморской доктрине» проф. Владимира Булатова. Помимо этого, псевдоучёные из Поморского института САФУ совершенно не знают техники гуманитарного научного труда. Они не понимают, что такое «источник» информации для научного анализа и что такое «интерпретация» материала. Курьёзом здесь является то, что в качестве «источника» они воспринимают даже материалы, размещённые в интернетовской Википедии. Вот она очевидная варваризация! Гуманитарная методология директора Поморского института И. Мосеева проста — «гениальным» озарением выдать «научную идею» под поморский «социокультурный код». Например, сейчас он заявляет: «никаких доказательств гипотезы о массовых переселениях новгородцев с юга на Север, в район Беломорья, нет». Почему это гипотеза? Так уж и никаких доказательств? А сто пятьдесят актов новгородской эпохи, которые медицинский доктор И. Мосеев до сих пор не удосужился прочесть? Ведь на основе именно этих документов учёные определённо судят о новгородской колонизации Двины и выстраивают генеалогические схемы происхождения от новгородцев конкретных фамилий лиц, проживающих сейчас в Архангельске и области. А как быть со сведениями фольклора? Что он говорит о судьбе чуди? А чего стоит абсурдная идея И. Мосеева о том, что православные монахи обучили местную чужь русскому языку, былинам, сказкам и песням? В общем, с «исторической концепцией» И. Мосеева всё ясно. Он

высасывает её из пальца, при этом абсолютно не зная материала исследования, нигилистически подходу к достижениям науки.

Другой сотрудник Поморского института, А. Шаларев, по утверждению директора Поморского института, якобы совершает в Беломорье этнографические экспедиции. Однако каких-либо научных публикаций по итогам этих мероприятий А. Шаларев не даёт. Очевидно, чтобы получить профессиональный статус А. Шалареву необходимо превзойти работу, проделанную в одиночку в 1995–2001 гг. сотрудником Сибирского отделения РАН Юрием Михайловичем Плюсниным². Сделать этого «поморский этнограф» явно не может. Для этого у него нет ни образования, ни нужных знаний. В этом легко убедиться, ознакомившись с выставленным в сети дилетантским трактатом А. Шаларева «Поморский Край. Начало XXI века. От феодализма к народовластию». На деле «этнографические экспедиции» А. Шаларева являются не чем иным, как турпоходами с кострами и песнями под гитару. Не нужно упускать из виду и то, что сейчас городские «поморы» в Архангельске чрезвычайно заинтересованы в поиске базы под свой этнический проект в деревнях на побережье Белого моря. Этим конкретно и занимается А. Шаларев, устраивая в этих поселениях «опросы» на предмет этнической идентичности их жителей. Поэтому участие государственных органов в Архангельске в финансировании экспедиций А. Шаларева — человека, не имеющего никакого отношения к науке, — совершенно нецелесообразно и даже вредно, поскольку речь идёт в действительности об оказании поддержки этносепаратистам.

И в заключение отметим «научное творчество» в Поморском институте юриста Максима Задорина. Поскольку сейчас объекта для планируемой им и его норвежскими покровителями правозащитной деятельности не существует, М. Задорин стал активно участвовать в создании этого объекта. В своём творчестве в «Поморском институте» этот юрист «отметился» уже в области антропологии, сделав «выдающееся открытие», что поморы являются метисами, и в истории, написав сочинение по теме «Поморский феномен в историографии». Медицинский доктор Иван

² Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск, 2003.

Мосеев презентует эту работу как «интересные выдержки из трудов исследователей, посвящённые поморской этнокультурной среде». Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что как раз выдержек и нет. Метод фальсификации, применяемый М. Задориным, следующий. Он предлагает сформулированный им самим тезис. Пишет он этот тезис в кавычках, как принадлежащий не ему. Потом для подтверждения этого тезиса даёт ссылку на авторитетную в российской историографии работу без какого-либо цитирования. Если мы проверим указанный текст по ссылке, то, разумеется, не найдём в нём соответствия тезису М. Задорина.

Рассмотрим один характерный пример из этой «поморской феноменологии». М. Задорин пишет: «Локальные конфликты между поморами и новгородцами. «Двиняне» («Заволочье») уже в 1169 году отказались платить дань Новгороду. В 1187 году новгородские данники были избиты». Далее М. Задорин ссылается на работу этнографа Татьяны Бернштам. При проверке выясняется, что в работе этой ничего нет о «локальных конфликтах поморов с новгородцами». Берём первоисточник самой информации из Новгородской 1-й летописи Старшего извода. Читаем: «Въ лето 6677. Иде Даньслав Лазутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною; и присла Андреи пълкъ свои на нь, и бишася с ними, и беше новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородьць 15 муж; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяша всю дань, а на суждальскихъ смърдехъ другую, и придоша сторови вси»... «Въ лето 6695... Въ то же время избьени быша печерьскеи и югърьскии въ Печере, а другии за Волокомъ, и паде головъ о сте къметьства»³. В первом случае под 6677 (1169 г.) речь идёт о военном столкновении новгородцев с суздальцами, а во втором — что новгородских данщиков избili на Печере и за Волоком. Кто? Неизвестно. И таким образом, при проверке всех пунктов, ни «поморского феномена», ни «историографии» (а он и не знает, что это такое) у М. Задорина как раз не обнаруживается. Историческая методология вчерашнего студента провинциального захудалого университета и нынешнего в нём преподавателя проста — это откровенная ложь по самой примитивной схеме. Для придания

³ Новгородская первая летопись. Под ред. А. Н. Насонова. М., Л., 1950. С. 33, 38.

научности своим сочинениям М. Задорин приписывает авторитетным учёным положения, которые они в своих работах никогда не использовали. Помимо истории и антропологии, этот фальсификатор сейчас целит оплодотворить своей ложью ещё и филологию.

Мы разобрали примеры имитации научной деятельности в Поморском институте САФУ. В связи с этим отметим, что очевидным признаком варваризации является то, что работающие бок о бок с «поморскими учёными» профессиональные преподаватели ИСГиПН никак не выражают своего мнения об их творчестве. Более того, Поморский институт в аспекте краеведения становится единственным видимым «научным» представителем этого заведения. И ещё одна подмеченная нами особенность. Крайности, как обычно водится, начинают сходиться. Псевдонаучному творчеству дилетантов из Поморского института оказываются близки мистические и лженаучные тексты «поморского метафизика» профессора ИСГиПН Николая Терехина. Детальным разбором их должны заниматься не мы, а телевизионные сатирики, которых много развелось в нашу эпоху всеобщей варваризации.

«Кухонные» национально-культурные автономии Архангельска

17 октября 2012 года мы опубликовали на REGNUM очередную статью по «поморскому вопросу». В ней мы, в частности, упомянули НКО «Международное движение по защите прав народов». И поскольку столкнулись мы с Виталием Трофимовым конкретно на «поморском вопросе», то охотно напомним всем один характерный эпизод из деятельности этого «правозащитника» на Русском Севере в Архангельске. Ровно год назад в Архангельске прошёл IV межрегиональный съезд поморов. Означенное мероприятие посетил и на нём присутствовал координатор «Международного движения по защите прав народов» и редактор информационного ресурса «Права народов» Виталий Трофимов. В опубликованной 22 сентября 2011 года статье под названием «Этнологи и этноконфликтологи Центра Л. Гумилёва посетили съезд поморов» Трофимов следующим образом подытожил это мероприятие: «Я не сторонник ни генетических исследований, ни исторических. Для меня народ представляет собой интерес как политическая данность. Если есть группа с устойчивой идентичностью, и это не ролевая игра в свет-

лое время суток, то народ существует»¹. 24 сентября 2011 года означенная статья Трофимова, но под другим названием — «Поморы решили основательно побороться за свои права» — была опубликована на сайте «Поморский центр публичной политики» в Архангельске². Чуть позднее статья Трофимова «Поморы решили основательно побороться за свои права» была опубликована в седьмом номере журнала «Арктика и Север» за 2012 год (редактор проф. Юрий Лукин, САФУ)³.

Однако в аналогичной публикации от 19 сентября 2011 года на личном сайте Виталия Трофимова в статье под названием «IV съезд поморов в Архангельске» отмеченный нами абзац текста завершён иными словами: «Под конец замечу, что я не сторонник ни генетических исследований, ни исторических. Для меня народ представляет собой интерес как политическая данность. Если есть группа с устойчивой идентичностью, и это не ролевая игра в светлое время суток, то народ существует. Сплошной конструктивизм. Есть общность, стремящаяся к политизации. Можно работать... До кавказских самоопределенцев далеко, но есть чему поучиться и, что главное, поучить тоже есть чему. Будем делать новый этнос»⁴.

Итак, во-первых, редактор информационного ресурса Виталий Трофимов признаёт, что в случае с Архангельском под видом «поморов» создаётся «новый этнос». При этом, по словам Трофимова, речь идёт об использовании именно методологии конструктивистской этнологии. Во-вторых, процесс этот интересен Трофимову из-за возможности политизации («Есть общность, стремящаяся к политизации. Можно работать»). В-третьих, в этой политизации есть цель — «кавказские самоопределенцы».

¹ Трофимов В. Этнологи и этноконфликтологи Центра Л. Гумилёва посетили съезд поморов // <http://www.gumilev-center.ru/ehtnologi-i-ehtnokonfliktologi-centra-l-gumileva-posetili-sezd-pomorov/>

² Трофимов В. Поморы решили основательно побороться за свои права // <http://www.pomorcpp.org/insight/?id=3608>

³ Трофимов В. Поморы решили основательно побороться за свои права // Арктика и Север. 2012. №7. С. 67–69. http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?section_id=1725

⁴ Трофимов В. IV съезд поморов в Архангельске // <http://ttrofimov.ru/2011/09/iv-sezd-pomorov-v-arxangelske>

Надеюсь, всем понятно, о ком идёт речь в данном случае. Именно на «кавказских самоопределенцев», считает Трофимов, надо равняться, хотя конкретно в Архангельске до них ещё «далеко». И наконец, в-четвёртых, в процессе поморского этностроительства и политизации поморской этничности Трофимов намерен учиться сам и учить, тем более что «поучить тоже есть чему». Кого же он собирает учить? Очевидно, что речь идёт об активе «этнических поморов». И действительно, работающий в связке с Трофимовым в Архангельске местный координатор «Движения по защите прав народов», активист Национально-культурной автономии поморов и сам, как он себя определяет, «этнический помор» Анатолий Беднов в самый разгар белоленточного движения в России открыто заявил, что настала пора «деколонизации» регионов России⁵. Под последней он понимает лишение нынешнего федерального центра нынешних властных полномочий и превращение России в конгломерат регионов, в некоторых случаях соединённых с зарубежными трансграничными связями в единое целое. Беднов ссылается, как на образец, на деятельность сепаратистских движений в Европе: в Каталонии (Испания), Шотландии (Великобритания), Падания (Италия) и т. д.

Итак, для нас очевидно, что указанный текст с личной страницы Виталия Трофимова с его «ценными признаниями», судя по датам публикации, первичен по отношению к опубликованным текстам в Архангельске. Редакция первичного текста, предпринятая Виталием Трофимовым, для публикации статьи в Архангельске свидетельствует о том, что он попытался скрыть от общественности этого города свои истинные мотивы тесного сотрудничества с активистами «поморского возрождения». Означенный пример из Архангельска и многие другие случаи неопровержимо доказывают, что Виталий Трофимов и координируемое им т. н. «Международное движение по защите прав народов» оказывают прямое содействие, помогают и защищают работающих в России этнических антрепренёров, которые посредством культурной деятельности трансформируют русское этническое сознание и замещают его другим, зачастую враждеб-

⁵ Беднов А. Поморье в евразийском мире // <http://www.echosevera.ru/politics/2012/03/31/606.html>

ным. Сознательный раскол прежнего русского этнического ядра и следует квалифицировать как этносепаратистскую деятельность. О работе по этому направлению «этноконфликтолога» Трофимова и НКО «Международное движение по защите прав народов» можно писать и дальше.

Этносепаратистская деятельность нуждается в прикрытии и в защите не только в столице, в лице Виталия Трофимова и «Центра Гумилёва», но и на низовом уровне. Именно для этого сеть псевдоэтнических общественных НКО была создана в «поморизуемом» Архангельске.

12 сентября 2012 года директор НОЦ «Поморский институт», «этнический помор» Мосеев создал в стенах своего учреждения в САФУ т. н. «Общественный совет по делам малочисленных коренных народов Севера». Формально общественная организация была оформлена на собрании научно-образовательного центра «Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера» (НОЦ ПИКиМНС) государственного учреждения — Северного Арктического федерального университета. На означенном собрании присутствовали девять человек⁶. Из них формально сотрудниками НОЦ являются только пять человек, включая самого Мосеева. Сам Мосеев председательствовал на этом странном заседании. Интересно было бы ознакомиться с протоколом собрания и понять, почему в нём участвовали ещё и лица, не являющиеся сотрудниками этого НОЦ, и на каком основании собрание, формально являющееся заседанием сотрудников образовательного федерального учреждения, вдруг взяло и избрало «Общественный совет по делам КМНС». И этот созданный при подобных обстоятельствах орган стал выступать в публичном пространстве России от имени коренных малочисленных народов Севера!

Как бы там ни было, но эта именуемая собранием НОЦ «Поморский институт» странная «ассамблея» из девяти человек избрала «Общественный совет по делам малочисленных коренных народов Севера». Сам создатель этого органа — Мосеев в его состав, разумеется, не вошёл. Т. е. несколько человек, что показательно, были избраны в состав «Общественного совета» заочно.

⁶ На базе САФУ создан общественный совет по делам малочисленных коренных народов Севера // <http://narfu.ru/university/news/41985/>

А число избранных участников «Общественного совета» превысило число присутствовавших на собрании по созданию этого органа, что также весьма показательно для всей авантюры.

Теперь перечислим состав этого созданного Мосеевым т. н. «Общественного совета по делам малочисленных коренных народов Севера»: председатель национально-культурной автономии саамов Архангельска Анатолий Рукша, председатель национально-культурной автономии ненцев Архангельска Вячеслав Попов, председатель землячества НАО «Тосавэй» Иван Ивкин, старший научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея Андрей Ружников, директор консалтинговой компании «Red Star Consulting» Василий Ларионов, сотрудники Центра независимых социологических исследований (СПб) Антонина Кулясова и Алексей Овчинников, руководитель общественной организации «Поморская экспедиция» Александр Шаларев, представитель Управления по делам коренных малочисленных народов Севера и традиционным видам деятельности НАО Александр Мизгирев, директор Информационного центра Норвежского Баренц секретариата Андрей Шалев.

Кулясова и Овчинников — это работающие возле иностранных грантов общественники-экологи. Ружников — автор политизированных любительских трактатов в духе поморских фальсификаций проф. Булатова. Шаларев — «поморский путешественник», который под маркой этнографических экспедиций совершает туристические походы по Беломорью. Мизгирев — чиновник из Ненецкого национального округа. Что в этом совете делает и зачем в нём состоит Ларионов, знает Мосеев. Возникает вопрос. А какое отношение к КМНС конкретно имеют: Ружников, Ларионов, Шаларев и примкнувший к ним почётный норвежский консул Шалев? Какой-либо деятельностью или учёными трудами на этой ниве эти люди себя ещё не отметили.

Далее мы видим, что собственно малочисленные коренные народы Севера в «Общественном совете» представляют из десяти только три человека: Рукша, Попов и Ивкин. По-видимому, в понимании авантюрного характера всего предприятия руководство над провозглашённым «Общественным советом по делам малочисленных коренных народов Севера» Архангельской области было поручено самому молодому его участнику — Вячеславу

Попову, являющемуся по совместительству сейчас студентом-медиком Архангельского медицинского университета (СГМУ). Вот этот самый студент Попов и начал подписывать всякого рода заявления от имени «Секретариата коренных малочисленных народов Севера по Архангельской области». Кто входит в этот «секретариат», помимо Попова, и когда он был создан описанным выше «Общественным советом по делам малочисленных коренных народов Севера» остаётся загадкой.

Вячеслав Попов является председателем национально-культурной автономии ненцев Архангельска. Но при всем внушительном названии этой организации, в ней, по словам самого Попова, состоит «около десяти человек». Сам себя Попов числит «коренным ненцем», но, по нашим сведениям, ненецким языком он не владеет и, что интересно, своим внешним обликом на «коренного ненца» Попов совсем не похож. По всей видимости, он рождён в смешанном браке или представляет второе поколение после него.

Обратим внимание теперь на национально-культурную автономию саамов Архангельска с Анатолием Рукшей во главе. Сразу же выясняются интересные обстоятельства. Национально-культурная автономия саамов Архангельска Рукши была внесена в Единый государственный регистр юридических лиц 13 сентября 2011 года (ОГРН 1112900 000927), а национально-культурная автономия ненцев Архангельска Попова — несколькими днями ранее — 6 сентября 2011 года (ОГРН 1112900000950). При этом и национально-культурная автономия саамов Рукши, и национально-культурная автономия ненцев Попова зарегистрированы по улице Гайдара на домашний адрес директора НОЦ «Поморский институт» САФУ Ивана Мосеева. Становится ясно, что означенные «этнические организации» в Архангельске были созданы в одно время одновременно Мосеевым для нужд формируемого им института. Созданный на базе этих организаций, по замыслу Мосеева, «Общественный совет по делам малочисленных коренных народов Севера» опять же должен состоять при НОЦ «Поморский институт» САФУ. В этом качестве «Общественный совет» на самом деле выступает в публичном пространстве прикрытием и охранителем этнического мошенничества Мосеева. За всеми этими домашними с кухни Мосеева национально-культурными автономиями саамов и ненцев, соз-

данным ими и ещё непонятно кем «Общественным советом» просматривается очередная афера «помора» Мосеева.

Если глава национально-культурной автономии ненцев — Попов является ещё только вступающим во взрослую жизнь студентом, то глава национально-культурной автономии саамов Архангельска Анатолий Рукша — муж, умудрённый жизненным опытом. Это типичный общественник и правозащитник, рождённый эпохой современной Смуты в России. В настоящее время Анатолий Владимирович Рукша является руководителем Архангельской региональной общественной организации «Информационный центр «Защита прав граждан» и главным редактором выходящей в Архангельске общественно-информационной газеты «Защита прав граждан» (ЗПГ). На страницах этого издания он довольно часто публиковал всякого рода интервью с Мосеевым. В «ЗПГ» Рукша под псевдонимами «Тофилий Дымный» и «Даниил Самоваров» в минувший год опубликовал в духе поморских фальсификаций проф. Булатова цикл статей по истории и культуре Архангельской области. 18 мая 2012 года на конкурсе региональных СМИ «Наследие региона в зеркале прессы» в номинации «Наша Родина — Поморье» Рукша был удостоен специальной премией за этот написанный в духе поморского национализма цикл статей. Вот их названия: «Петровский или Ломоносовский?», «Разрушителю Архангельска — слава», «Кому нужна такая Свобода?», «Поморы — победители Швеции», «Архангельск — ворота в Европу и Арктику»⁷. В жюри конкурса, определившем победителей, присутствовал приятель Рукши — директор НОЦ «Поморский институт» Иван Мосеев.

17 июля 2012 года Рукша на страницах своего издания опубликовал письмо Мосеева президенту РФ Владимиру Путину, снабдив его провокационным заголовком: «Поморы послали Путину последний сигнал SOS. Услышит ли их Президент и как отреагирует государство? Не начнутся ли вместо помощи поморам репрессии в адрес непокорных?»⁸.

⁷ Осторожно: фальсификация! Статьи «коренного саама» Анатолия Рукши // <http://www.zpg29.ru/index.php?id=1538>; <http://www.zpg29.ru/index.php?id=1544>; <http://www.zpg29.ru/index.php?id=1587>; <http://www.zpg29.ru/index.php?id=1606>; <http://zpg29.ru/index.php?id=1701&jn71892493=22>.

⁸ Поморы послали Путину последний сигнал SOS // <http://zpg29.ru/index.php?id=1810>

Как мы уже писали выше, национально-культурная автономия саамов Архангельска Рукши была создана Мосеевым для поддержки его деятельности в публичном пространстве. Уже 30 октября 2011 года информационный ресурс, в том числе занимающийся помимо прочего и поддержкой этносепаратистской деятельности в России, — «Права народов» опубликовал открытое письмо «саамов» (написано на самом деле Рукшей) под названием «Саамы обеспокоены информационной травлей поморов на ИА REGNUM»⁹. В означенном документе Анатолий Рукша прямо поименовал себя «коренным саамом». Но здесь у нас возникают вопросы. Во-первых, ничего не известно о каких-либо других саамах из организации Рукши. Во-вторых, внешне Рукша на саама совсем не похож. В-третьих, как нам известно, языком саамов он не владеет. И, наконец, в-четвёртых, в частных беседах архангельский Рукша упоминает как своего близкого родственника, очень известного в Мурманске человека — генерального директора ФГУП «Атомфлот» Вячеслава Владимировича Рукшу. О последнем доподлинно известно, что он родился в 1954 году в Гродно (Белоруссия) в рабочей семье. Заметим, что собственно «Рукша» — это литовско-белорусская фамилия. Поэтому нам хотелось бы узнать, как имеющий подобное родство глава национально-культурной автономии саамов Архангельска Анатолий Рукша оказался «коренным саамом»? Хотелось бы, чтобы он предъявил по этому поводу какие-либо документы и, кроме того, продемонстрировал бы настоящих саамов, живущих в Архангельске и состоящих в его автономии. Хотелось бы подобного рода разъяснения об этническом происхождении получить и от главного представителя «Секретариата КМНС по Архангельской области» «коренного ненца» Попова. С чем связано то обстоятельство, что он так не похож внешне на ненцев? А необходимо это сделать потому, что сам глава поморов Архангельской области и директор НОЦ «Поморский институт» Иван Мосеев, по домашнему адресу которого числятся автономии саамов и ненцев Рукши и Попова, никаким помором

⁹ Саамы обеспокоены информационной травлей поморов на ИА REGNUM // <http://www.peoples-rights.info/saamy-obespokoeny-informacionnoj-travlej-pomorov-na-ia-regnum/>

по своему происхождению и рождению не является. И это является доказанным фактом.

В 1990-е годы ректор Поморского университета в Архангельске проф. Владимир Булатов в интересах определённых кругов региональной элиты сочинил историческую концепцию, по которой современная территория Русского Севера от Вологды до Урала в XV–XIX веках якобы называлась «Поморье» и была населена нерусским народом «поморы». Чисто спекулятивная теория Булатова не подтверждается ни одним историческим источником. Тем не менее создавший организацию «Поморское возрождение» Мосеев объявил, что он является потомком тех самых живших когда-то в прошлом «булатовских поморов». Поморский этнический антрепренёр стал работать по «возрождению» этого в прошлом никогда не существовавшего народа. Мосеев и его последователи стали требовать от региональных и федеральных властей признать их «коренным народом». В своих публикациях на ИА REGNUM мы разоблачили эту четвертьвековую региональную поморскую аферу и предложили, чтобы продвигаемые им положения булатовской поморской концепции директор «Поморского института» САФУ Иван Мосеев подтвердил историческими документами (источниками) с цитированием и указанием датировки означенного конкретного документа, места его архивного хранения или публикации. До сих пор Мосеев этого не сделал, чем и подтвердил своё поморское этническое самозванство.

Во всей этой истории с «кухонными автономиями» необходимо обратить внимание на роль члена «Общественного совета по делам малочисленных коренных народов Севера» Андрея Шалева. Что делает в этом органе директор Информационного офиса Норвежского Баренц секретариата Шалев и кого он конкретно представляет?¹⁰ Очевидно, Норвегию, поскольку по совместительству Шалев выполняет ещё и обязанности почётного консула Норвежского королевства. Бывший начальник идеологического отдела обкома ВЛКСМ в Архангельске и космополит по своим внутренним убеждениям, почётный норвежский консул Шалев

¹⁰ 20 ноября 2012 года организация, которую в Архангельске возглавляет Шалев, по новому закону Российской Федерации получит статус «иностранный агент».

своим прямым участием в «поморских этнических делах» уже достаточно скомпрометировал своих хозяев — норвежцев и, что важно, лично бывшего министра иностранных дел Норвегии, арктического стратега этой страны — Турвальда Столтенберга, а через него и его сына, нынешнего премьер-министра Норвегии Йенса Столтенберга. Всем теперь стало очевидно, что самые «длинные уши» во всей поморской афере в Архангельске, разумеется, — у Турвальда¹¹. Но, как выясняется теперь, норвежцы никак не хотят успокоиться и признать своей текущий провал в деле «поморизации» этнического сознания русского населения «Баренцева региона». Как оказалось, через создание структур типа «Общественный совет КМНС» и действия людей, тесно связанных с Норвегией, норвежцы хотели бы теперь положить предел свободе наших СМИ, затруднить нам само обсуждение в них наших проблем нашей российской национальной безопасности, в том числе, в такой деликатной сфере, как этнические отношения.

¹¹ «Помор» Владимир Ломакин, торжественно водрузивший колпак «арктического племени мореходов» на чело Столтенберга, так расценил это «историческое событие»: «Оплеуха, которую я дал Турвальду Столтенбергу, — это проявление нашего поморского глубочайшего уважения к выдающемуся политику мирового значения, которого мы очень ценим за его честность, мудрость и доброе отношение к поморам... По своему символическому значению шапка-оплеуха у поморов значит не меньше, чем папаха у кавказцев... Оплеуха — это признак лидера... Длинные уши у шапки использовались вместо шарфа, ими обматывали шею во время морозов. Считается, что чем длиннее уши у шапки-оплеухи, тем большим уважением в обществе обладает помор». — Поморы дали оплеуху Столтенбергу! // <http://www.echosevera.ru/culture/2010/08/11/750.html>

На Русском Севере — факельные шествия этносепаратистов

О варваризации культуры русского общества в Архангельске ярко свидетельствует как «культурный продукт», который производят псевдопоморы, так и то, как эта «культура» принимается местным обществом и городскими властями. Наиболее ярким культурным символом «возрождения» поморства в Архангельске сейчас стало празднование так называемого «Поморского новолетия», или «Поморского Нового года». Этот мнимый праздник мнимого народа «поморы» уже который год подряд празднуют в Архангельске около 14 сентября. Вот программа мероприятия, прошедшего в 2011 г.: новолетие в этот день открыла костюмированная процессия, которая продемонстрировала «традиционные поморские» наряды и обряды. В рамках праздничной программы прошли показательные выступления кадетского объединения «Русичь» (так! через «ъ», попробуйте произнести шипящий звук «ч» твёрдо). «Бузовская артель» (от слова бузить?) города Северодвинска продемонстрировала зрителям ножевой, палочный и рукопашный бой Древней Руси. «Поморский народный панк» из села Шеговары Эдуард Скрябин играл на гитаре. Все проводжали какого-то мальчика — якобы «зуйка» — якобы на промысел.

«Поморские жонки», подобрав сарафаны, блуждали в «протопоморском» лабиринте на берегу Двины. «Поморский волхв» в шутковском наряде ходил из лабиринта по набережной с камланием и битъём в бубен шамана и дудением в дуду. А ещё были похороны мух и факельное шествие с «поморскими жожами» во главе вечером по набережной. В честь «поморского Новолетия» зажгли костёр на качающемся на речных волнах плотике. И такого зрелища, как уверен «поморский возрожденец» Иван Мосеев, нет нигде в мире!

Как выясняется, введение в общественный оборот «традиционного поморского этнического праздника» в Архангельске явилось результатом обычной провинциальной прохиндиады. Придумал праздник «Поморского Нового года» в Архангельске местный общественник и графоман Александр Тутов. Наделивший себя множеством общественных полномочий, врач по специальности Тутов по совместительству является ещё и «атаманом северо-двинского казачества». Довожу до сведения читателей, как бы это ни казалось удивительным, но сейчас в Архангельске существуют целых два «казачьих войска». Условно говоря, есть «казаки левого берега» с «атаманом» Владимиром Букиным во главе и «казаки правого берега» с «атаманом» Тутовым. Те казаки, что с «левого берега», числят себя в «реестре» и на «казачьих правого берега» смотрят свысока. Они считают их ненастоящими и «ряжеными». «Казаки правого берега», наоборот определяют себя «настоящими», поскольку де они «вольные». Как бы там ни было, но именно «атаман» этих правобережных «казачьих общественников» Тутов и является автором идеи празднования в Архангельске «Поморского Нового года». Этот «псевдоэтнический праздник» он придумал в 2001 году. Факт этот он мало того что признаёт, но «детищем» своим ещё и гордится.

Личность общественника Тутова является яркой иллюстрацией того факта, что гражданское общество ещё не состоялось в Архангельске. Посудите сами, писатель-фантаст, «атаман» и по совместительству врач-терапевт Тутов является ещё и руководителем регионального отделения национально-патриотического православного движения «Народный Собор». Правда, одновременно он ещё и состоит активным членом организации «Поморское возрождение». В 2012 году этот «поморо-казак» из ресторана «Трескоед» Тутов на патриотических митингах в Москве у Курги-

няна выступал и одновременно работал в Архангельске в местной этносепаратистской организации, где тесно сотрудничал с поморскими самозванцами Иваном Мосеевым и Анатолием Бедновым. Вероятно, в честь такой противоестественной дихотомии у местного общественника и следует отмечать жителям Архангельска под видом «Поморского Нового года» этот самый «Тутов день». Псевдоэтнический праздник, таким образом, является, говоря языком Смутного времени XVII века, ещё одной «воровской затейкой» кружка местной малокультурной провинциальной интеллигенции, решившей в запале самозванчества и в обстановке вседозволенности поиграть в «коренной народ поморы».

«Коренной» — это, по Ивану Мосееву, угнетаемый, ассимилируемый и подвергаемый геноциду. Когда в роскошных дворцах надушённые и при галстуках господина начинают говорить о заботах «коренных народов», нам всегда кажется, что это не совсем искренне. Такое ощущение, будто единственная мысль разговора — заполучить к концу вечера интересных, в этнографических костюмах развлекателей. В то же время, если какой-то народ, ещё не реализовавший себя государством, возвестит о своей укоренённости как единственно достойном значении свойстве, он сообщит современному миру, что другие должны нести за него ответственность, вероятно за совершённую в истории несправедливость, ибо почти всегда к такому самовозвещению прикрепляется и ярлык с ценой. В случае с Архангельском дело обстоит именно так, за тем исключением, что современный городской «коренной народ» «поморы» является плодом лживых измышлений местной региональной элиты. В XII–XIX веках поморы вокруг Архангельска и в Архангельске не жили. Это бесспорный исторический факт. С другой стороны, и перелицовка старинных рыбаков на Мурмане в древний этнос в научном плане несостоятельна. Об этической стороне вопроса мы умалчиваем.

Как бы там ни было, в 2001 г. два друга-общественника А. Тутов и И. Мосеев убедили городскую администрацию в Архангельске устроить «поморский праздник». Тутов связывал эту затею с родившимся недавно из книг регионом «Поморье», а Мосеев — с мнимым «коренным народом поморы», это «Поморье» якобы населяющим. Так и пошёл с той поры этот «поморский национальный праздник». Лет через пять А. Тутову он надоел, и орга-

низацию праздника перехватило молодое поколение «коренных поморов». Во главе дела стал глава «общины поморов», очередной поморский самозванец в Архангельске — Павел Есипов. По своему мировоззрению П. Есипов — убеждённый язычник. Это его свойство наложило отпечаток на всё дальнейшее празднование «Поморского новолетия». Стараниями П. Есипова его «общинниками» на берегу Двины был выложен лабиринт в подражание валунным Соловецким лабиринтам то ли I, то ли II тысячелетия до Рождества Христова и устроено капище с деревянными идолами. Ещё одно языческое капище с «поморскими» идолами было поставлено где-то в лесу под Архангельском. «Община поморов» даже обзавелась волхвом, роль которого на себя взял местный художник Вячеслав Ларионов, ставший играть в шамана. В данном случае «поморы» стали строить современную городскую субкультуру, сродни каким-нибудь «готам» и «эмо».

Собственно, какое отношение к настоящим историческим поморам, жившим в прошлом и живущим сейчас на Поморском берегу Белого моря, имеют все эти камлания и гуляния на берегу Северной Двины под видом празднования «Поморского новолетия» в Архангельске? Мифология «Поморского Нового года», как и вся булатовская поморщина в Архангельске, густо опутана ложью. Вот что, в частности, утверждает один из организаторов празднования в этом году «Поморского Нового года», руководитель клуба народной культуры «Сутревушка» Тамара Левачева: «Традиция празднования Новолетия, характерная для всех славян, но более всего она сохранилась в Поморье. Конечно, со своими особенностями. Сентябрь был самым праздничным месяцем для поморов, это было время возвращения с моря рыбаков-промышленников и начало осенней поморской торговли. Когда царь-реформатор Пётр I перенёс наступление нового года с 14 сентября на 1 января, поморы, не признавшие царских реформ, отказались вести летоисчисление по новому календарю. Даже советская власть не смогла разрушить эту традицию празднования поморского нового года».

На самом деле заимствованный из Византии сентябрьский календарный стиль установлен в России в 1492 году. В каких славянских странах существовала традиция празднования сентябрьского новолетия? Ни в каких! Почему? С какой стати славяне должны праздновать византийский календарный стиль и визан-

тийскую эру от сотворения мира, то, чего у них в большинстве случаев не было? Не празднуется сентябрьское новолетие даже там, где оно было в Средневековье: ни в Сербии, ни в Болгарии, ни на Украине — нигде в Славянском мире. Точно так же не праздновалось никогда до «атамана» Тутова это сентябрьское новолетие и на Русском Севере в поморских поселениях. Поэтому Левачовой не надо клеветать на советскую власть, которая якобы разрушала то, чего в действительности, никогда не существовало. Ну, и потом руководитель клуба «народной культуры» Левачова демонстрирует полное невежество, когда утверждает, что царь Пётр перенёс наступление нового года с 14 сентября на 1 января. Оказывается, ей невдомёк разница между юлианским и григорианским календарями. Ведь новолетие до 1700 года отмечалось в России первого, а не 14 сентября.

Норвежский агент влияния в Архангельске директор Баренцева информационного центра Андрей Шалев утверждает: «Ежегодно Архангельская община поморов встречает Новый год не 1 января, как принято во всей стране, а 14 сентября, как это делали в древнее время старинные жители побережья Белого моря». Пропагандист регионального сепаратизма в Архангельске местный журналист Анатолий Беднов вторит ему: «Поморы сохранили традицию отмечать Новый Год (Новолетие) в сентябре». Но они не могут привести в доказательство ни одного документа, ни одного этнографического материала, о том, что в старину у настоящих поморов существовал обычай и традиция празднования 1 сентября Нового года. В данном случае и Шалев, и Беднов привычно лгут, когда вписывают в поморскую аферу в Архангельске ещё и псевдоэтнический праздник «поморов».

На самом деле Симеонов день (1 сентября по юлианскому календарю, 14 — по григорианскому) не имеет никакого отношения к культуре исторических настоящих поморов, живших на Поморском берегу Белого моря в XVI–XIX вв. Этот день никогда особо не отмечался подлинными поморами в прошлом. В этом нетрудно убедиться, обратившись к исследованию, посвящённому поморским праздникам, этнографа Татьяны Бернштам.¹

¹ См. главу 3: «Календарь, верования, фольклор» в кн.: *Бернштам Т. А. Народная культура Поморья*. М., 2008. С. 148–219.

Праздничный календарь настоящих поморов ничем не отличался от праздничного календаря прочих русских. Праздники эти были церковными, первейшим и важнейшим из которых была Пасха. Хотите праздновать поморские праздники — празднуйте Пасху, Рождество Христово, Вознесение — не ошибётесь. Что касается «новолетия» — то в допетровской России это был церковно-государственный праздник. Календарь в России с византийским годом и сентябрьским новолетием использовался с 1493 по 1699 г.: 1 сентября по старому Юлианскому стилю (сейчас по новому Григорианскому календарю — 14 сентября) — это день св. Симеона Столпника. В XVII в. празднование новолетия в Московском государстве открывалось вечерней службой 31 августа, после которой совершалось «молебное пение по новолетию, а иногда и Симеону Столпнику». В полночь церковный колокол на звоннице возвещал о наступлении Нового года. Кульминацией новогоднего праздника на следующий день было «действие нового лета или многолетнего здравия» (другое название — «чин препровождения лету»). Отправлялось оно на площади перед храмом между утреней и обедней при стечении народа. Особенно торжественно «действие многолетнего здравия» отмечалось в столице Российского царства — в Москве. Оно начиналось крестным ходом на площади перед Иваном Великим в Кремле. Главными действующими лицами в нём были царь и патриарх. В завершение церемонии царь и народ обменивались здравицами. После обмена благими пожеланиями между царём и народом следовала раздача царских пирогов приближённым и царской милостыни (денег) народу. После чего царь принимал челобитные. В продолжение праздника народ по церковному благовесту расходился по своим приходским церквам. Отстояв обедню, люди для поздравления с наступлением нового года навещали старших в роду. Сентябрьским новолетием начинался «круг церковный» праздников. Поэтому оно приравнивалось к великим церковным праздникам. В этот день благочестивые люди считали своим христианским долгом помочь бедным, сирым, больным и убогим. Они посещали странноприимные дома и остроги, посылали туда милостыню и всякого рода кушанья, раздавали милостыню нищим, одаривали деньгами, одеждой, пищей бедняков².

² Русские. Под ред. В. А. Александрова, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М., 1999.

Что общего между подобным празднованием подлинного «Новолетия» в старой России и тем, что нам предлагают сейчас псевдопоморы в Архангельске? Ровным счётом ничего. Современное празднование «Поморского новолетия» в этом городе на самом деле связано не с традицией, с прошлым, а с современным кризисом культуры постмодерна, с его стремлением уйти от действительности в виртуальные миры. На самом деле, откуда «поморские язычники» могут знать, как выглядели чудские идолы на Двине? Только из произведений современной массовой культуры, из какого-нибудь мультфильма о князе Владимире. Откуда А. Тутов может знать о технике фехтования и «бое палками» в Древней Руси? Из романов Толкиена, цветных исторических блокбастеров и клубов азиатских боевых искусств. Поэтому то, что предлагают нам организаторы «поморского новолетия» в Архангельске вместо традиции и классической культуры, является современным массовым шоу. И шоу это представляется особо неприглядным, поскольку помножено оно на местную материальную и духовную бедность, представленную на фоне декораций элементарного упадка материальной городской культуры.

В 2012 году организатором празднования «Поморского новолетия» выступила региональная общественная организация «Национально-культурная автономия поморов Архангельской области». Председателем этой «поморской автономии» является местный делец Анатолий Кожин. Проблемой стало то, что Кожин до сих пор не решил для себя и окружающих определённо вопрос, является ли он «этническим помором», поскольку его в своё время назначили на «поморство» в администрации губернатора Михальчука, чтобы блюсти чиновничеством «поморский вектор развития региона». Публично сам Кожин от своего поморства не раз уже открещивался, заявляя, что «вопрос, кого считать помором, неоднозначный». «Я считаю, это морально-нравственная категория», — добавлял он. В отличие от «неоднозначного помора» Кожина, его подручный по автономии Павел Есипов утверждает, что он является чистокровным финно-угорским «этническим помором». Взгляды Есипова на поморство вполне определённы. Он говорит: «На мой взгляд, регион должен встать на путь самоопределения, возродить и продвигать поморскую культуру, защищая права

и свободы поморов, как самобытного этноса. Правительство области солидарно с нами и оказывает организации всестороннюю помощь и поддержку. Наша организация активно способствует разработке поморского бренда. Кто, как не мы, способны определить, что является эксклюзивным культурным достоянием Поморья». Из подобного высказывания о «самоопределении» можно сделать определённый вывод о том, что Есипов — сепаратист. Что касается персонально самого Есипова, то он, на самом деле, не связан ни своей генеалогией, ни местом проживания своих предков с настоящими историческими поморами. Единственным обоснованием мнимой «поморской этничности» Есипова является справка с кратким изложением фальсифицированной истории Русского Севера, выданная ему профессорами Владимиром Булатовым и Николаем Терехихиным. Кстати, псевдоучёный из САФУ проф. Терехихин так и не смог подтвердить положения этой «филькиной грамоты» какими-либо историческими документами. Итак, деятель поморской аферы в Архангельске Есипов — обыкновенный самозванец. «Булатовский помор» — так назовём его мы. В Архангельске для таких, как Есипов, народ уже придумал другое определение — «асфальтовый помор».

Весной 2012 года десять архангелогородцев-патриотов выступили с открытым письмом в адрес губернатора Архангельской области Игоря Орлова против поморской аферы. В нем, в частности, говорилось: «От администрации Архангельской области деятели «поморского возрождения» назойливо требуют финансовой поддержки для проведения мнимых национальных праздников и других мероприятий с поморской тематикой». «Письмо десяти» в администрации прочитали, выкинули в корзину и дали в 2012 году денег для проведения очередного мероприятия этносепаратистов — их мнимого национального праздника. Ещё в конце августа начальник отдела по взаимодействию с общественными объединениями общественных связей Министерства по развитию местного самоуправления Архангельской области Александр Жаденов сообщил, что решением губернатора Орлова и правительства области из резервного фонда региона на организацию праздника «Поморского Нового года» было выделено 100 тысяч рублей. Поморский самозванец Есипов публично признал, что в этом году «поморы» получили как информаци-

онную, так и прямую финансовую поддержку от правительства области, которое позволило провести «Новолетие» с бóльшим размахом. В распоряжение поморских самозванцев под празднование мнимого поморского праздника 15 сентября 2012 года был выделен даже Архангельский городской культурный центр (АГКЦ). В его стенах перед собравшимися на празднование мнимого этнического праздника было зачитано приветственное послание губернатора. Итак, можно констатировать, что местная элита продолжает деятельность по формированию региональной поморской идентичности, которая в своих крайних формах начинает отрицать русскость. На каком основании, спросим мы, губернатор Орлов и правительство области спонсирует проведение мнимого этнического праздника псевдопоморов? Почему администрация области не присмотрелась пристальней к организаторам праздника? Ведь, по существу, кружок поморского самозванца Есипова представляет из себя неоязыческую секту. В программу праздника «Поморского Нового года» 2012 года, в частности, входят «преподнесения треб в огонь и реку», т. е. речь идёт о неоязыческих жертвоприношениях. Организаторы праздника архангельские псевдопоморы заявляют, что их целью является «возрождение поморских традиций». Но какое отношение к настоящим поморам и «поморским традициям» имеют камлания со свихнувшимся на почве западного постмодернизма «шаманом-волхвом» и языческие стенания на берегу Северной Двины? Неоязыческая секта Есипова даже завела под городом Архангельском в лесу капище, а канал НТВ на нём недавно фильм снимал о «древних традициях» Поморья. Какое отношение к нашим древностям имеет неоязыческая практика шарлатана и псевдопомора Есипова и К°? Сайты Есипова «Поморская сторона», «Официальный сайт общины поморов», гостевая книга на последнем, его страницы в социальных сетях заполнены проклятиями и насмешками в адрес подлинной нашей традиции — Русской православной церкви, патриарха и духовенства. Антихристианская риторика лидера «Национально-культурной автономии поморов» не скрывается. «Поморский волхв» и «шаман» Ларионов в социальных сетях самозабвенно защищал хулиганок Pussy Riot и клеймил «мракобесов» из РПЦ. Это что такое? Возрождение поморских традиций?

Отметим ещё, что поморский самозванец и неоязычник Есипов ни один год работал с молодёжью в Центре патриотического воспитания в Архангельске. Что такое «поморские кадетские классы» с детьми из детских домов под управлением и воспитанием неоязычника и поморского самозванца Есипова? Можно ли такое вообще допускать? И как потом можно удивляться, что именно Архангельск в ночь с 24 на 25 августа 2012 года печально «прославился» на всю Россию спиленным православным крестом, если местная администрация оказывает поддержку людям с подобным мировоззрением и практикой, как Есипов! Так и идёт по пути «толерантности» по принципу «и нашим, и вашим» архангельская областная администрация: 15 сентября 2012 года в АГКЦ поприветствовали псевдопоморскую неоязыческую секту Есипова с коммерсантом Кожиным в придачу, а на следующий день, т. е. 16 сентября, поучаствовали с митрополитом Архангельским и Холмогорским Даниилом в церемонии восстановления и освящения срубленного местными поклонниками Pussy Riot поклонного креста. Это позор!

Сейчас под видом «поморских традиций» поморские самозванцы в Архангельске предлагают нам откровенную галиматью с их «похоронами мух». Вместо сохранения и поддержания традиций, на самом деле, именно традиция, здравый смысл, наша вековая культура в «Тутов день» подвергается у нас в Архангельске надругательству и откровенной профанации в стиле известного щедринского города Глупова.

Мнимый «коренной народ» Русского Севера и дизайнеры его «национального костюма»

Дельцы поморского этнического строительства в Архангельске решили, что создаваемому ими «коренному народу помору» нужен особый внешний облик, который поставил бы их в один ряд с другими аборигенными народами Русского Севера — саамами и ненцами. Поскольку псевдопоморы в Архангельске антропологически ничем не выделяются из русского населения, то решено было предстать миру в экзотическом «поморском национальном костюме». В конечном итоге это было проделано с простотой и невежеством, достойным культурного провинциализма мнимых «поморских возрожденцев». Псевдопоморы посмотрели на стоящий перед областной администрацией в Архангельске обелиск «Покорителям Севера» (1930) и решили, что на нём и изображён этнический «коренной помор» в «национальном поморском костюме». С лёгкой руки поморских этносепаратистов памятник в обиходном обращении в Архангельске стали ещё именовать: «Помор с оленем». Так автор этого монумента — советский скульптор Иов Корнилович Алтухов, сам того не желая и не ведая, посмертно стал творцом дизайнера «поморского национального костюма».

Директор недавно созданного «Поморского института» САФУ, медицинский доктор Иван Мосеев в своём сочинении о «поморском языке», изданном на американские деньги фонда Форда, так писал о мнимом «поморском национальном костюме»: «Мало кто вспоминает сегодня, что у поморов есть собственная этническая одежда, которая делится на летнюю и зимнюю... И мало кто сегодня знает, что главной отличительной особенностью зимнего мужского костюма коренных поморов вплоть до XX века были меховые круглые шапки-шлемы с длинными до пояса ушами — «цебаки долгоухи»... И вовсе не русские армяки или тулупы носили поморы зимой, а исключительно «совики», и поморские «малицыны рубахи»... Впрочем, если показать эти одежды наших прадедов современным архангельским северянам, то они, пожалуй, решат, что всё это позаимствовано у какого-то иного северного народа. И глубоко ошибутся. Слово «совик» — исконно поморское, означающее одежду с капюшоном, напоминающую по форме птицу — сову (кстати, совики поморы почти всегда шили сами, а у оленеводов (самоедов, лопарей, зырян и ижемцев) приобретали только олени шкуры... Слова «совик» нет ни в одном языке соседних с поморами северных народов, потому что в западной Арктике поморы были единственным коренным морским народом»¹. Последний довод И. Мосеева должен сразить неискущённого читателя: если слово «совик» незнакомо соседним «северным народам», то почему тогда «поморы были единственным коренным морским народом»? Ну, а что если этот пресловутый «совик» в языке ненцев известен под другим названием? И, действительно, берём труды этнографов об одежде жителей Архангельской губернии XIX в. и выясняем, что настоящие поморы на Поморском берегу Белого моря «совиков» в качестве повседневной и промысловой одежды не знали. У исторических поморов на разных берегах Белого моря были свои специфические комплексы зимней повседневной и промысловой одежды. Так, «совики» носили жители поселений Зимнего берега и крестьяне частично на средней

¹ Мосеев И. Поморська говора. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 10–11.

Пинеге и особенно на Мезени². Дальше из литературы прошлого мы узнаём, что эти самые «совики» и малицы русские как раз и приобретали у самоедов. Так, А. Быстров в 1844 г. писал, что совики и малицы шьют из шкур молодых оленей «находящиеся у горожан в услужении самоедки»³. О том же писал и Швецов в «Памятной книжке Архангельской губернии на 1864 г.»⁴. В описании одежды крестьян на Пинеге этнограф Русского Севера Пётр Ефименко (1835–1908) утверждал: «Малицы привозятся из-за Печорского края и покупаются готовыми на ярмарках. Это тулупы, сшитые самоедками, вместо ниток оленьими хребтовыми жилами... Совик, или куш, тоже привозится сшитым с Печоры для распродажи на ярмарках. Он также шьётся самоедскими женщинами жилами. Совик служит для тепла в здешних суровых стужах и одевается сверх малицы — как бы верхняя шуба»⁵.

Таким образом, выясняется, что медицинский доктор из САФУ И. Мосеев намеренно фальсифицировал сведения об одежде населения Архангельской губернии. В качестве «этнического костюма» поморам была определена одежда самоедов. Сделано это было намеренно, чтобы внешне отделить мифических «поморов» от русской этнографической культуры и сблизить их с арктическими аборигенами. На самом деле та же зимняя одежда крестьян Архангельской губернии («поморов» в фальсифицированном определении проф. Владимира Булатова и его последователей в Архангельске) отличалась чрезвычайным разнообразием и не сводилась к малицам и совикам, приобретавшимся, как оказывается, у самоедов. Крестьяне на Русском Севере носили, как и по всей России, кафтаны и полукафтаны из домотканой шерсти или сермяжного сукна, а также их разновидности, т. н. бострюки, сукманы, полки, горбушки, бекешки, шугаи. Они одевались, вопреки утверждению И. Мосеева, в армяки, кабаты,

² Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2008. С. 72.

³ Быстров А. Город Мезень // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Февраль. Кн. 2. С. 291.

⁴ Швецов. Очерк промышленности Мезенского уезда // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 105.

⁵ Ефименко П. С. Обычай и верования крестьян Архангельской губернии. М., 2008. С. 143, 144.

шубы, полушубки и тулупы, главным образом на овечьем меху, белые и нагольные шубы, дублёнки. Зажиточное население имело зимнюю одежду из дорогих мехов — нерпичьего, медвежьего, беличьего, иногда собольего, бобрового и т. п. На Терском берегу Белого моря поморы носили заимствованный от лопарей пенек (малица без капюшона) и юпу (с капюшоном). Женщины зимой надевали фуфайки, душегрейки, шубки, телогрейки, белые и нагольные шубы. К зимней праздничной одежде у мужчин относились: синяя шуба, тулуп, малица; у женщин: шуба, полушубок, шубейка, куцавейка.

В попытке создания «поморского национального костюма», помимо прочего, прослеживается наивное следование установленным в советские времена стандартам народных фольклорных художественных коллективов, отражавшим на местах и в центре официальную культуру народов СССР. Именно эти спонсируемые властью всяческого рода ансамбли песни и пляски установили для каждого народа некий единый и внешне легко узнаваемый «национальный костюм». В исторических реалиях это искусственное явление предстаёт на самом деле в сложном многообразии. Например, наблюдатели отметили, что на Русском Севере во второй половине XIX в. одежда старшего поколения была не такой, как у людей среднего и молодого возраста. Помимо возрастных различий, уже действовал такой фактор, как мода. В сельскую местность проникали ткани фабричного производства и изготовленная из них одежда. Так, во втор. пол. XIX в. у населения Русского Севера головные уборы имели следующее многообразие: шляпы поярковые и полуярковые, шапки, фуражки, картузы, треухи, колпаки, околыши и шапки меховые и овчинные различных форм — оленные, самоедки, пыжичьи, бухарки и т. д. А главный «помор» в Архангельске И. Мосеев пытается уверить нас, что всё это многообразие сводится исключительно к «длинноухим цебакам» — «оплеухам». И совсем смехотворным выглядит утверждение старшего научного сотрудника музея «Малые Корелы» Владимира Ломакина: «В нашей поморской говоре «оплеуха» — это традиционное название головного убора поморов — поморской длиннорухой меховой шапки. По своему символическому значению шапка-оплеуха у поморов значит не меньше, чем папаха у кавказцев или шапка Мономаха у русских царей — её дарили только

самым уважаемым людям. Оплеуху носили люди, занимавшие достаточно высокий статус в поморском обществе, — кормщики, богатые рыбопромышленники, зверобои. Оплеуха — это признак лидера, и не случайно такую же точно длинноухую шапку можно увидеть на голове «помора с оленем», чья скульптурная композиция украшает символ власти в Архангельской области, — обелиск Севера напротив здания Правительства Поморья. Длинные уши у шапки использовались вместо шарфа, ими обматывали шею во время морозов. Считается, что чем длиннее уши у шапки-оплеухи, тем большим уважением в обществе обладает помор». В этой связи показательна фальсификация, проделанная И. Мосеевым с одной фотографией. В фонде Архангельского краеведческого музея хранится фото 1890-х гг. мезенских коновалов, сделанная Я. И. Лейцингером [АОКМ. 812. КФОФ]. На ней представлены четверо мужчин в картузах, а двое в шапках цебаках (оплеухах). Директор Поморского института И. Мосеев вырезал из фотографии нужный ему фрагмент и объявил, что на фото представлены «поморы» якобы в «чудских шапках»⁶. Откуда медицинский доктор из САФУ взял, что эти шапки носила ещё заволоцкая чудь, и на каком основании из мезенских коновалов он сделал поморов? Как бы там ни было, но зимняя шапка цебак своим внешним видом, по мнению нынешних псевдопоморов, настолько придаёт им экзотический туземно-аборигенный вид, что они сделали её вопреки погоде атрибутом и летнего «национального поморского костюма».

Сейчас главным пропагандистом «поморского национального костюма» в Архангельске выступает научный сотрудник музея «Малые Корелы» Владимир Ломакин. На различные общественные мероприятия он облачается в эту придуманную «поморскую этническую одежду». В неё он одевает двух своих малолетних детей. В. Ломакин является типичным представителем «воображаемого», по Бенедикту Андерсону, этнического сообщества. Родом В. Ломакин из Соломбалы, т. е. он горожанин из окраинного района Архангельска. Его фамилия не имеет никакой генеалогической связи с настоящими историческими поморами с Поморского и других берегов Белого моря. В 1990-е гг. В. Лома-

⁶ См. газету: Защита прав граждан. 2012. № 3 (32) 28 февраля.

кин закончил заочно главную «кузницу» «поморского возрождения» — исторический факультет Поморского университета в Архангельске. Обучение в этом провинциальном вузе, переименованном из пединститута в университет, было поставлено таким образом, что сейчас В. Ломакин не может назвать своего научного руководителя во время учёбы. Дипломное свидетельство об окончании университета он получил даже без выполнения необходимого для этого дипломного сочинения. Поэтому неслучайно, что нынешний «поморский историк» и «ведущий эксперт по поморской традиционной культуре» в Архангельске — В. Ломакин так и не овладел своей профессией. При рассмотрении его дилетантских сочинений по истории и культуре поморства не трудно убедиться, что автор не понимает разницы между историческими источниками и литературой⁷. Тем не менее этот поморский фальсификатор берёт на себя смелость «восстанавливать» придуманные им самим якобы «старинные поморские обряды». Подобно королю Артуру из голливудских блокбастеров, В. Ломакин «осеняет багром» при приёме неофитов в этническое поморство. Провинциальный Архангельск показался В. Ломакину тесным для демонстрации «поморских этнических одежд», и он отправился в Норвегию в Вардё щеголять там по улицам в своём шутовском наряде. Здесь летом 2011 г. он сподобился сфотографироваться в костюме аборигена с копьём вместе с норвежским экс-министром иностранных дел Турвальдом Столтенбергом. Поморские мошенники побудили норвежца надеть эту самую оплеуху. Шутовской колпак поморского самозванца — вот достойный финал общественной и политической карьеры этого деятеля Норвегии — многолетнего противника России, позарившегося на природные ресурсы Русской Арктики и принявшего прямое участие в конструировании на Русском Севере мнимого коренного народа «поморы».

Об одежде русского населения Архангельской губернии см.:

1. Гл. 3. Одежда и обувь. В кн.: Ефименко П. С. Обычаи и верования

⁷ Ломакин В. Н. Поморы: краткий обзор истории и культуры // <http://www.peoples-rights.info/2011/11/pomor-y-kratkiy-obzor-istorii-i-kultury> — осторожно: историческая фальсификация!

- крестьян Архангельской губернии. М., 2008. С. 135–176.
2. Гл. 1. § 2. Одежда. В кн.: Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2008. С. 52–73.
 3. Ефименко П. С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1872.
 4. Лютикова Н. П. Крестьянский костюм Мезенского уезда Архангельской губернии кон. XIX — нач. XX в. в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Архангельск, 2009.
 5. Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Каталог. Сост. Г. А. Григорьева. Архангельск, 2000.

Что такое «поморская культура»? Чем живём-кормимся, земляки?

Ровно год назад в Архангельске прошёл IV межрегиональный съезд поморов. С приветственным словом в адрес участников съезда выступил тогдашний губернатор Архангельской области Илья Михальчук. Глава региона отметил значимость проводимого мероприятия, важность развития общественного поморского движения в области, а также подчеркнул, что поморское историко-культурное наследие является ценностным, системообразующим ядром культурного наследия Архангельской области. «На Русском Севере всё особенное — климат, люди, отношения, культура. И наш регион по праву считается историческим центром Поморья, а наш гениальный земляк Михаил Васильевич Ломоносов уважительно именуется «великим помором». Крепко связаны между собой год 300-летия Ломоносова и год поморской культуры. И это символично. Уверен, оказание поддержки со стороны органов государственной власти позволит выработать комплекс мер по сохранению и использованию поморского культурного наследия в интересах развития нашего региона», — подчеркнул

тогда губернатор¹. Первый заместитель фракции «Единая Россия» в Государственной думе РФ Владимир Пехтин на съезде сказал: «Поморы — это основа нашей страны, и проведение IV межрегионального съезда направлено, прежде всего, на развитие поморского потенциала, духовных ценностей, укрепление связей и главное — возрождение культурно-исторического наследия»². Обратим внимание на эти понятия: поморская культура, поморское культурно-историческое наследие.

Однако посетивший IV межрегиональный съезд поморов координатор т. н. «Международного движения по защите прав народов»³ Виталий Трофимов следующим образом подытожил это мероприятие: «Я не сторонник ни генетических исследований, ни исторических. Для меня народ представляет собой интерес как политическая данность. Если есть группа с устойчивой идентичностью и это не ролевая игра в светлое время суток, то народ существует»⁴. Однако аналогичную публикацию на своём личном сайте Трофимов завершил иными словами: «Под конец замечу, что я не сторонник ни генетических исследований, ни исторических. Для меня народ представляет собой интерес как политическая данность. Если есть группа с устойчивой идентичностью, и это не ролевая игра в светлое время суток, то народ существует. Сплошной конструктивизм. Есть общность,

¹ IV межрегиональный съезд поморов. 17. 09. 2011 // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 65. См. http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?section_id=1725

² Там же. С. 66.

³ Представляющийся «этноконфликтологом», Виталий Трофимов является координатором филиала в Санкт-Петербурге «Центра Льва Гумилёва» и главным редактором информационно-правозащитного портала «Права народов» т. н. «Международного движения по защите прав народов». Означенная «организация» и «Центр Льва Гумилёва» — НКО, специализирующиеся, в том числе, на поддержке псевдоэтнических движений в России, занимающихся разрушением русской этнической идентичности. Руководители «Центра Гумилёва» прикрывались в работе по расколу русского этнического ядра именем Льва Гумилёва, являвшегося по своему мировоззрению русским имперцем.

⁴ Этнологи и этноконфликтологи Центра Л. Гумилёва посетили съезд поморов // <http://www.gumilev-center.ru/ehtnologi-i-ehtnokonfliktologi-central-gumileva-posetili-sezd-pomorov/>. Означенный текст был продублирован: // Арктика и Север. 2012. № 7. С. 69. См. http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?section_id=1725

стремящаяся к политизации. Можно работать... До кавказских самоопределенцев далеко, но есть чему поучиться и, что главное, поучить тоже есть чему. Будем делать новый этнос»⁵. Итак, столичный «правозащитник» Виталий Трофимов был весьма откровенен. В случае с «поморским возрождением» речь идёт на самом деле о создании именно «нового этноса» и, что так важно для него, о возможности политизации этого процесса.

В своих публикациях мы достаточно внимания уделили явлению «поморского возрождения». И можем констатировать, что как на самом движении, так и на связанных с ним деятелях лежит печать маргинальности. «Поморское возрождение» и «поморы» в Архангельске на самом деле есть городское этносепаратистское движение в основе своей из среды местной провинциальной интеллигенции, лишь неумело маскирующей себя под настоящих исторических поморов. Ну, кто всерьёз может воспринимать «помором» «теоретика» и пропагандиста местного регионализма и этносепаратизма журналиста Анатолия Беднова? Ведь старшее поколение культурной публики в Архангельске ещё помнит, по каким «морям» на самом деле плавал отец нынешнего «коренного помора» Беднова — известный в прошлом местный поэт Вадим Беднов. Более того, низкий культурный уровень поморских возрожденцев недавно в очередной раз продемонстрировал председатель правления «Национально-культурной автономии поморов Архангельской области» Павел Есипов, когда ответил на критику неоязыческой практики «новоявленных поморов» «Экспертного Совета по нравственности» при Архангельской епархии. Очевидно, что подобного рода «поморские возрожденцы» являются крайним проявлением некой общей тенденции развития местной культуры — т. н. «поморского вектора» развития региона.

Так что же такое «поморская культура»? В широких слоях местной интеллигенции, в среде работников сферы культуры, учительства, библиотекарей, по-прежнему живёт старое представление о поморах как о населении приморских поселений Архангельской области на Поморском, Онежском, Летнем, Зимнем, Терском берегах Белого моря, а также в низовьях Мезени и Кулоя.

⁵ <http://ttrofimov.ru/2011/09/iv-sezd-pomorov-v-arxangelske/>

Т. е. в данном случае речь идёт о локальных группах русского населения, связанных особой культурой с местом их проживания и трудовой деятельности.

Однако уже четверть века средствами региональных СМИ продвигается иное понимание «поморской культуры». В этой связи Архангельск провозглашается центром региона «историческое Поморье», якобы населённым в прошлом «поморами». В этом понимании «поморская культура» является традиционной культурой «коренного населения» Архангелогородской губернии до 1917 года. Из его числа исключаются местные инородцы — самоядь, лопари и зыряне. Далее наличествуют нюансы: кто-то сейчас определяет этих «поморов» русским субэтносом, а кто-то и самостоятельным, отличным от русских этносом. Крайняя точка зрения: поморы — это финно-угорский этнос. Но очевидно, что определение «поморов» как «старожильческого населения» Архангельской области несостоятельно с точки зрения того, что термин этот, в отличие от Сибири, всё-таки никогда не использовался в местной традиции. В подобной трактовке под «поморской культурой» следует понимать традиционную, до 1917 года, культуру русского населения Архангелогородской губернии. Так она и трактуется нынешними адептами «поморского вектора» развития региона. В подобном понимании содержание местных коллекций Архангельского краеведческого музея — это всё артефакты «поморской культуры». Точно так же северное деревянное зодчество, сохраняемое в музее «Малые Корелы», — это опять же продукт «поморской культуры». Местные диалекты — это или «поморские диалекты», или же даже отдельный славянский язык — «поморская говоря». В репертуаре местного «Государственного академического северного русского народного хора» уже сейчас появились «поморские песни». Поэтому не удивляйтесь, когда потом последуют предложения для соответствия «поморскому бренду» Архангельской области переименовать хор этот из «северного» и «русского» просто в «поморский».

Сейчас дискурс «поморской культуры» активно развивается местными СМИ, культурными и научными учреждениями области: САФУ (ИСГиПН проф. Андрея Репневского), музей деревянного зодчества «Малые Корелы» (директор Сергей Рубцов), Архангельский областной краеведческий музей (старший научный

сотрудник Андрей Ружников). Ректор САФУ Елена Кудряшова и директор «Малых Корел» Сергей Рубцов подписали 15 февраля 2011 года соглашение с норвежцами «о сотрудничестве в сохранении, изучении, популяризации и распространении исторического, культурного и духовного наследия поморов». Соглашение визировал присутствовавший при его подписании бывший министр иностранных дел Норвегии Торвальд Столтенберг. Анализ норвежских устремлений определённо свидетельствует о том, что под «поморами» норвежцы подразумевают все современное русское население Архангельской области.

Обратим внимание на то, что комплексная программа музея «Малые Корелы» нацеливает на «сохранению памятников деревянного зодчества региона и традиционной поморской культуры». Вот, например, только краткий перечень мероприятий в рамках популяризации «поморской культуры», как его определили сейчас, музея «поморского наследия» «Малые Корелы» под управлением Сергея Рубцова: «поморская масленица», региональные педагогические чтения «Поморское наследие», Поморский фестиваль детского творчества. В рамках этого фестиваля проводится церемонии награждения детей — победителей регионального конкурса «Наследие Поморья». Музей издаёт «Поморский сборник». 24 мая 2011 года музей «Малые Корелы» организовал «поморские проводы» участников экспедиции «Поморский ход». 26 февраля 2012 года в рамках «Года Поморской семьи» в музее «Малые Корелы» была проведена с участием губернатора Игоря Орлова «Поморская масленица». 19 сентября 2012 года в рамках празднования Дня краеведческих знаний сотрудники музея «Малые Корелы» предложили учащимся школ города лекции, экскурсии и интеллектуальные конкурсы по теме «Поморы — покорители Арктических просторов». «Дошкольники, школьники, студенты и педагоги имели возможность ещё раз обратиться в этот день к богатейшей истории Поморья». Идёт активная обработка подрастающего поколения в рамках «поморского вектора» развития региона. Над «научной» темой «Поморье и поморы: история и современность» в музее «Малые Корелы» работает «этнический помор», старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Владимир Ломакин. Им подготовлен и реализован проект выставки «Арктика — поморский ход». Выставка, как заявил

директор музея Рубцов, показывает «историю возникновения и становления поморской этнической общности». И т. д. и т. п. По означенному перечню можно отметить интенсивность работы всего одного культурного учреждения, кстати федерального уровня, по продвижению понятия «поморская культура» для подмены им прежнего «северорусского» понятия. Но при этом в основе «поморской культуры» подразумевается именно иная, этническая её основа.

Означенный процесс идёт в Архангельской области уже четверть века. Многие категории продвигаемой «поморской культуры» стали уже привычными для местного населения, чем-то само собой разумеющимся. Очевидно, что создание у жителей Архангельской области поморской региональной идентичности осуществляется в интересах и по указанию местной региональной элиты. Это довольно ярко проявилось, когда новым губернатором области стал Игорь Орлов, который посредством «поморства» попытался подстроиться под неё. В частности, на подведении итога «Года поморской культуры» он выразил недоумение по поводу того, что в Архангельске до сих пор не создан «музей поморской культуры». Новый губернатор в очередной раз подчеркнул, насколько важно не потерять тот вектор развития «поморской культуры», который был задан на IV съезде поморов. Вслед за этим в одном интервью губернаторша Татьяна Орлова, родом вообще-то из подкарпатской Галиции, публично заявила, что дети у неё — «поморы»⁶.

15 сентября 2012 года было объявлено, что в Архангельской области зарегистрирована новая «поморская» общественная организация — «Архангельский областной центр поморской культуры». Центр поморской культуры собирается изучать и развивать традиционную культуру поморов — «субэтноса (обособленной части) русского народа, содействовать сохранению поморами культуры, развивать международное сотрудничество». Председатель «Архангельского областного центра поморской культуры» Валентин Ботов заявил, что за последние годы престиж «поморской идеи» в глазах населения региона заметно снизился.

⁶ «Дети у меня — поморы, оба родились в Северодвинске» (Татьяна Орлова). См. Важский край, Шенкурск, 25.05.2012 // <http://www.vk-gazeta.ru/?p=19029>

Это стало, по его мнению, результатом откровенных спекуляций на проблемах коренного населения северных районов Архангельской области. По мнению Ботова, сторонники «поморской идеи» в обществе ассоциируются с региональным сепаратизмом, а от имени коренных жителей Поморья зачастую выступают люди, не имеющие к поморам никакого отношения. Понятие «поморы» становится предметом политизации. Ботов указал: «Постоянные попытки искажения истории и культуры Поморья («поморская религия», происхождение от «протопоморов» и биармов и т. п.) только компрометируют поморскую идею и развивавших её авторитетных учёных, таких как Владимир Булатов». Но ведь именно проф. Булатов, как мы уже писали, и придумал этих самых «протопоморов» и «поморскую религию», скажем мы новоявленному поборнику «поморской культуры» в Архангельске. И почему Ботов числит проф. Булатова «авторитетным учёным»? Как «учёный» Булатов известен только в своём регионе. Специалисты относят подавляющее большинство работ Булатова к популярному жанру. Подобную справку по творчеству Булатова, в частности, даёт начальник отдела «Русский Север» Архангельской областной библиотеки имени Добролюбова Елена Тропичева. В книгах Булатова содержится огромное множество фактологических ошибок, не говоря уже о проделанной им фундаментальной фальсификации истории Русского Севера. Напомним, Булатов утверждал, что 22 уезда Русского Севера от Вологды до Урала в XV–XVIII веках именовались в местной традиции «Поморьем», и это «Поморье» было населено народом «поморы». Отметим, что в профессиональном плане Булатов не работал с источниками и занимался обычно текстовой компиляцией. Поэтому и ссылки на работы Булатова нельзя встретить в серьёзных научных трудах, в частности в фундаментальных работах по колонизации современной территории Русского Севера директора Института археологии РАН академика Николая Макарова.

Далее необходимо присмотреться к личности Валентина Ботова. Ему 54 года. Он вырос в Архангельске. Учился в местном «Итоне» — элитной школе № 6 (1965–1975). Высшее образование получил на факультете «Промышленной энергетики» Архангельского лесотехнического института (1975–1980). В 2000-е годы Ботов работал заместителем руководителя Департамента по ТЭК

областной администрации, потом начальником управления реализации ОАО «Архангельская генерирующая компания». «Поморская культура» в Архангельске обладает тем странным свойством, что руководить собой с обязательным «международным аспектом» деятельности она притягивает стопроцентных дилетантов без какого-либо гуманитарного образования. Сейчас гуманитарным институтом в Северном Арктическом федеральном (!) университете руководит человек с дипломом врача — «псевдопомор» Иван Мосеев. Теперь на помощь в исследовании «поморской культуры» доктору Мосееву идёт электрик Ботов. Кто направил его на фронт «культуры»? До каких пор, спросим мы, в Архангельске будет продолжаться эта профанация действительной культурной и научной деятельности, осуществляться наглая фальсификация местной истории и культуры с целью трансформации русской этнической идентичности местного населения? Для того, чтобы Россия распалась, она должна прежде всего распасться в головах людей.

В интервью журналистам Ботов заявил о себе и деятелях своего Центра: «Мы — настоящие поморы, уроженцы Севера». Здесь надо понимать, что нынешний директор «Поморского института» Иван Мосеев — «помор ненастоящий». Но почему тогда сам Ботов, чьи корни происходят с Пинеги, записывает себя в «настоящие поморы»? На каких основаниях? Почему этот местный чиновник со связями в обл администрации, родившийся, выросший и сделавший карьеру в Архангельске, вдруг числит себя в «обособленной группе русского народа»? В чём лично для Ботова выражалась эта, как заявляет он, «обособленность» и когда конкретно он её ощутил?

Задав такой риторический вопрос, мы специально проанализировали литературные произведения великого русского писателя-деревенщика Фёдора Абрамова (1920–1983) на предмет присутствия в лексике его творчества слова «помор» и всяческих производных от него. Как известно, Фёдор Абрамов — родом с Пинеги из старинной пинежской волости Веркола. В Верколе он и похоронен. Нами проанализированы следующие произведения пинежанина Фёдора Абрамова: романы «Братья и сёстры» (1958), «Две зимы и три лета» (1968), «Пути-перепутья» (1973), «Дом» (1978), повести «Безотцовщина» (1961), «Пелагея» (1969),

«Деревянные кони» (1970), «Алька» (1972). Действия этих произведений Абрамова проходит в сёлах и деревнях Пинежского района Архангельской области. Лексический анализ произведений Абрамова на предмет основы слова «помор» дал единственный вариант — «ПОМОРЩИЛСЯ». Не жили никогда поморы на Пинеге — внутреннем районе Архангелогородской губернии и Архангельской области! Поэтому можно с полной уверенностью сделать однозначный вывод: объявляющий себя «настоящим помором» с Пинеги новоявленный директор «Архангельского областного центра поморской культуры» Валентин Ботов — очередной поморский самозванец в т. н. «столице Поморья». И, поминая писателя Земли Русской Фёдора Абрамова, мы спросим вслед за ним: «Чем живем-кормимся», земляки?

Как появилось «научное обоснование» этничности поморов: ценные признания проф. Шабаева

6 октября 2011 года на сайте ИА REGNUM под заглавием «Архангельские учёные» не компетентны в вопросах этничности поморов» была опубликована экспертная оценка доктора исторических наук Юрия Петровича Шабаева. Нам хотелось бы ответить профессору, разобрав по пунктам аргументы этого «федерального эксперта», как он сам себя называет.

«Наличие поморов есть статистический факт. Переписью населения 2002 г. зафиксировано 6,5 тысячи человек, которые назвали себя поморами. Материалы переписи — это государственный документ, документ, связанный с учётом населения» (Ю. П. Шабаев).

Как эксперт по этнологии, Юрий Петрович, вы не можете не знать, что перепись 2002 г. выявила в Российской Федерации граждан, этнически идентифицировавших себя, помимо поморов, ещё и хоббитами, эльфами, скифами и т. п. А всего по Российской Федерации в 2002 г. 42980 человек заявили о своей национальной принадлежности, в общей сложности, по 430 вымышленным или оставшимся в историческом прошлом этническим группам. В ряде случаев эти цифры превышали даже числен-

ность некоторых малочисленных коренных народностей Севера. Председатель Госкомстата России Владимир Соколин накануне переписи 2002 г. заявил, что «как гражданин назовёт себя, так и будет записано в переписном листе — хоть казак, хоть помор, хоть марсианин». Так, наши архангелогородские «поморы» Иван Мосеев и др. оказались «в почёте» между казаками и марсианами, хоббитами и эльфами, сибиряками и готами. По полной аналогии с творящимся в последние годы в Архангельске — на Юге России в Ростове-на-Дону возникло отделение общественной организации «Скифский национальный конгресс». Ваше отношение к этой этнической общности, господин «федеральный эксперт»?

Разбираемся дальше конкретно. Оказывается, что 4 тыс. из 6,5 тыс. объявившихся «поморов» проживают в городском конгломерате Архангельска — Северодвинска. А в тех сёлах по Зимнему, Терскому и Поморскому берегу и на Соловках, где и проживают действительные, а не нынешние городские бутафорские поморы, перепись как раз и не выявила у тамошних жителей иной отличной от русской т. н. «поморской» этнической идентичности. Выясняем дальше, конкретно с вождями поморского движения, местными интеллигентами-«будителями» (а ведь нынешнее «поморское возрождение» в Архангельске изначально было интеллигентской провинциальной «затейкой»). Тут оказывается, что изучение их генеалогии по мужской и женской линии доказывает, что конкретно предки этих людей проживали в волостях Архангелогородской губернии, население которых занималось сельским крестьянским трудом, на Мурмане не работало и поморами себя никогда не считало.

Итак, перепись 2002 г. выявила в общем по стране кризис русской этнической идентичности, а конкретно по Архангельску — ещё и идущий в нём процесс нового этностроительства. И то и другое свидетельствует о существующей тенденции распада страны Российской Федерации и ухода с исторической арены русского этноса. Причиной этого является то состояние Смуты, в которое страна была ввергнута после 1986 года. Кстати, о тех же кризисных явлениях свидетельствует и предлагаемая вами, Юрий Петрович как «федеральным экспертом» логика: признать государством Российским... скифов или поморов коренным этносом — только на основании личного изъявления граждан при переписи.

«Сегодня и большинство западных и отечественных исследователей признают особую значимость идентичности индивида, т. е. самовосприятия личности, осознания ею своего места в социальной структуре» (Ю. П. Шабаев).

По этой логике — любого шизофреника, вообразившего себя Наполеоном, обществу следует считать таковым. Так и рождаются Брейвики в мультикультурном сообществе. Место личности в обществе определяется отнюдь не самовосприятием личности, а обществом, которое и помещает эту личность в определённую «нишу». Не так ли? После этого и включается самовосприятие личности, часто адекватное, а иногда и нет. По этой реальной, а не выдуманной вами «федерально-экспертной» логике, места самозаписавшимся «поморам» в Архангельске — нет.

«В этой связи позиция тех, кто отрицает поморскую идентичность, есть позиция, сторонники которой хотели бы видеть в человеке культурного раба, не имеющего права на свободу выбора» (Ю. П. Шабаев).

Принятие поморской идентичности есть личный выбор. С этим мы согласны. Но вы, Юрий Петрович, как этнолог прекрасно должны знать, что любое этностроительство имеет, на самом деле, целью навязывание другим культурно созданной своей этнической идентичности. Если бы архангельские «поморы» занимались профессионально фольклором, культурой, историей, проблемы бы не было, и мы только приветствовали бы их.

Но они на самом деле хотели бы навязать и агрессивно навязывают через фальсификацию культуры и истории свою этничность другим местным русским, и в частности нашим детям. Здесь мы восстаём против этого — как нарушения нашей свободы, против стремления сделать нас и наших детей рабами. Рабами кого? Конкретное исследование ситуации с поморским этностроительством в Архангельске показывает, что оно осуществляется при помощи и на деньги наших злейших друзей — норвежцев и американцев. Цель поморского этностроительства — расколоть русских на Севере на две группы и на развалинах экономики стравить их между собой. Причём формула зарубежного участия такова, что не будь этой помощи, то и поморского этностроительства в Архангельске не было бы. Вот и мечутся ваши «поморы» в поисках защиты, помощи и поддержки между норвежским

консульством, Баренцевым секретариатом, судом в Страсбурге и вами — господин «федеральный эксперт»!

«К настоящей научной дискуссии высказывания некоторых архангельских учёных отношения не имеют... Обычно научные дискуссии отталкиваются от фактов, а не от голословных «авторитетных заявлений» отдельных учёных мужей» (Ю. П. Шабаев).

Итак, в опубликованном ИА REGNUM экспертном заключении Ю. П. Шабаев хотел бы опираться на авторитет науки, что он блестяще демонстрирует нам далее. Но вот что интересно — в другом своём экспертном заключении, опубликованном незадолго до рассматриваемого, он утверждает прямо противоположное: «Сегодня исходя из государственных интересов России оценивать ситуацию вокруг поморов только с позиций «чистой» науки нельзя» (<http://patriot-pomor.ru/content/view/1066/1/>).

Из «чего же изволите» исходить и на что опираться? И дальше наш «федеральный эксперт» поведал удивительную по саморазоблачительности историю. Цитирую Ю. П. Шабаева: «Ранее Институт этнологии и антропологии РАН занимал по поморам противоположную позицию, и именно его первоначальное экспертное заключение было поводом для отказа со стороны Минрегиона на неоднократные просьбы властей Архангельской области предоставить поморам статус коренного малочисленного народа... Обсудив проблему поморов на совещании в Женеве, директор ИЭА академик В. А. Тишков предложил мне написать докладную записку в Минрегион, с новым экспертным обоснованием необходимости предоставления поморам статуса коренного малочисленного народа. Такую докладную я подготовил, под ней поставлены все необходимые подписи учёных-экспертов: регионального исследователя, руководителя профильного московского института и ведущего специалиста в области этнологии... Надеюсь, уже в ближайшее время докладная будет рассмотрена Минрегионом». Итак, данные науки и научная совесть в одночасье изменились после совещания и личного указания руководящего лица.

Не кажется ли вам, Юрий Петрович, что государству Российскому как раз и следует отклонить подготовленное вами экспертное заключение — лишь на том основании, что оно подписано теми же самыми учёными, которые совсем недавно перед этим занимали по «поморской» проблеме прямо противоположную

позицию. Как быть с их научной принципиальностью, с отстаиванием своей точки зрения? И что такое случилось в Женеве, что академик В. А. Тишков вдруг кардинально изменил своё мнение по поморам на противоположное? И какое отношение произошедшее в Женеве имеет к «государственным интересам России»?

Поэтому, Юрий Петрович, в связи с этим случаем нам интересно было бы узнать, кто оплачивал конкретно ваши многочисленные командировки и суточные в Стокгольм, Женеву и др. подобные интересные места на различные мероприятия? И не окажется ли так, что за финансированием вашей научной карьеры стояли те самые центры, которые сейчас занимаются этностроительством в Архангельске и раскручивают финно-угорскую проблему на просторах Российской Федерации? И, наконец, хотелось бы узнать, сколько стоят экспертные оценки федеральных экспертов по национальному вопросу в России в известных центрах мирового глобализма, если эти оценки так легко меняются по личному указанию?

«Этнополитика опирается на право. Замечу, что этнополитика в демократическом обществе не может и не должна строиться на политической целесообразности и тем более — этноцентризме (или культурном расизме), а может опираться только на принципы права». И т. д. и т. п. (Ю. П. Шабаев)

«Политика не может строиться на политической целесообразности»... Правильно! «Забыв», что политика (врачебное дело) — это прикладное рациональное управление (точность диагноза и лечения), а не набор благоглупостей (заклинания ясновидящих)... «Забыв» о собственной проповеди политической целесообразности и собственной научной «ультрагибкости», вы за идеальными абстракциями пытаетесь скрыть то, что обязан знать каждый, даже самый бездарный, историк: право исторично. Нужно речь вести о том, как обстоит дело не в последней редакции пропагандистской прописи, а в актуальной истории, то есть на самом деле. Как дела обстоят при официальном заявленном мультикультурализме в современных США или в той же Швеции? А что происходит с таджиками в Москве? Иракцами, ливийцами и могиканами?

«Хотя, конечно, с помощью истории можно попытаться обосновать что угодно, поскольку история у нас постоянно пере-

писывается и переосмысливается, а потому ясности в ней как не было, так и нет, что даёт основание недоброжелателям называть историю не наукой, а ремеслом» (Ю. П. Шабаев).

Ценное, автобиографическое признание. Но странно слышать подобные вещи от вас, Юрий Петрович. Откуда такой нигилизм к истории конкретно у вас, доктора исторических наук? А как быть с комплексным источниковедением по проблеме? Не честнее ли вам в таком случае отказаться от учёной степени в этой отрасли знаний и положить диплом в ВАК на стол? Но на самом деле здесь вы лукавите. В поморском этностроительстве, осуществляемом сейчас в Архангельске по австрийским лекалам XIX в. американцами и норвежцами посредством местных ренегатов, как известно, ключевое место занимает исторический миф.

Вот поэтому мы и боремся с этим бесстыжим историческим мифотворчеством. И если миф этот нами будет разрушен, то и весь проект этностроительства в Архангельске провалится. А Ивану Мосееву и др. предстоит сделать невозможное. Доказать существование этноса поморов в прошлом через доказательство наличия у них тогда особого, отличного от русских и противостоящего русским этнического самосознания. А доказать его у поморов в XIX в. невозможно не из-за скудости источников, а как раз, наоборот, из-за колоссального их количества. Во второй половине XIX в. берега Белого моря стали Иерусалимом для фольклористов и этнографов. Здесь записаны тома. Многие ещё не опубликовано. А о чём идёт речь в былинах, спетых и записанных в Зимней Золотце, на Онеге, Мезени и Кулое? Да, о Святой Руси! Кто промышляет на Груманте в записанных здесь сказках? «Русачки», а никакие не поморы. И потом, вы так верите нынешним переписям! А если мы вам положим на стол перепись конкретно по Поморскому берегу Белого моря 1498 г., вы в неё, Юрий Петрович, поверите? Нет там никаких поморов. А перепись Двинского уезда по 1622 г.? И если Михайло Ломоносов ни в одном из сохранившихся от него многочисленных документов не определяет себя помором, то какое основание у Мосеева и др. причислять его к таковым? Вот в чём проблема. Вот где ложь и вот где правда.

«А есть ли великороссы?» (Ю. П. Шабаев)

Наш ответ вам, Юрий Петрович, прост. Великороссов нет! Есть русские. Если не верите, то поезжайте в Троицу к гробу святого

Сергия! И в тени икон письма Рублёва понаблюдайте этак с часок. Если опять не верите, то поезжайте в Киев на горы в Печерский монастырь! Вы нас упрекаете в расизме, архангелогородские «поморы» жалуются, что их оскорбляют и т. д. В связи с этим мы хотели бы заявить, что у нас нет цели унижить этих людей. Отрёкшиеся от своего, говоря старым языком, «чина», от Святой Руси, от Русского мира, они уже наказаны. Почему? Посмотрите на их жалкие труды. Они творчески бессильны! Но мы будем «биться» с ними за живших в начале XVII века и даже в страшном сне не слыжавших ни про каких «поморов» православных русских крестьян: крестьянина деревни Перхачовой Заостровской волости Онофрейку Костянтинова сына Мосеева, крестьянина деревни Федотово той же волости Тараску Кондратьева сына Есипова и др., только потому, что живём мы по простому и ясному принципу: русские — русских не предают!

Архангелогородские «поморы» продолжают сеансы саморазоблачения своей «идентичности»

14 апреля 2011 г. этнолог проф. Юрий Шабает (Сыктывкар) в интервью ИА REGNUM сообщил: «Ранее Институт этнологии и антропологии РАН занимал по поморам противоположную позицию, и именно его первоначальное экспертное заключение было поводом для отказа со стороны Минрегиона на неоднократные просьбы властей Архангельской области предоставить поморам статус коренного малочисленного народа... Обсудив проблему поморов на совещании в Женеве, директор ИЭА академик В. А. Тишков предложил мне написать докладную записку в Минрегион, с новым экспертным обоснованием необходимости предоставления поморам статуса коренного малочисленного народа. Такую докладную я подготовил, под ней поставлены все необходимые подписи учёных-экспертов: регионального исследователя, руководителя профильного московского института и ведущего специалиста в области этнологии... Надеюсь, уже в ближайшее время докладная будет рассмотрена Минрегионом».

17 октября 2011 г. редакция ИА REGNUM направила запрос в Министерство регионального развития Российской Федерации

по поводу этой докладной записки. И. о. директора Департамента межнациональных отношений А. П. Зенько на этот запрос ответил: «Докладная записка Ю. П. Шабаяева по вопросам предоставления поморам статуса коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Минрегион России не поступала». Казалось бы, проблема исчерпана. Однако сейчас, когда «поморская афера» в Архангельске разоблачена, псевдопоморы в оправдание своих действий на «Официальном сайте общины Поморов» опубликовали текст этой (формально адресованной, но на деле так и не поступившей в Минрегион) докладной записки, который мы публикуем ниже.

«В Министерство регионального развития РФ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Полагаем крайне необходимым в ближайшее время решить вопрос о придании статуса коренного малочисленного народа поморам, являющимся специфической этнографической группой русских. Принятие названного решения диктуется несколькими значимыми обстоятельствами:

1. Поморы являются культурной и «статистической реальностью», поскольку этноним «помор» фиксируется в ходе переписей населения и этнографических/социологических исследований; поморская идентичность (в разных её вариантах) является довольно устойчивой, а значительная часть населения, причисляющая себя к поморам, занята традиционными видами хозяйственной деятельности (рыбным и зверобойным промыслом).

2. Региональные власти и общественные организации неоднократно выступали с обращениями, призывающими придать поморам статус коренного народа Севера, и следует поддержать данные обращения, поскольку избирательное применение статуса, т. е. использование его лишь для обеспечения преференциями только культурных меньшинств, будет противоречить конституционной норме, провозглашающей равенство всех граждан РФ.

3. Некоторые лидеры этнических организаций коренных малочисленных народов Севера пытаются противопоставить русских недоминантным этническим группам, а статусная иерархия этнических групп, которая сложилась на сегодняшний день, даёт им до-

полнительные аргументы для формирования культурной дистанции между русскими и иными этническими группами населения в арктическом и субарктическом регионе. Поэтому придание поморам искомого статуса создаст некий баланс интересов, ограничит рост радикальных настроений среди политизированных лидеров меньшинств.

4. Придание особого статуса поморам и предоставление им некоторых преференций в сфере пользования биоресурсами позволит остановить деградацию поморских деревень/поселений по берегам Белого и Баренцева морей, остановить процесс обезлюдивания территории, которая имеет статус пограничной зоны, а значит подобная мера определённым образом укрепит её безопасность и продемонстрирует российское присутствие на Севере.

5. Обострение соперничества в Арктическом регионе и споры по поводу принадлежности арктических акваторий и прав на использование их потенциальных ресурсов требуют активного вовлечения в политический и правовой дискурс исторической аргументации. Поморы, которые уже много веков ведут промысел в арктическом бассейне, получив статус коренного малочисленного народа, будут являться дополнительным аргументом, который должен убедить международные организации в предпочтительности позиций России перед другими претендентами на спорные морские акватории.

Директор Института этнологии и антропологии РАН,
академик В. А. Тишков
Зав. сектором этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН,
д. и. н. Ю. П. Шабаев»

Первое, что обращает на себя внимание: учёные-этнологи, подписавшие означенный документ, считают поморов «специфической этнографической группой русских». Но если дело обстоит подобным образом, тогда зачем, спрашивается, предоставлять поморам статус «народа»?

Второе. Автор «Докладной записки» утверждает: «Поморы являются культурной и «статистической реальностью», поскольку этноним «помор» фиксируется в ходе переписей населения и этнографических/социологических исследований». Очевидно, что здесь проф. Ю. Шабаев ссылается на результаты переписи населения РФ 2002 г. Однако в данном случае учёный-этнолог не может не знать

их конкретные итоги, а именно то, что всего свою принадлежность к поморам зафиксировал в переписных документах 6.571 гражданин Российской Федерации (та же перепись нашла и «американцев» (1275 человек), «афганцев» (7945) и пр.). Из этого числа в Архангельской области на тот момент проживало 6295 поморов (95,8%), в Мурманской области — 127 (1,93%); в городе Санкт-Петербурге — 16 (0,24%), в Республике Карелия — 13 (0,2%), в Республике Коми — 11 (0,17%), в Ненецком АО — 6 (0,09%), в Вологодской области — 4 (0,06%), в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях — по 1 (0,01%). Здесь надо обратить внимание на то, что в местах проживания настоящих «исторических» поморов — в Карелии (Карельский и Поморский берега Белого моря) и Мурманской области (Кандалашская губа, Терский берег) поморов зафиксировано 1,95%, а по всей Карелии — всего 13 человек (!).

Таким образом, там, где в XVII — нач. XX в. проживали настоящие поморы, перепись 2002 г. их практически не обнаружила. В то же время на Архангельскую область по переписи 2002 г. «поморов» пришлось 95,8% (!). При этом городской конгломерат Архангельска — Северодвинска дал около 4 тысяч, или 64% всех «поморов», то есть абсолютное большинство «населения, причисляющего себя к поморам, НА ДЕЛЕ НЕ занято традиционными видами хозяйственной деятельности».

Итак, итоги переписи на самом деле зафиксировали не существование, а искусственное создание в Архангельске новой городской поморской идентичности, т. е. явление этнической инженерии. Подобный результат есть прямое следствие идущего здесь этностроительства, лишь маскируемого под настоящих исторических поморов. И сам проф. Ю. Шабаев неоднократно писал об этом в своих научных трудах¹. Кроме того, он прекрасно знает, что последние социологические исследования 1990-х гг. поморских поселений Белого моря какой-либо отличной от русской иной поморской идентичности у тамошнего населения как раз не выявили².

¹ См.: «Поморов» начали возрождать для «торговли этнонимом»: профессор Ю. П. Шабаев о поморах // <http://regnum.ru/news/1454828.html>

² Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск, 2003 (http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/10/1214893180/2003_Plusnin_Pomor.pdf)

Несостоятелен и третий пункт «Докладной записки»: «Придание поморам искомого статуса создаст некий баланс интересов, ограничит рост радикальных настроений среди политизированных лидеров меньшинств». Проф. Ю. Шабаев, разумеется, понимает (и он писал об этом в своих научных статьях), что «искомый статус» как раз и станет основанием для городских псевдопоморов (а в действительности — дельцов) для выдвижения новых претензий на территории и ресурсы к федеральным властям.

Что касается четвертого пункта — «придание особого статуса поморам и предоставление им некоторых преференций в сфере пользования биоресурсами позволит остановить деградацию поморских деревень/поселений по берегам Белого и Баренцева морей», то подобная мера только углубит социальную конфликтность, поскольку сразу же встанет вопрос о судьбе аналогичных поселений в глубине территории Архангельской области. Очевидно, что проблема поселений и народонаселения требует другого решения, никак не связанного с изобретением нового этноса, представлять который в грантовых общественно-арктических советах уже, видимо, приготвили архангелогородские — паркетные, кабинетные, кухонные, не имеющие никакого отношения к традиционным видам хозяйствования, но претендующие на участие в очень большом бизнесе вокруг квот на биоресурсы, — псевдопоморы.

И, наконец, пятое — тезис о том, что «обострение соперничества в Арктическом регионе и споры по поводу принадлежности арктических акваторий и прав на использование их потенциальных ресурсов требуют активного вовлечения в политический и правовой дискурс исторической аргументации». Здесь автор докладной записки не может не знать, что в основе «поморской исторической концепции» лежит фальсификация, созданная проф. Владимиром Булатовым (Архангельск). А поскольку фальсификацию эту легко разоблачить, «поморская историческая концепция» не может быть использована в споре с геополитическим противником России в Арктике.

«Коммерсантъ» на защите «детей лейтенанта Шмидта» и этносепаратизма на Русском Севере

Серия наших публикаций на ИА REGNUM по «поморскому вопросу» в Архангельске породила информационное противодействие со стороны российских «либеральных» СМИ. Недавно они попытались перехватить инициативу, отвести от разоблачений Норвегию с проводимой этой страной на Русском Севере политикой «мягкой силы» (soft power). Они хотели бы подать в положительном ракурсе деятельность поморских этносепаратистов и выставить государство российское ответственным за развитие в регионе этого поморского этносепаратизма. Голос в защиту «поморского возрождения» таким образом был встроен в идущую сейчас в прозападных СМИ России антигосударственную кампанию. Конкретно речь идёт о двух публикациях: статье Олеси Герасименко «Мы на своей земле не хозяева» в журнале «Коммерсантъ-Власть», № 23 (977) от 11 июня 2012 года и интервью лидера «Поморского возрождения» Ивана Мосеева portalу «Свободная пресса» от 31 мая 2012 года «С поморами поступают, как колонизаторы с папуасами»¹.

¹ Герасименко О. Мы на своей земле не хозяева // <http://kommersant.ru/doc/1947315>; Мосеев И. С поморами поступают, как колонизаторы с папуасами // <http://svpressa.ru/politic/article/55798/?from=0>

Основной тезис в статье Герасименко — «На Русском Севере права местных жителей отстаивают не левые или правые, а поморы — субэтнос, который северяне возродили для борьбы за свои интересы». Здесь нужно обратить внимание как раз на это самое «отстаивают», «возродили» и разобраться в сущности пресловутого «возрождения». В этом отношении российский этнолог проф. Юрий Шабает в своё время отметил тот факт, что в Архангельске поморское «возрождение» началось лишь тогда, когда появились реальные перспективы политической и экономической «торговли этнонимом». В своих публикациях мы лишь указали, что в настоящее время «торговля этнонимом» активистами «поморского возрождения» осуществляется в двух противоположных направлениях: в сторону Москвы и в сторону Норвегии. Мы отметили тот важный факт, проигнорированный сейчас либеральными СМИ, что в Архангельской области есть поморы и «поморы» и их нужно коренным образом отличать. «Поморское возрождение» и «поморы» в Архангельске на самом деле есть городское этносепаратистское движение в основе своей из среды местной малокультурной провинциальной интеллигенции, лишь неумело маскирующей себя под настоящих исторических поморов. Новая псевдопоморская идентичность в городском конгломерате Архангельска — Северодвинска чрезвычайно размыта и неопределенна. Фактически, это широкий спектр идентичностей, целая группа. В этом отношении наличествует понимание поморов и как особого финно-угорского этнического сообщества, и как отдельного восточно-славянского этноса. Фиксируется и признание их отдельной местной субэтнической группой — т. н. «русских поморов», и осознание поморства не как этнической, а как неявной локальной и региональной идентичности².

Но, что характерно, для всего спектра поморской идентичности — это совершенно новое для Архангельска и Русского Севера явление, лишь маскирующееся под древних поморов через искусственно созданный идеологами движения исторический миф. Поморский исторический миф оформлен в Архангельске

² Шабает Ю. П., Садохин А. П., Шилов Н. В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 62.

проф. Владимиром Булатовым через фальсификацию истории Русского Севера. Основные его положения сводятся к утверждению, что территория всего Русского Севера от Вологды до Урала в XV–XIX веках называлась Поморьем. Поморье это было населено «этносом поморы», которые были завоёваны, как он выражается, «москалями» и потом ассимилированы русскими. Однако, несмотря на активные процессы ассимиляции, по Булатову, «поморы» якобы сохранили своё «национальное самосознание» до наших дней и начали своё возрождение. Мы детально разобрали исторический миф проф. Булатова в ряде своих научных публикаций³, и они не встретили каких-либо возражений у историков в Архангельске, Москве и Санкт-Петербурге, зато породили ярость и истерику в стане поморских этносепаратистов. Вождь городских псевдопоморов Павел Есипов даже назвал корреспонденту «Коммерсанта» наши публикации на ИА REGNUM «травлей». В связи с этим мы честно утверждаем, что никакой «травли» как раз и нет, а есть жёсткая система доказательств и фактов, разоблачающих поморскую аферу в Архангельске. Ничто не препятствует тому же Есипову, Мосееву или профессуре Северного Арктического Федерального университета (САФУ) защитить «научную честь» Булатова, корректно предъявив нам в опровержение исторические документы. До сего момента этого никто не сделал, да и сделать не сможет. В этой связи заметим, что развитию спектра новой поморской идентичности в Архангельске способствовала именно деятельность в 1990-е годы местной региональной элиты, СМИ, профессорско-преподавательского состава гуманитарной направленности местных вузов.

Особенно неприглядной представляется работа по созданию в Архангельске новой поморской идентичности профессоров Владимира Булатова, Николая Теребихина, Сергея Шубина, Юрия Лукина и Татьяны Буториной. И совсем безобразием стало то, что местный научный мир хранил полное молчание и не протестовал против фальсификации науки и культуры.

³ Семушин Д. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // Арктика и Север. 2012. №7. С. 45–58. http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?element_id=36508

Парадоксом современной новой поморской идентичности является то, что она сосредоточена в крупных городах Архангельской области — Архангельске, Северодвинске и Новодвинске. Она является не результатом переселения исторических поморов из деревень в города, как это пытаются некоторые представить, а продуктом этноконструирования средствами современной культуры. Процесс конструирования новых этнических идентичностей облегчается через реидентификацию искусственно создаваемых социальных групп — «воображаемых сообществ». Активисты «Поморского возрождения» Иван Мосеев, Анатолий Беднов, Павел Есипов, Владимир Ломакин, а также бывший губернатор Анатолий Ефремов, бывший ректор Поморского университета Владимир Булатов и многие др. никак не связаны ни своей генеалогией, ни местом проживания своих предков с настоящими историческими поморами. По существу, надо назвать всё своим именем — это поморские самозванцы. Первым в ряду поморских самозванцев, как кажется, стоит бывший депутат Государственной думы от ЛДПР архангелогородец Дмитрий Гусаков. Сейчас он признаётся на страницах архангельской прессы: «Говорю это как первый в истории официальный помор. Объясню: я так по пьяни записался в ленинградском военкомате. С покойным А. А. Ефремовым мы много балагурили по этому поводу в его родном Тойнокурье». Отметим, что решающим доводом у многих поморских самозванцев в пользу их поморского происхождения является «бабушка сказала». И это буквально так, мы не утрируем ситуацию.

Материалы переписи населения 2002 и 2010 годов подтверждают нашу трактовку «Поморского возрождения» как создание новой идентичности, лишь маскирующейся под исторических поморов. Так, по переписи 2002 года, всего свою принадлежность к «поморам» зафиксировал в переписных документах 6 571 гражданин Российской Федерации. Из этого числа в Архангельской области на тот момент проживало 6 295 поморов (95,8%), в Мурманской области — 127 (1,93%); в городе Санкт-Петербурге — 16 (0,24%), в Республике Карелия — 13 (0,2%), в Республике Коми — 11 (0,17%), в Ненецком АО — 6 (0,09%), в Вологодской области — 4 (0,06%), в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях — по 1 (0,01%). На Архангельскую область по переписи 2002 года поморов пришлось 95,8% (!). При этом городской конгло-

мерат Архангельска — Северодвинска дал около 4 тыс., или 64% всех поморов. Здесь надо обратить внимание на то, что в местах проживания настоящих «исторических» поморов — в Карелии (Карельский и Поморский берега Белого моря) и Мурманской области (Кандалашская губа, Терский берег) поморов зафиксировано 1,95%, а по всей Карелии — всего 13 человек (!). Всероссийская перепись 2010 года показала 3 113 поморов. В том числе в Архангельской области — 3 015. На остальное Беломорье и всю страну приходится 97 поморов. Таким образом, там, где в XVII — начале XX века проживали настоящие поморы в историческом Поморье на Поморском берегу Белого моря, переписи 2002 и 2010 годов их не обнаруживают. Это подтверждает наблюдение российских этнографов об угасании настоящей поморской идентичности в конце XIX века. В то же время фиксация переписью «поморов» в городском конгломерате Архангельска в начале XXI века знаменует появление здесь новой поморской идентичности. Все эти нюансы в публикации в «Коммерсанте» Герасименко просто игнорируются.

Поймите нас правильно. По российской Конституции 1993 года национальная идентичность является личным делом гражданина РФ. Вы можете себя при переписях идентифицировать хоть «казаком», хоть «сибиряком», хоть «помором»... «эльфом», «хоббитом», а ещё «гражданином мира», «жителем вселенной», «иностранцем», «каменщиком», «кацапом», «крестьянином затундренным», «ленским старожилом», «нацменом», «полукровкой», «помесью», «фараоном», «халдеем», «хохлою» и даже «эллином». По этой логике Иван Мосеев, Павел Есипов, Анатолий Беднов, Владимир Ломакин, Дмитрий Гусаков, Владимир Булатов, Анатолий Ефремов «поморами», разумеется, себя именовать могут и могли. Но при чём тут тогда «укоренённость», этот мнимый «коренной народ поморы» вкупе с непонятными «протопоморами» Булатова и градусами крови чуди заволочской у Мосеева? Как может быть связано право на территории и ресурсы с претензиями на них отрёкшихся от русской идентичности нынешних городских поморских самозванцев?

Возникает законный вопрос к московским «защитникам» архангельских «поморов», почему федеральный центр должен признать «поморов» в качестве «коренного и малочисленного

народа», если хорошо известно, что ядро этого движения, провоцирующее этносепаратизм на Русском Севере, состоит из «новых поморов». На каком основании эту городскую группу активистов следует считать именно «коренным» (!) народом? Более того, при ближайшем рассмотрении ценностных установок этого кружка поморских самозванцев и морали отдельных его представителей выясняется, что целью поморских этносепаратистов является вовсе не народное благо и помощь деревням, а занятие лидерских позиций в создаваемом ими самими под себя искусственно «коренном и малочисленном народе» для «руководства» и посредничества над финансовым потоком предполагаемых субсидий и квот населению «поморских» деревень. За это они уже не стесняясь грызутся между собой. В случае с «поморским активом», конкретно речь идёт о Есипове, Мосееве, мы имеем дело с известным феноменом «детей лейтенанта Шмидта», в нашем случае — с дельцами-мошенниками. В ситуации с архангельскими псевдопоморами либеральный информационный ресурс «Свободная пресса» утверждает: «Государство ставит своих граждан в такие условия, что они мечтают стать нерусскими». Побойтесь Бога! При чём здесь государство! Проповедники поморского этнического сепаратизма наши новоявленные «племенные вожди»: Мосеев и Есипов — это люди с налаженным упорядоченным городским бытом и избыточным весом. Колхозники с Онежского, Летнего, Зимнего берегов Белого моря ни об этническом сепаратизме, ни об отделении от русских не помышляют. О желанном статусе «коренного и малочисленного» им сейчас услужливо подсказывают этнические торговцы из «столицы Поморья». Что касается вопроса о поморах-колхозниках, то мы обязательно рассмотрим эту проблему в нашей следующей публикации.

Активисты «поморского возрождения» в Архангельске добиваются от местных властей и федерального центра признания себя в качестве «коренного и малочисленного народа». Но в перспективе они присматривают для себя статус «коренного народа» в «международных категориях права». Здесь необходимо обратить внимание на то, какие последствия для национальных отношений и гражданственности в нашей стране имеет это привнесённое извне в нашу, надо честно признать, весьма невысокую, правовую культуру понятие «indigenous» — «коренной». На Рус-

ском Севере мы все чаще и чаще слышим: «я — коренной помор», «я — коренной саам», «я — коренной ненец», «я — коренной коми» и т. д. В итоге этим разделением и претензией на коллективные права подрывается ещё не сложившаяся в России гражданская нация. Выученный на деньги норвежцев и продвигающий сейчас их интересы в Архангельске ассистент кафедры Юридического института САФУ Максим Задорин прекрасно отдаёт себе отчёт, что придание «поморам», за что он так радуется, в Архангельской области статуса «коренного народа» в категориях международного права автоматически будет означать перевод её в разряд завоёванных, оккупированных и колонизованных территорий. И вот здесь-то интересы городских псевдопоморов и начинают пересекаться с интересами Запада и конкретно с интересами Норвегии в Арктическом регионе. По аналогии с «саамским национальным движением» в соседней Мурманской области можно смело прогнозировать, что следующим шагом псевдопоморов после обретения ими статуса «коренного малочисленного народа» станет создание «поморского парламента» и объявление всей территории Архангельской области и прилегающих арктических акваторий — исторической территорией обитания «коренного народа поморы», со всеми вытекающими из этого последствиями. Наученные норвежцами саамы в Мурманске это уже проделали. Отметим при этом, что «национальное движение саамов» на поверку является шумной деятельностью всего лишь десятка активистов, завязанных на структуры норвежского Баренцева секретариата. Поэтому весьма показательны, что ни норвежский Баренц-регион, ни его структуры совершенно не упомянуты в рассматриваемых публикациях «Коммерсантъ-Власть» и «Свободной прессы».

Между тем Архангельская область ещё с 1991 года стала объектом норвежской политики «мягкой силы». С 1993 года она проводится посредством норвежских органов трансграничного Баренц-региона — Баренцева секретариата и т. н. норвежских информационных центров на местах. Если российская сторона переводила свои международные отношения с Норвегией на новый уровень в надежде получить помощь в реконструкции экономики через иностранные инвестиции и создание совместных предприятий, то норвежцы целили совсем в другое, о чём нео-

провержимо свидетельствуют их собственные признания и весь двадцатилетний опыт деятельности норвежского трансграничного Баренцева региона. В первую очередь норвежцев интересует получение доступа к шельфовым месторождениям нефти и газа в российском секторе Арктики и, во-вторых, «гуманитарная деятельность». Почему Герасименко в своей публикации в «Коммерсанте» не упомянула, что весь торговый оборот Архангельской области с Норвегией в прошлом году не превышал ничтожные 10 млн долларов? И архангелогородцы, как выяснилось недавно, могут продавать в Норвегию только валенки. Да срубы. Итак, выгодное россиянам экономическое сотрудничество на уровне местных предприятий игнорируется норвежцами. Остаётся только мощная гуманитарная составляющая «сотрудничества», на самом деле — односторонняя деятельность в своих интересах Норвегии в северном регионе Российской Федерации. Главная цель гуманитарных программ норвежского Баренцева региона (она особо и не скрывается) — изменение сознания русских, проживающих на Русском Севере и в Архангельске, прежде всего у местной провинциальной интеллигенции. Поэтому поддержка норвежцами и стоящими за их спиной американцами поморского этносепаратизма является одним из направлений этой общей работы. Герасименко всю историю с изданием норвежцами на «поморском языке» «Поморских сказок» сводит с подачи Мосеева якобы к проблеме вывоза этих книжек через таможенную в Норвегию. На самом деле проведённая норвежцами этническая диверсия заключалась в бесплатном распространении среди детей — младших школьников в Архангельске этой глубоко лживой книжки. Составитель «Поморских сказок» Мосеев сам сочинил эти сказки и объявил их фольклорным культурным достоянием народа «поморы», при этом заявив, что эти «поморы» — отдельный не русский народ. Против всей традиции русской литературы, уходящей корнями в церковно-славянскую культуру, против заветов святых Кирилла и Мефодия, «Поморские сказки» были записаны с использованием местных диалектов. Конечный продукт был объявлен издателями-норвежцами отдельным, отличным от русского литературным «поморским языком».

Сейчас директор Поморского института САФУ поморский самозванец Иван Мосеев неуклюже лжёт, когда утверждает —

цитируем его: «Я хочу подчеркнуть, что никогда никаких денег мы от норвежцев не брали» или «Ни копейки норвежских денег мы не получали. Организация «Поморское возрождение», зарегистрированная в 1991 году, ни одного гранта не получила от Норвегии». А как же быть, спросим мы Мосеева, с проектами «поморов» — с уже упомянутым изданием «Поморских сказок» на «поморском языке» и словаря «поморского языка»? Первый проект был выполнен на норвежские деньги, а второй — на американские. Организация «Поморское возрождение», разумеется, никаких грантов от норвежцев не получала и не получает, вот только российские граждане, обслуживающие «поморское возрождение», лично подобные гранты получают. Как быть, спросим мы Мосеева, с норвежским проектом Seventh Framework Programme «A Critical Human rights Agenda in a Changing Europe»? На странице 90 проекта речь идёт о трёх деятелях: собственно Иване Мосееве, Антонине Кулясовой и Алексее Овчинникове. Последний в этом списке был первым инициатором в Архангельске обращения к властям с требованием официально признать «коренной народ поморы». Про Овчинникова прямо сказано в программе, что он участник нескольких «международных проектов». Кстати, и сам «Поморский институт» создан с подачи норвежцев именно для облегчения передачи грантовых средств Запада на политическую деятельность этносепаратистов, лишь маскируемую под науку.

Нетрудно заметить, что объектом норвежской политики «мягкой силы» в Архангельске выступает, в частности, Юридический институт САФУ. Сейчас норвежцы предлагают российским студентам в его стенах образование у себя полностью на норвежские деньги по программе бакалавриата по курсу «права коренных народов» (Indigenous Peoples' Rights). Работающий в норвежских интересах в САФУ в Архангельске ассистент этого института Максим Задорин сейчас занят «поиском» представителей «коренных малочисленных народов Севера» для направления на учёбу в Норвегию. Оказывается, в рамках «сотрудничества» между юридическим институтом САФУ университетом Тромсе в Норвегии существует возможность прохождения обучения в зарубежном вузе по курсу «права коренных народов». При этом предусмотрено ещё и квотирование мест для студентов из России из числа

представителей коренных малочисленных народов. На кафедре международного права юридического института САФУ, где работает Задорин, сейчас числится шесть человек преподавателей. У трёх из них имеются публикации, связанные с проблематикой коренных народов. Не обойдены норвежским вниманием и студенты. В декабре 2011 года в Институте социально-гуманитарных и политических наук, директором которого является другой проводник норвежских интересов в сфере университетского образования в Архангельске — проф. Андрей Репневский, была проведена научная студенческая конференция с весьма характерным провокационным названием: «Россия — Скандинавия: на пути к общему культурному пространству». На ней 40% (4 из 11) студенческих докладов были посвящены проблематике «коренных народов». В аудитории на конференции присутствовал лоббист норвежских интересов в Архангельске почётный консул Норвегии Андрей Шалев. В Архангельской области на сегодняшний момент, заметим мы, нет «коренных и малочисленных народов». Их нужно создать — считают в Норвегии. Об этом и свидетельствует отмеченная нами активность по этому направлению в САФУ.

«Помор» Иван Мосеев в интервью Герасименко в «Коммерсантъ-Власть» трактует свои контакты с норвежцами как «настоящую народную дипломатию». «Мы обходимся без указок и помощи федерального центра», — утверждает поморский самозванец. И Герасименко, разумеется, склонна этому верить на слово. Хороша эта «народная дипломатия» по Мосееву, скажем мы. С той стороны, оказывается, в ней участвуют в качестве «норвежских поморов» и «народных дипломатов» такие влиятельные в Норвегии политические фигуры, как генеральный секретарь норвежского Баренц-секретариата Руне Рафаэльсен, член парламента Норвегии Коре Сименсен, советник по программам Интеррег Евросоюза Й. Мартин и, наконец, сам экс-министр иностранных дел Норвегии, отец нынешнего премьера Торвальд Столтенберг. На открытой лекции в Северном Арктическом Федеральном университете в феврале 2011 года Столтенберг отметил, что традиции поморско-норвежских отношений являются главной предпосылкой Баренцева сотрудничества, а сами поморы и северные норвежцы являются носителями общей идентично-

сти, т. н. «северности»⁴. Нынешние упорные поиски «нордмена» на Русском Севере профессурой Института регионологии САФУ, таким образом, можно считать выполнением прямого указания Столтенберга.

В случае с «поморами» в Архангельске мы имеем дело, говоря старинным русским языком XVII века, с «воровской затейкой» провинциальной интеллигенции. Этот архангельский эпизод новой российской Смуты очень напоминает нам историю той старой Смуты времён Минина и Пожарского. Вот она. В 1607 году в Литве в городке Пропойске ротмистр пан Меховецкий заметил у корчмы под забором в канаве пьяного забуддыгу. «Эге, — спросил пан Меховецкий у пана Зеновича, — а не напоминает ли тебе вот тот бродяга ликом и станом царя Московского?» «Да, похож», — ответил пан Зенович. Так появился на Руси Тушинский Вор. В нашем случае бывший министр иностранных дел Норвегии Турвальд Столтенберг — отец нынешнего норвежского премьера — не побрезговал в компании архангельского поморского самозванца Мосеева отметить суп с ним поесть и протекцию ему при случае оказать. И даже сам себя «помором» Столтенберг публично поименовал. Так, Мосеев с норвежской подачи без какого-либо надлежащего образования и стал руководить наукой в Северном Арктическом Федеральном университете. Поморский самозванец оказался директором «Поморского института», якобы «изучающего» «поморов» — на самом деле мнимый «коренной народ Арктики». Сам Столтенберг украсил в честь этого свои седины предложенным ему Мосеевым колпаком «арктического папуаса». Чему тут удивляться? Сандомирский воевода пан Мнишек в своё время дочь Марину за московского Вора, беглого монаха-расстригу, выдал. В случае же со Столтенбергом его понять можно. Речь идёт, разумеется, не о шапке Мономаха и Кремле, а о богатствах энергетических ресурсов в российском секторе Арктики.

Герасименко в своей статье в «Коммерсантъ-Власть» утверждает: «Норвегия очень серьёзно относится к отношениям с Россией и, не имея возможности сравниться военным и экономиче-

⁴ Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М., 2011. С. 269.

ским потенциалом, налаживает связи с жителями российского Севера», «с Архангельской областью они всегда предпочитали дружить, даже почётным консулом сделали не норвежца, а местного жителя Андрея Шалева». Впрочем, почётных консулов, заметим мы, во всём мире всегда принято выбирать из местных жителей. А как же иначе? Существенней здесь другое. Журналист «Коммерсанта» упорно не хочет замечать, что за спиной «слабенькой», «бедненькой» и «добрененькой» Норвегии на самом деле стоят США, Великобритания, ЕС, весь Запад и НАТО с их военно-политической мощью. Материал Герасименко опубликован 11 июня 2012 года. Почему тогда московский журналист старательно не заметила последний визит 1 и 2 июня 2012 года госсекретаря Соединённых Штатов Хиллари Клинтон в Норвегию? Клинтон после пребывания в столице Норвегии городе Осло в сопровождении министра иностранных дел Норвегии Йонаса Сторе отправилась на север этой страны в город Тромсе. Здесь на месте госсекретарь обсудила со своим коллегой, представляющим союзную по НАТО страну, проблемы борьбы за Арктику и арктические ресурсы. Американцы обсуждали с норвежцами возможность «интернационализации» ресурсов Арктики и Северного Морского пути. Они хотели бы «устанавливать правила» для этого региона мира. США и Норвегия собираются использовать институт Арктического совета для установления контроля над Арктикой и её ресурсами. Впрочем, что там Герасименко в Москве, главный русскоязычный норвежский пропагандистский информационный ресурс Баренц-региона — VarentsObserver, обычно сообщающий нам о каждом выступлении северокаорейских баянистов в Тромсе, теперь о скандальной пресс-конференции 2 июня 2012 года Клинтон и Сторе в этом городе упорно помалкивает. Может быть, регулярно выступающий на страницах этого норвежского информационного ресурса с антироссийскими по духу и содержанию материалами почётный консул Норвегии в Архангельске и «пока не помор», как он выражается, Андрей Шалев объяснит наконец причину этого затянувшегося молчания VarentsObserver и честно расскажет нам всем своим, соотечественникам о норвежско-американских кознях в Арктике?

«Циркумполярная» лженаука — против Русской Арктики

Официально объявленная программа деятельности норвежского Баренцева региона в России включает пять направлений. Направление третье — «признание традиционных и культурных нужд, ценностей и интересов коренных народов Арктики». Здесь, в связи с нынешней норвежской стратегией мягкой силы в Баренцеве регионе, надо обратить внимание на продвигаемую Западом в Россию псевдонаучную теорию «циркумполярной цивилизации». Определение «циркумполярный» — от английского «circumpolar», т. е. «окружающий полюс», «находящийся за полярным кругом». Понятие «циркумполярная цивилизация» можно заменять русским — «арктическая цивилизация». Концепция циркумполярной цивилизации зародилась в рамках получившей второе дыхание в социальных науках с 1980-х гг. цивилизационной методологии. Если для начала отвлечься от теории цивилизаций, то реальное состояние дел в Заполярье таково. В настоящее время к числу приарктических суверенных государств следует отнести восемь стран: Данию (Гренландия), Исландию, Канаду, Норвегию, Россию, США, Финляндию, Швецию. Эта восьмёрка имеет свои собственные территории за полярным кругом. Одна-

ко водными акваториями в Ледовитом океане обладают, за исключением Финляндии и Швеции, только шесть вышеназванных стран. Очевидно, что приоритетом деятельности каждого из названных государств в приарктическом регионе является защита собственных национальных интересов.

Когда же речь заходит о цивилизациях, то дело принимает иной оборот — взаимного их противостояния. В современном приарктическом регионе обычно называют три действующие сейчас цивилизации: европейскую, северо-американскую и евразийскую. Но это неверно. Правильней было бы говорить всего лишь о двух цивилизациях, господствующих в настоящее время в Арктике, — это Запад и Россия (Евразия). Определённым свидетельством в пользу означенного деления является то, что морские арктические государства США, Канада, Дания, Исландия и Норвегия входят в единый военный союз, основывающийся на общих цивилизационных ценностях — НАТО. В этом случае цивилизация Запада придерживается идейно-политической концепции стратегического кооперативного единства, на основе провозглашаемых либеральных духовно-нравственных ценностей. В конкретной части нашей планеты, как Арктика, Североатлантический союз цивилизации Запада направлен своим военным остриём против России. Отметим, что цивилизация Запада в приарктическом регионе базируется, помимо прочего, ещё на близости германской языковой семьи и общей религиозной основе — иудеизированном христианстве, протестантизме. Ментальный фактор протестантизма нельзя сбрасывать со счетов, он предполагает у наших геополитических противников чрезвычайную организованность, расчётливость и точное целеполагание при соперничестве в Арктике. Наш исторический опыт свидетельствует, что эти частные, как казалось бы, обстоятельства в прошлом стоили нам всегда больших потерь и чрезвычайных усилий при прямых или не прямых конфликтах с протестантскими народами цивилизации Запада. Нетрудно заметить ещё и то, что Запад в Арктике представлен двумя этническими блоками — скандинавами и англосаксами. В последнем случае речь идёт об их колониях в Новом свете. В одном варианте (США) колонии совершенно оторвались от своей метрополии и обрели глобальное могущество. В другом же (Канада) они сохраняют формаль-

ные связи со своей метрополией — Англией. Как цивилизация Запада, так и Евразия (Россия) завладели арктическим регионом и колонизовали его в исторические времена на нашей письменной памяти. Хронологически этот процесс хорошо прослеживается. Осуществить это и Западу, и Евразии (России) удалось вопреки воле приарктических народов, очевидно, благодаря именно своим преимуществам как цивилизаций. Выход как государств, так и цивилизаций в циркумполярный мир проходил по меридианальным направлениям с Юга на Север. Следовательно, можно с определённой уверенностью утверждать, что человеческие цивилизации возникли и развились в южных широтах, а потом завладели приарктическими территориями. В настоящее время две цивилизации вступили в борьбу за ресурсы и территории в Арктике. При этом одна из них — Россия ослаблена десятилетиями Смуты. Как цивилизация она находится в кризисном состоянии, её защитные цивилизационные коды ослаблены. Свидетельством «мягкой» формы борьбы Запада против России за Арктику в идеологической сфере и является концепция «циркумполярной цивилизации».

Продвинутая Западом в Россию эта цивилизационная теория утверждает, что, помимо пришедших в приарктический регион современных цивилизаций Запада и Евразии, здесь функционирует своя оригинальная цивилизация коренных и малочисленных народов Севера — «циркумполярная цивилизация». Нетрудно заметить, что, в отличие от цивилизаций Запада и Евразии, расположенных, как говорилось, в меридиальном направлении, циркумполярная цивилизация располагается в широтном направлении и замкнута арктическим кругом. Подобное «наложение» трёх цивилизаций в Арктике теоретики циркумполярной цивилизации по-научному мудроно именуют «многослойной и мультимодальной целостностью». Иначе ещё говорят о «полиэтнической, многофакторной арктической цивилизации». Таким образом, приарктические районы Российской Федерации — это одновременно и территория некой общей циркумполярной цивилизации, и северная часть Русского мира — евразийской, русской цивилизации.

Однако нетрудно заметить, что у циркумполярной цивилизации нет какого-либо центра. Нет у неё и каких-либо типичных

институтов, присущих человеческой цивилизации. Входящие в её широтный круг народы во многих случаях никогда не контактировали и даже не соприкасались друг с другом. Напомним, что протяжённость северного полярного круга планеты Земля составляет 15 948 км. В связи со всем этим теория циркумполярной цивилизации весьма уязвима для критики. В частности, она разрушается простым логическим умозаключением. Адептам циркумполярной цивилизации надо задать простой вопрос: когда она возникла? Очевидно, что в той социально-экономической реальности, в которой застали северные коренные народы русские, норвежцы и т. д., они существовали с момента окончания Ледниковой эпохи, т. е. 10–12 тыс. лет до Р. Х. Означает ли это, что циркумполярная цивилизация является древнейшей цивилизацией на планете, поскольку известные исторической науке первые человеческие цивилизации возникли в Месопотамии и долине реки Нил 4–5 тыс. лет до Р. Х.? Очевидно, что нет. Тем не менее отдельные фантазёры сейчас пошли ещё дальше в глубь веков. Они утверждают, что циркумполярная цивилизация существовала уже в межледниковый период, т. е. 35–30 тыс. лет до Р. Х. В этом случае мы спросим, а какие цивилизации помимо неё в это время существовали в других районах планеты Земля? Что нам известно в этой связи о цивилизациях у неандертальцев? Т. е. удревление явления циркумполярной цивилизации обнаруживает саму абсурдность проблемы. Очевидно, что здесь мы нашли главный порок теории циркумполярной цивилизации. Более того, в основе своих построений она противоречит самому классическому определению цивилизации. Цивилизация — это определённый уровень развития материальной и духовной культуры социума. Цивилизация как качественное состояние превосходит и отрицает варварство и первобытное общество. Что касается коренных народов Севера, то на момент соприкосновения их с русскими, норвежцами и т. д. их социально-экономические реалии однозначны. Мы имеем дело с первобытным обществом. Таким образом, согласно другому определению, цивилизация — это стадия всемирного исторического процесса, связанная с достижением определённого уровня социальности. Но в случае с «циркумполярной цивилизацией» как раз какой-либо стадийности, качественного отличия достигнутого уровня от предшествующего

состояния мы не наблюдаем. Согласно другому определению, цивилизация — это локализованное во времени и пространстве общество. Но в случае с циркумполярной цивилизацией мы как раз какой-либо определённой локальности и чётких временных рамок опять же не наблюдаем. На практике мы имеем дело с конгломератом часто не соприкасавшихся и не соприкасающихся во времени и пространстве крайне малочисленных этносов охотников, рыбаков и кочевых оленеводов.

Поскольку научных исторических оснований для содержательной стороны циркумполярной цивилизации нет, то спекуляции на её тему начинают опираться, с одной стороны, на мистику (колдуны и бубен шамана), а с другой — на лженауку. Последняя получила особое распространение в постперестроечной России. В частности, это касается арктических древностей. Классикой жанра в теме циркумполярной цивилизации являются, разумеется, в первую очередь, сочинения о Гиперборее Валерия Дёмина (1942–2006). Тема, как кажется, стала модной и последнее время пополнилась и другими сомнительными с научной точки зрения легковесными сочинениями, которыми в России сразу же стали пользоваться адепты теории циркумполярной цивилизации¹.

В этой связи заметим, что мифическая прошлая циркумполярная цивилизация не оставила после себя никаких следов в археологии, которые свидетельствовали бы именно о цивилизационном измерении явления, т. е. следов городов, культовых и общественных сооружений и т. д. Что в этом случае отвечает наша лженаука и наши псевдоучёные? Они говорят, что циркумполярная цивилизация — это особая цивилизация в истории человечества, обеспечившая гармоническое существование человеческого сообщества и природы. Т. е. в ход идёт модная ныне экология. Экологическая характеристика циркумполярной цивилизации и гарантировала её, по мнению лженауки, от каких-либо археологических следов. Более того, псевдоучёные даже утверждают, что следы древней циркумполярной цивилизации покоят-

¹ Осторожно лженаука! — Гусева Н. Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. М., 2007; Гусева Н. Р. Русский Север — прародина индославов. М., 2010; Дёмин В. Н. Русь гиперборейская. М., 2002; Дёмин В. Н. История Гипербореи. М., 2009; Петухов Ю. Д. История древних русов. М., 2009; Леонтьев А., Леонтьева М. Биармия: северная колыбель Руси. М., 2007.

ся на дне Ледовитого океана. Т. е. в данном случае, получается, мы имеем дело с некой новой Атлантидой.

Мы продемонстрировали возможности логики в развенчании теории циркумполярной цивилизации. Но дело принимает для последней совершенно безнадежное положение, когда мы начинаем знакомиться с подлинными историческими реалиями. Так, в 1572 г. вся пустоозерская самоедь, предки части современных ненцев округа Нарьян-Мара, числом составляли 19 чумов, всего 49 человек мужчин налогоплательщиков². В 1716 г. пустоозерская и югорская самоедь восстала против русского владычества. Вся самоедская «повстанческая армия» насчитывала тогда 50 человек! Перейдем теперь на территорию современного Кольского полуострова. В 1623 г. вся терская лопь, т. е. лопари, проживавшие к востоку от линии Кандалакша-Кола, составляла 156 человек налогоплательщиков. А кончанская лопь, т. е. лопари, проживавшие к западу от линии Кандалакша-Кола, — 147 тяглецов³. Это значит, что всё саамское население на обширном пространстве Русской Лапландии в нач. XVII в. не превышало 1000 человек. О какой циркумполярной цивилизации в случае Колы и тундры Пустоозера может идти речь при подобных величинах народонаселения в прошлом? И сейчас фактор малочисленности коренного населения Севера в приарктических регионах был и остаётся повсеместным.

Чтобы окончательно понять лженаучность теории «циркумполярной цивилизации», необходимо обратиться к великому достижению нашей отечественной историографии конца XX в. — сочинению академика Леонида Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». В нём в числе прочих научных вопросов разбирается проблема прибавочного продукта в традиционном хозяйстве и влияние величины его на основные параметры и особенности российской цивилизации. В связи с этой работой акад. Л. Милова становится понятно, что традиционная экономика северных народов чисто из-за климатических особенностей Арктики не была способ-

² Платежница с Пустоозерских дозорных книг Василия Третьякова сына Агалина, 1574 г. // *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М., Л., 1950. С. 480.

³ Роспись лопарским погостам, 1623 г. // *Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв.* Под ред. А. И. Андреева. Л., 1930. № 27.

на создать достаточный прибавочный продукт. Этот базовый параметр не давал возможности к усложнению социальной организации для создания институтов цивилизации, к выделению в обществе людских групп, специализирующихся на иных общественных функциях, чем хозяйство и родовое управление. В итоге, ни один из северных народов не смог создать социальной структуры из профессиональных воинов, жрецов и торговцев. Это предопределило и такое базовое ограничение для их культуры, как отсутствие собственной письменности.

Таким образом, «циркумполярная цивилизация» — это типичный симулякр, иными словами, понятие, не имеющее означаемого объекта в реальности. И этот мнимый объект если и достоин изучения, то только для того, чтобы определить истинные цели идеологов, его породивших. Продвигаемая Западом в Россию лженаучная теория «циркумполярной цивилизации» нашла благодатную почву в недавно созданном в Архангельске Северном Арктическом Федеральном университете. Многолетняя грантовая политика норвежского Баренц-секретариата сделало САФУ вообще чрезвычайно восприимчивым ко всякого рода сомнительным внешним новациям. Исследовать «циркумполярную цивилизацию» взялся возглавляемый проф. Ю. Лукиным Институт управления и региологии САФУ. Целое научное направление этого учреждения ещё в 2009 г. было переименовано с прежнего «Региология: северное регионоведение» в новое — «Арктика, северное регионоведение, циркумполярная цивилизация» (научные руководители — проф. А. А. Дрегалю, проф. Ю. Ф. Лукин, проф. В. И. Ульяновский). Сейчас тема циркумполярной цивилизации включена в рамки перспективных направлений научно-исследовательской деятельности подразделения на период 2012–2020 гг. Решением учёного совета ИУиР от 28 декабря 2011 г. «мультициркумполярную цивилизацию» планируется исследовать в САФУ в рамках проблемы «этнокультурное пространство Российской Арктики». Проблеме «циркумполярной цивилизации» отведено достаточное место в последней монографии директора ИУиР САФУ проф. Юрия Лукина «Великий передел Арктики»⁴. Как мы уже заметили выше,

⁴ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

тема циркумполярной цивилизации постоянно находит лженаучное сопровождение. Так случилось и с ИУиР САФУ. Директор научного подразделения проф. Юрий Лукин допустил на страницы редактируемого им и претендующего на статус научного журнала «Арктика и Север» сочинение главного научного сотрудника Ботанического сада из Владивостока проф. А. Галанина. Другую книгу ботаника А. Галанина, возмнившего себя историком Арктики, до недавнего времени можно было найти на страницах ИУиР на сайте САФУ⁵.

В связи с этим заметим, что для борьбы за Арктику и её ресурсы мы для начала должны отказаться от сомнительных теорий и ложного понятийного аппарата, навязываемых нам нашим геополитическим противником. То, что мы некритически воспринимает их, — признак нашей слабости. В продолжение означенной статьи мы и собираемся сообщить об истинных намерениях заморских авторов лженаучной теории циркумполярной цивилизации.

⁵ Осторожно: лженаука! — Галанин А. В. Vjarmland — Русь Беломорская // Арктика и Север. 2011. № 2. С. 128–161.

«Циркумполярные коренные народы» — инструмент изгнания России из Русской Арктики

Ключевое положение в идеологии новой этнополитики в Арктическом регионе Запада и Норвегии, в частности, занимает теория т. н. «циркумполярной цивилизации». В предыдущей нашей статье мы писали об этой лженаучной категории. Напомним, что продвигаемая к нам с Запада в Россию теория утверждает, что, помимо пришедших в приарктический регион современных цивилизаций Запада и Евразии (России), здесь функционирует своя оригинальная цивилизация коренных народов Севера — «циркумполярная цивилизация». Её принципиальной характеристикой якобы является надграничность. Последнее свойство весьма характерно для проповедуемой глобализмом политики надграничной регионализации как современной альтернативы существующим национальным государствам. Поэтому описание в самых возвышенных тонах «циркумполярной цивилизации», на самом деле, как мы отметили, ложной категории — само по себе ужестораживает.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что теория «циркумполярной цивилизации» служит идейным основанием для «новой политики» Запада по отношению к т. н. «коренным народам».

Находящиеся на службе у глобализма этнополитологи утверждают, что на смену прежним «традиционалистским» и «протекционистским» подходам в политике по отношению к «коренным народам», в том числе в случае с Россией к малым народам Севера, идёт новая т. н. «демократическая политика». Она якобы позволит малым народам Севера самим решать свои проблемы при минимальном влиянии внешнего мира, но при этом, правда, при «разумной опеке» и режиме максимального благоприятствования со стороны государства и неправительственных организаций (sic!). В случае с Россией транснациональная (наднациональная) новая «демократическая политика» по отношению к малым народам Севера будто бы исключит «субъективный фактор» при проведении региональной политики как со стороны местных элит, так и федерального центра. Т. е., фактически, нам разъясняют, что государство Российское перестанет быть главным фактором при проведении политики по отношению к малым народам Севера. На этой сцене его потеснят новые «демократические» акторы.

Истоки новой «демократической политики» уходят в 50–60-е гг. XX в. Но на самом деле первые импульсы к ней дало антиимпериалистическое движение народов Третьего мира, порождённые тогда крахом мировой колониальной системы. Её инициатором в ООН и других международных организациях были политические круги из Движения неприсоединения. И лишь позднее эту политику освобождения Третьего мира оседлал и начал приспосабливать для своих нужд «золотой миллиард».

В юридическом аспекте истоки нынешней «демократической политики» были заложены в 1957 г. конвенцией Международной организации труда №107 («Конвенция о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах»). Тогда впервые в международное право было введено понятие «коренное население». Принципиальное изменение основ политики по отношению к малым народам, поставившим её на службу глобализма, произошло в 1980-х гг. прошлого века. В 1982 г. Организация Объединённых Наций официально признала ключевое понятие нынешней новой «демократической политики» — «коренной народ». В 1982 г. в Женеве была создана Рабочая группа по коренным народам, представляющая собой специальный форум экспертов по став-

шим тогда модными правам человека. Зримым свидетельством перехвата глобализмом политики в рассматриваемой сфере стала конвенция Международной организации труда №169 («Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах»). Конвенция №169 заменила конвенцию №107, сделав последний документ недействительным. Принципиальная разница между двумя документами видна уже в названии двух конвенций. Если в первом документе 1959 г. речь шла о «коренном и другом населении, ведущем племенной и полуплеменной образ жизни», то в конвенции №169 1989 г. говорилось уже о «коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни», т. е. в первой части принципиально об иной уже сущности.

Итак, что такое «коренной народ» в определении этого документа международного права?

1. Народы в независимых странах рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период её завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ (ст. 1. § 1 b). (Здесь конвенция оказалась прямо направлена против полиэтнических незападных государств-империй — СССР и КНР, поскольку колониальных империй Запада в этот момент в прежнем виде уже не существовало.)

2. Указание самих народов на их принадлежность к числу коренных рассматривается как основополагающий критерий для отнесения их к этой категории (ст. 1. § 2).

Составной частью концепции «коренного народа» является связь его с территорией. Раздел 2-ой конвенции МОТ №169 1989 г. специально рассматривал проблему собственности «коренных народов» на земли:

1. Земли и территории имеют особую важность для культуры и духовных ценностей коренных народов (ст. 13. § 1).

2. Под землёй и территорией понимается вся окружающая среда районов, которые занимают или используют иным образом соответствующие народы (ст. 13. § 2).

3. За коренными народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают (ст. 14. § 1).

4. Специальные меры принимаются для охраны прав коренных народов на природные ресурсы, относящиеся к их землям. Эти права включают право указанных народов на участие в пользовании и управлении этими ресурсами и в их сохранении (ст. 15. § 1).

5. В случаях, когда государство сохраняет за собой собственность на минеральные ресурсы или ресурсы земных недр или права на другие ресурсы, относящиеся к землям, правительства устанавливают процедуры, посредством которых они проводят консультации с указанными народами с целью выяснения, наносится ли, и в какой степени, ущерб интересам этих народов — до начала осуществления или до выдачи разрешения на осуществление любых программ по разведке или эксплуатации таких ресурсов, относящихся к их землям. По мере возможности, соответствующие народы участвуют в результатах такой деятельности и получают справедливую компенсацию за любой ущерб, который может быть причинён им вследствие такой деятельности (ст. 15. § 2).

Отметим характерную особенность новой «демократической политики» по отношению к «коренным народам». В момент общего торжества либерализма «демократическая политика» принципы этого либерализма, с их абстрактно понимаемым экономическим и политическим равенством, как раз и отвергает через установление коллективных прав этнических групп, связанных с приоритетами в области природопользования, образования, социального обеспечения и т. д. Поэтому «демократическая политика» сразу же находит отторжение у местного населения, отнесённого к «некоренной» его части.

В обстановке инициированной Михаилом Горбачёвым кампании «нового политического мышления», связанной с иллюзиями по поводу нового мирового порядка, СССР в 1989 г. присоединился к Конвенции МОТ № 107 «О защите коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». Так понятие «коренное население» было введено в отечественное правовое поле. Что касается понятия «коренной народ», то у нас в официальных документах оно впервые использовалось в 1992 г. в указах президента Российской Федерации Бориса Ельцина. В указе № 118 от 5 февраля 1992 г. есть предложение о ратификации

Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах». В указе № 397 от 22 апреля 1992 г. содержится распоряжение президента «подготовить до конца 1992 г. и внести в Верховный Совет РФ проекты законов «О правовом статусе коренных народов Севера» и «О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера». Однако последствия для национальных отношений в Российской Федерации в случае принятия Конвенции МОТ № 169 были сразу же осознаны руководством Российской Федерации. Согласно смыслу этого документа, все народы, кроме русского, в Российской Федерации становились «коренными», а 80% территорий страны подпадало под категорию «завоёванных» и «колонизованных». В конкретной ситуации 1992–1995 гг. принятие Конвенции МОТ № 169 стало бы ещё одним фактором, способствующим идущему тогда в Российской Федерации «параду суверенитетов». Но ельцинисты не нашли в себе мужества при сложившихся тогда условиях вообще отказаться от понятия «коренной народ» и вернуться к традиционным российским определениям. Они пошли по пути синтеза понятий из международной и отечественной юридической практики — соединение «коренной» с «малочисленным», происшедшего от советской «малой народности Севера». В Конституцию Российской Федерации 1993 г. была включена специальная статья 69, в которой было определено, что «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». Итак, существенной ошибкой российского законодательства стал отказ от традиционной советской юридической терминологии, определявшей приарктические этносы СССР как «малые народности Севера» и переход в этом отношении на «международные стандарты» с их понятием «коренной народ». Здесь в ключевой юридической формулировке была заложена двусмысленность. На следующий, 1994 год Конвенция МОТ № 169 не была ратифицирована Россией под предлогом того, что возникают трудности:

- 1) в определении конкретных бенефициариев прав;
- 2) в определении кадастров территории традиционного землепользования;
- 3) в определении видов использования природных ресурсов и форм их собственности.

Практические коллизии в связи с введением в российское право понятий международного законодательства сразу же отразились в федеральном законе «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19 июня 1996 г. (№ 78-ФЗ). В этом законе в статье 6 российские арктические этносы определяются в полном согласии с Конституцией 1994 г., как «коренные малочисленные народы» Севера. Понятию даётся следующее разъяснение: «Коренные малочисленные народы Севера — народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». Аналогичное определение понятия «коренной малочисленный народ» в российском законодательстве было вновь повторено в статье 1-ой закона 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Таким образом, частичное возвращение к юридической терминологии советского права состоялось — «малочисленные народы Севера» вместо советского «малые народности Севера», правда, с добавлением понятия «коренной», которое пришло к нам, повторимся, из международного права. В определении российских народов Севера было заложено, таким образом, ещё одно противоречие со стандартом «международного законодательства» — норма численности населения. В связи с этим получается, что коми и якуты, к примеру, не относятся к «коренным малочисленным народам Севера». Что порождает известные коллизии внутри этноса — этническая фрагментация в связи со стремлением отдельных групп получить статус «коренного малочисленного» (пример коми-ижемцев) и дополнительные претензии коми к федеральному Центру. Появляется новый повод для национальных движений финно-угорских народов в России — требовать принятия Россией международного стандарта понятия «коренные народы».

Обратим внимание и на то, что рассматриваемый федеральный закон № 78-ФЗ, в отличие от международной конвенции № 169, не закрепляет за коренными малочисленными народами право собственности на земли «традиционного проживания, хозяйственной деятельности и природопользования».

С 2000 г. действующим документом является утверждённый распоряжением правительства перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В настоящее время к их числу официально относят 47 народов, из них — Севера, Сибири и Дальнего Востока — 40 народов. Последние расселены компактными группами в 28 субъектах Российской Федерации. По переписи 2010 г., их общая численность составляла 257 895 чел. При этом численность отдельных народов колеблется от 44 640 чел. (ненцы) до 227 чел. (энцы). Перепись 2010 г. не выявила представителей малочисленного народа Севера — алыторцев. Народ керекти, по переписи, представлен всего 4 человеками.

Расхождение в трактовке в российском законодательстве понятия «коренной народ» с международным стандартом было очередной раз продемонстрировано в распоряжении правительства Российской Федерации «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 4 февраля 2009 г. Во введении было дано следующее разъяснение: «Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российского государства». Напомним, что по международной конвенции МОТ № 169 коренными народами в суверенных государствах рассматриваются потомки тех, кто населял эту страну, в период её завоевания или колонизации.

Не стояло на месте последние годы в трактовке прав «коренных народов» и международное законодательство. Последним документом здесь стала декларация ООН о правах коренных народов, принятая на 107-м пленарном заседании Генеральной Ас-

самблеи ООН 13 сентября 2007 г. Отметим, что в этом документе окончательно выпало упоминание о связи «коренных народов» с племенным и полуплеменным образом жизни. Речь в Декларации ООН идёт исключительно о «коренных народах». Новым стало то, что декларация дополнительно добавила в международное законодательство в самых решительных выражениях положения о политических правах «коренных народов»:

1. Коренные народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно осуществляют своё экономическое, социальное и культурное развитие (ст. 3); 2. Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций (ст. 4). При этом статья 46 Декларации, правда, оговаривает, что ничто в ней «не может толковаться как подразумевающее какое-либо право любого государства, народа, группы лиц или отдельного лица заниматься любой деятельностью или совершать любые действия в нарушение Устава Организации Объединённых Наций или рассматриваться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных и независимых государств». Однако в связи с этим отметим провокационную по содержанию статью 9 Декларации: «Коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право принадлежать к коренной общине или народности в соответствии с традициями и обычаями данной общины или народности». В оригинальном английском тексте речь идёт на самом деле о праве принадлежать к нации (*to belong to an indigenous community or nation*). Под последней же как раз и может пониматься собственная государственность. Поэтому не случайно, что Россия воздержалась от голосования по этой Декларации ООН и потребовала внести ряд изменений в русский текст этого документа. Заметим, что против декларации выступили США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, т. е. государства, возникшие на базе англосаксонских колоний. Но при ближайшем рассмотрении следует признать, что «новая демократическая политика» по от-

ношению к «коренным народам» не несёт угроз США, поскольку с формально-юридической правовой точки зрения проблема территорий давно решена. Индейцы Северо-Американского континента были истреблены, оставшееся туземное население согнано в резервации, и с ним об этом правительство США под угрозой истребления подписало договоры. Заметим также, что более половины индейцев Канады также проживает в резервациях.

Отметим конфликтный потенциал «новой демократической политики» применительно к Российской Федерации и перечислим его факторы. «Новая демократическая политика» подходит к коренным малочисленным народам Севера, как к однородному объекту управленческого воздействия и права. На практике же мы имеем дело с пёстрым конгломератом сообществ, общин и групп, имеющих каждый свой интерес. Поэтому очень сложно согласовать их с интересами государства. Сложно решать проблемы обеспечения их коллективных прав, поскольку на Русском Севере коренные малочисленные народы в районах своего традиционного проживания составляют в целом менее 10% населения, а в некоторых районах — не более 1%. В чём заключается угроза «новой демократической политики»? В том, что нам извне пытаются в этой деликатной сфере межнациональных отношений внедрить механизм для обслуживания и продвижения крупного транснационального бизнеса.

«Вживление» этих механизмов в нынешнюю российскую действительность — вот где находятся основные риски. Мы очень плохо умеем играть по устанавливаемым «ими» правилам. Далее доступ к этим ресурсам будет определять «мировой рынок». Оправдательную санкцию на эту операцию будут давать «племенные вожди». В связи с этим следующее обстоятельство, на которое следует обратить внимание, — это представительство коренных и малочисленных народов Севера. Когда международные организации или российское государство имеют отношения с ними, то практические дела они ведут с активистами этих народов. Отметим, что глобалисты всячески стремятся привлечь актив на свою сторону. При этом в ход идёт лесть и соблазн. Коренные малочисленные народы Российской Федерации рассматриваются как нечто целое, связанное общностью с другими коренными народами Арктики. Всё это объявляется «циркумполярной цивили-

лизацией». Стратегма борьбы Запада на этом направлении проста. Она сводится к оттеснению России от находящихся пока под её суверенитетом «коренных и малочисленных народов», фактическому отделению «циркумполярной цивилизации» от России. При этом формально правовую санкцию на это должны дать сами эти народы в лице их купленных «племенных вождей». Последних глобалисты соблазняют относительно высоким уровнем жизни арктических коренных народов скандинавских стран, Канады и США. Однако благосостояние этих аборигенов связано отнюдь не с их традиционной жизнедеятельностью, а с тем, что они встроены в стандарт потребления «золотого миллиарда». Для последнего же это несложно. К примеру, численность всего коренного населения Канады не превышает 0,7% населения страны. Отметим, что глобалистов не интересует судьба и благосостояние туземцев, их интересуют территории и ресурсы. Что касается Российской Федерации, то в нынешнем её состоянии дать стандарт потребления и жизни «золотого миллиарда» она неспособна. Речь идёт не только о ресурсах, культуре, о состоянии госаппарата, но и о чисто практической стороне дела. Здесь самое главное — отсутствие федерального земельного кадастра. Поэтому федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» не действует. В этих условиях борьба за территории и ресурсы оборачивается бесконечной чередой конфликтов. Что можно порекомендовать в качестве первой меры по их преодолению — это вернуться, раз мы являемся самодостаточной цивилизацией, к традиционной для России юридической терминологии для определения малых народов Севера. Пока что сейчас становится очевидным, что «актив» малых народов Севера часто расходится в понимании с государством Российским сущности понятия «коренной народ».

Кто и как начал отторгать Русскую Арктику от России?

Политическим актом, открывшим путь к сотрудничеству в Арктике СССР (России) и стран Запада и созданию т. н. Баренцева региона, стала речь генерального секретаря КПСС Михаила Горбачёва 1 октября 1987 г. в Мурманске. В ней, в частности, он сказал: «Требуют специального внимания вопросы, связанные с интересами коренного населения Севера, с изучением его этнических особенностей, развитием культурных связей между северными народностями».

Так впервые в новейшую эпоху в приарктическом регионе был поставлен вопрос о современном межгосударственном сотрудничестве по проблеме «коренных народов» Арктики. Отметим терминологическую двусмысленность в речи М. С. Горбачёва, весьма характерную для всей эпохи перестройки и т. н. «нового мышления». С одной стороны, в его выступлении присутствует традиционное для советского права понятие «северные народности» (сравни: «малые народности Севера»). А с другой — новация — «коренное население Севера», под которым его слушатели в Мурманске, советские люди, могли воспринять себя. Так, по видимому, и произошло, поскольку этот фрагмент в речи генерального секретаря КПСС они прервали аплодисментами. Но, как показали дальнейшие шаги первого и последнего президента

СССР, под «коренным населением» всё-таки понимались прежние советские «малые народности Севера».

Спустя два года в 1989 г. СССР присоединился к Конвенции МОТ №107 «О защите коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». Понятие «коренное население» было введено в отечественное правовое поле. Оно и было использовано в базовом документе при учреждении трансграничного Баренцева региона в 1993 г. — «Декларации о сотрудничестве в Баренцевом евроарктическом регионе», принятой на Конференции министров иностранных дел России, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании и Исландии в Киркенесе 11 января 1993 г. В специальном разделе «Коренное население» названной декларации мы читаем: «участники вновь подтвердили свою приверженность обеспечению прав коренного населения Севера в соответствии с целями, поставленными в разделе 26 о коренных народах Повестки дня XXI века. Они заявили о своей приверженности укреплению коренных общин региона и заверили, что начинаемое сотрудничество будет принимать во внимание интересы коренного населения».

Однако если мы обратимся к оригинальному тексту Киркенесской декларации о сотрудничестве в Баренцевом евроарктическом регионе на английском языке, то во всех случаях там используется понятие «indigenous peoples», т. е. «коренные народы». Сам раздел так называется — «Indigenous peoples». Сравним текст в означенном фрагменте на английском языке: «The Participants concerned reaffirmed their commitment to the rights of their indigenous peoples in the North in keeping with the objectives set out in Chapter 26 on Indigenous People of Agenda 21. They stated their commitment to strengthen the indigenous communities of the Region, and to ensure that the cooperation now being initiated will take the interests of indigenous peoples into consideration».

Таким образом, с международно-юридической точки зрения российская сторона в лице тогдашнего министра иностранных дел Андрея Козырева исходила из трактовки понятия «коренное население», данное Конвенцией МОТ №107 1957 г. («Конвенция о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах»). А западные подписанты Декларации, в частности нор-

вежды, из трактовки понятия «коренной народ» из конвенции МОТ № 169 («Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах»). Напомним, что в последнем случае под «коренным народом» понимаются потомки тех, «кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период её завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ» (Конв. МОТ № 169. ст. 1. § 1 b). По сравнению с этим под «коренным населением» в принятой СССР Конвенции МОТ № 107 1957 г. понималось только население, «ведущее племенной или полуплеменной образ жизни» (Конв. МОТ № 107. ст. 1. § 1 b).

Таким образом, наблюдается рассогласованность понятий, допущенная сторонами, подписавшими «Декларацию о сотрудничестве в Баренцевом евроарктическом регионе» в разделе о «коренном населении» / «коренных народах», что недопустимо для международных документов о сотрудничестве. Более того, в русском тексте раздела Декларации о «Коренном населении» трижды допущено использование понятия «коренной народ», на самом деле на тот момент ещё не принятого в российском законодательстве, не принятого и до сих пор. Поэтому неправомерным для российской стороны выглядит обязательство в рассматриваемом разделе Декларации «обмениваться информацией о действующем и готовящемся законодательстве, регламентирующем положение коренных народов в своих странах».

Итак, министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев в рассмотренных примерах проявил некомпетентность и допустил роковые, несвойственные для прежней советской дипломатии эпохи Громыко, промахи, граничащие, на самом деле, с должностным преступлением. Вместе с тем надо отдать должное дипломатической ловкости норвежского премьера Турвальда Столтенберга, который сумел втянуть Россию в Баренцевом регионе по деликатному для неё «национальному вопросу» в западную игру. Как метко заметил один российский дипломат-скандинавист: «Декларация о сотрудничестве в Баренцевом евроарктическом регионе, получившая название Киркенесской, была признана ведущими политиками как искусство возможного».

Международно-правовая ошибка, последствия которой стали очевидными нам только в последние годы, была закреплена тогда же в Киркинесе при подписании руководителями Архангельской и Мурманской областей протокола о создании Баренцева регионального совета. Вместе с ними означенный документ подписали представители норвежских губерний Финмарк, Тромс и Нурланд, финской Лапландии, шведской Норботтен. Полная дипломатическая несостоятельность глав российских регионов проявилась в том, что они согласились в этом документе использовать даже в русском переводе понятие «коренной народ» — «принимать во внимание интересы коренных народов и обеспечивать их активное участие в многостороннем развитии региона». Более того, они не возражали, когда, помимо глав норвежских, финского и шведского регионов, означенный документ в качестве правомочного представителя подписал ещё и представитель т. н. Саамского парламента Норвегии. Этот допущенный главами российских регионов прецедент давал возможность к появлению аналогичного органа аборигенов и в Российской Федерации. Ошибку спишем на некомпетентность глав российских регионов в международных делах. Но где в это время находились российские дипломаты? В 2010 г. в Мурманской области и был создан местный «саамский парламент». Однако юридический повод для его существования был дан при основании Баренцева региона. Не так ли?

Итак, официально объявленная программа деятельности норвежского Баренцева региона в России включает пять направлений. Направление третье — «признание традиционных и культурных нужд, ценностей и интересов коренных народов Арктики». Однако ключевое понятие «коренной народ» юридически по-разному понимается главными участниками «Баренц-сотрудничества». С точки зрения норвежцев, «коренные народы» российского, как они выражаются, сектора Баренцева региона проживают на завоёванной и колонизованной территории. Они занимают не доминирующее, зависимое и дискриминируемое положение. Коренные народы не пользуются в достаточной степени своими коллективными правами. В этом им нужно помочь. После публикации декларации ООН о правах коренных народов, принятой на 107-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи

ООН 13 сентября 2007 г., норвежцы в дополнение стали действовать на основании несколько иной стратегии, которая исходила из положения, что преодолеть «неблагополучие» коренных народов возможно только путём «восстановления» их как «наций» — т. е. целостных социальных систем, обладающих земельной и ресурсной базой для самодостаточного развития и собственными институтами власти, которые составляют особый национально-территориальный уровень управления наряду с федеральным и региональным.

Что касается российской стороны, то она вплоть до последнего времени занималась уточнением понятия «коренной», правда делая это совсем в ином направлении, отличном от норвежского. Уже спустя одиннадцать месяцев после создания Баренц-региона в Конституции Российской Федерации 1993 г. в статье 69 появляется понятие «коренной малочисленный народ». В федеральном законе «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19 июня 1996 г. (№ 78-ФЗ) это понятие получило следующее разъяснение: «Коренные малочисленные народы Севера — народы, проживающие на территориях традиционного проживания своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». В докладе «Об основах государственной политики Российской Федерации в районах Севера» на заседании Президиума Государственного Совета от 28 апреля 2004 г. дополнительно было сформулировано понятие «коренные жители Севера», под которыми понимались «люди, родившиеся на Севере и постоянно проживающие там не менее одного поколения». Расхождение с норвежцами в трактовке понятия «коренной народ» было продолжено в распоряжении правительства «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 4 февраля 2009 г. Во введении было дано собственное российское понимание ключевого понятия субъекта национальной политики, в том числе, отметим мы, и в Баренц-регионе: «Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особен-

ностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российского государства».

Таким образом, заложенная при основании Баренц-региона в его основной документ — Декларацию — рассогласованность в трактовке базового понятия в сфере сотрудничества по «коренному населению» (российский вариант) или «коренным народам» (норвежский вариант) со временем не уменьшилась, а даже увеличилась, став юридическим основанием для конфликта.

Вместо послесловия

— Дяденьки, хотите, я вам сказку «Колобок» расскажу?.. — пятилетний босоногий мальчишка пылил по деревенской улице за степенно идущими мужиками.

Мужики переглянулись.

— Так ведь рассказывал уже, — сказал один из них.

— А я ещё могу.

— Беги к мамке, а то далеко от избы уйдёшь, заплутаешь, — сказал один из мужиков, и добавил:

— Ишь ты, «Колобок»...

Пять лет было моему прапрадеду в середине девятнадцатого века, когда он выучил сказку «Колобок». «Я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл...». Рассказывал он эту сказку в селе, стоявшем в Шенкурском уезде Архангелогородской губернии каждому встречному. Сначала его слушали в охотку, но потом его «Я от дедушки ушёл...» надоело всему селу хуже горькой редьки.

Мальчишка был маленький и не понимал, что в любом деле главное вовремя остановиться, поэтому вскоре и приклеилось к нему прозвище «Колобок». Приклеилось на всю оставшуюся жизнь, и называли его «Колобком» даже тогда, когда из Миши он стал Михаилом, а потом Михаилом Григорьевичем.

«Колобком» звали и его сына, моего прадеда, Ивана Михайловича, «Колобками» стали и все его дети. Чтобы не говорить длинную фразу «Дети Ивана Михайловича», в селе говорили «Колобки», и всем сразу было понятно, о чьих детях идёт речь.

В детстве шёл с бабушкой по улице села, и она, встретив какую-то дряхлую старушку, заговорила с ней, а старушка никак не могла её узнать, и тогда бабушка спросила: «Ивана Михайловича, «Колобка», помните? Так я его дочь...». После этого старушка заулыбалась: «Мария, так это ты! А я гляжу-гляжу, никак вспомнить не могу...».

Было в их деревенской семье девять детей: четыре сына и пять дочерей. В конце двадцатых и в начале тридцатых годов все взрослые дети уехали из села в Архангельск, остались в селе с матерью только младшие сын и дочь, Саня и Валя. В июне сорок первого Сане исполнилось восемнадцать лет, и призвали его в первый день войны, 22 июня. Погиб Саня весной сорок второго на Волховском фронте. Валентина после войны вышла замуж за молодого парня-односельчанина, прошагавшего по военным дорогам от Москвы до Кенигсберга, и стали они жить деревенской жизнью со всеми её бедами и радостями.

Бабушку, видимо, тянуло в родные места, где прошли её детство и юность, поэтому первый раз она со мной приехала в село, где родилась и выросла, когда мне было шесть лет, и, пока я учился в школе, мы ездили в то село каждое лето.

Лес, река с большим пляжем, прохладный зал сельского клуба, где мы смотрели кино, книжки из сельской библиотеки, а главное — свобода, о которой даже мечтать нельзя в городе, что ещё нужно мальчишке! Деревенское пространство, окружавшее меня, было невелико и в то же время огромно.

Вечерами я слушал разговоры родственников, и уже маленьким понимал, что жизнь в деревне — это труд. Говорили о сенокосе, о заготовке дров, о том, что надо почистить колодец, «срубить» новую баню, и само собой приходило понимание, что все они, и моя бабушка, её сестра, их мать и отец, все они — крестьяне.

Позже, когда я учился в старших классах школы, и на историко-филологическом факультете нашего пединститута, границы мира стремительно расширялись. Раскрывались обложки книг, и я узнавал, что кроме Ваги, есть Холмогоры и Пинега, Онега и Каргополь, Соловки и Мезень.

Как я узнал про поморов? Не помню. Может быть, когда мне в руки попала книжка Юрия Казакова «Северный дневник»?

«Избы в Койде стоят, как корабли на покое. Все они повернуты окнами на юг, на лето, все длинны и высоки, с глухими стенами по бокам, с полукруглыми воротами сзади наверху, с бревенчатыми подъёмами, которые называют здесь съездами.

В этих домах пахнет прошлым веком — старым деревом, старой одеждой, многолетней пылью... Почти все они выстроены семьдесят — сто лет назад, некоторые ещё древнее, но всё стоят, и крепко, и сносу им нет.

В домах пахнет ещё морем: рыбой, сухими водорослями, старыми сетями, сапогами, сшитыми из тюленьей кожи.

Убранство большинства домов старинное — широкие деревянные кровати, шкафы, сделанные прадедом или привезённые из Норвегии, такие же старые стулья и лавки, древние медные рукомыльники, древние фаянсовые тарелки, покрытые густой сетью трещин. Но есть и новый стиль: обилие вышивок, никелированные кровати с горкой подушек, диваны, зеркала на стенах, комоды, крашенные полы в половиках, приёмники и открытки, приколотые где только возможно».

После окончания института я уехал в Мезенский район и прожил там несколько лет. В селе, где я жил и работал, люди были заняты таким же крестьянским трудом, как и в селе, где я проводил в детстве каждое лето, только старинные избы поражали своей величиной да зимними вечерами полыхало на небе северное сияние, которого не было на Ваге.

Были в Мезенском районе и рыболовецкие колхозы, и деревни, жители которых говорили: «Мы — поморы», но всё это было далеко, на берегу моря, а в селе, где я жил, люди себя поморами не называли.

В начале девяностых, когда я снова жил в Архангельске, когда распался Советский Союз и страна колебалась между хаосом и порядком, в городе заговорили о том, что мы можем прожить и сами по себе, что у нас есть лес, рыба и алмазы, что «Поморская республика» — это не так уж и плохо, но потом эти разговоры быстро увяли.

Времена были трудные. Надо было зарабатывать, растить детей, и появившиеся однажды в городе плакаты с нашим рыжебородым губернатором и с яркой надписью «Я — помор!» вызвали лишь усмешку. Какой он «помор», думал я, если все знают, что его родители родом из деревни, стоящей возле дороги Архангельск — Северодвинск, и что из тех мест люди никогда в море не ходили, а рыбу ловили в двинских протоках.

Признание нашего губернатора, что он помор, все сочли чудачеством, т. к. все знали, что человек он был увлекающийся и во всех делах искал «изюминку». Он вбухивал из областного бюджета огромные деньги в нашу хоккейную команду, проводил непонятные кинофестивали с участием московских артистов и даже начал развивать в области спортивную игру флорбол. На фоне этих губернаторских чудачеств увлечение «поморами» казалось невинной забавой.

На прилавках книжных магазинов тогда же стали появляться книги, написанные ректором нашего пединститута. Я брал их в руки, листал и клал обратно. В книгах автор писал о том, что вся территория Русского Севера, это на самом деле Поморье, что мы должны вернуться к истокам, вспомнить своих предков и понять, что мы не просто северяне, мы — поморы. Я недоумевал — какие мы поморы? Для меня поморы жили в Зимней Золотце и Патракеевке, Лопшеньге и Яреньге, Пурнеме и Сумпосаде, а себя я всегда считал русским северянином, живущим на Русском Севере.

Дела закружили-завертели, я уехал из Архангельска, потом вернулся. Нашего губернатора-«помора» на следующий срок не переизбрали, ректор пединститута, успевший не только преобразовать институт в университет, но и дать ему название «Поморского», умер прямо на лестнице в здании областной администрации, когда шёл на приём к новому губернатору, и за большими переменами не были видны перемены маленькие.

Постепенно телекомментаторы перестали говорить «Архангельск — столица Русского Севера», всё чаще говорили «Архангельск — столица Поморья», и однажды я понял, что «Поморья» у нас стало очень много. Государственная телевизионная и радиовещательная компания — «Поморье», соответственно и местное телевидение у нас — «Поморье», и радио тоже «По-

морье». Фирменный поезд Архангельск — Москва — «Поморье», ТВ-программа — «Вести Поморья», гостиница — «Столица Поморья», журнал — «Поморская столица», филармония — «Поморская», и даже водка такая есть — «Поморская».

Журналисты писали: «Поморье — это наш бренд». Чиновники из областной администрации подхватывали: «Да, нам нужен бренд. Нам нужно привлекать туристов». А я-то думал, что туристов привлекают приведёнными в порядок памятниками истории и культуры, хорошими дорогами и уютными недорогими гостиницами.

Москвичка, поездив неделю по Архангельской области, посчитала деньги, которые она потратила на транспорт и гостиницы, и сказала, что на эти деньги она могла бы отдохнуть две недели в Турции.

Какой, прости Господи, «бренд»? Я был на Соловках, в Шенкурске, в Каргополе, на Кий-острове, спускался на байдарке по Кокшеньге, Устье и Ваге, однажды с рюкзаком за плечами прошёл по Кенозерью от Лекшмозера до Вершинино — какой «бренд»? Надо страну приводить в порядок, а не заманивать туристов «брендами» и мифическими красотами.

Как-то, зайдя в «Дом книги» на площади Ленина, увидел в отделе краеведческой литературы «Словарь поморского языка». Взял, полистал... «Это самостоятельный язык отдельного народа...». Это поморы-то отдельный народ? Положил книгу назад. Подумал — ещё один самодеятельный историк решил, что он знает, как всё было на самом деле.

В городе несколько лет говорили об образовании федерального университета, и наконец он появился, но почему-то с двойным названием Северный-Арктический. Спустя некоторое время в университет влился и Поморский университет, бывший пединститут, в котором я учился.

В феврале 2012 года, просматривая сайт нашего нового университета, я увидел, что в нём появился Поморский институт коренных и малочисленных народов Севера. «Хорошее дело, — подумал я, — коренные и малочисленные народы надо обязательно изучать и спасать, чтобы они не исчезли с лица Земли». Открыл Интернет-страничку этого института и не поверил своим глазам. «Славяне появились на Белом море задолго до новгородцев...»,

«Поморы — метисное население Архангельской области». Посмотрел, кто такое написал. Сотрудник института, только по образованию этот сотрудник — не историк и не филолог, а юрист. Стал читать дальше. «Протопоморские поселения...», «за тысячи лет...», «на мой взгляд». Какие «протопоморские поселения»? Что значит «на мой взгляд»? Любой «взгляд» учёного должен быть чем-то подтверждён: лабораторными исследованиями, результатами экспериментов, а если речь идёт об ученом-историке — документами, отчётами археологических раскопок, результатами других исследований, и если их нет, то говорить «на мой взгляд» или «есть версия» просто смешно.

А директор Поморского института оказался тем самым автором «Словаря поморского языка», который я несколько лет назад видел в книжном магазине.

Начальство-то университетское, наверное, и не знает, чем ребята в этом институте занимаются, подумал я. Оказалось, знают! Не только знают, но, видимо, и поддерживают их. То-то наши местные филологи, которые год назад стали работать в САФУ, никак не высказываются по поводу утверждения, что у поморов есть свой язык. Раньше считалось, что это не язык, а говор, диалект, а сейчас не поймёшь что, но филологи ни гу-гу. Помню, в семидесятые годы на филологическом факультете постоянно устраивались диспуты, конференции, шли обсуждения новых книг и статей, а сейчас по поводу «поморского языка» — тишина. Что, дана команда молчать? А почему?

Почему сейчас все говорят, что с норвежцами у поморов всегда были прекрасные отношения? Все ведь знают, что на местах морских промыслов с ними были постоянные конфликты. Поморы постоянно писали об этом жалобы губернским властям, и эти жалобы до сих пор лежат стопками в папках в Архангельском областном архиве. И журналисты каждую весну писали в газетах, что пока наши зверобои ждут, когда Белое море очистится ото льда, норвежцы уже бьют зверя на местах их промыслов. Разве этого не было? Почему историю наших взаимоотношений с норвежцами в последние годы стали осыпать яркими блёстками? Где наши архангельские историки, почему они молчат?

А наши архангельские историки потихоньку пришли к выводу, что наш первый российский академик Михаил Василье-

вич Ломоносов — помор! Я же многих наших историков знаю: у кого-то учился, кто-то учился вместе со мной или курсом младше меня, и никто тогда не заикался о поморском происхождении Ломоносова. А год назад как прорвало, причём не одного, а сразу нескольких. Хором запели: «Ломоносов — помор... Ломоносов — великий помор...». Но почему? И как в случае с филологами — опять тишина... А директор Поморского института Иван Мосеев в статье, опубликованной в одной из архангельских газет, пишет: «Любое давление со стороны учёных недопустимо».

Это что же получается? Мы почти перестали быть Русским Севером и стали Поморьем. Сейчас нам говорят, что поморы — это и русские, и в то же время — они отдельный народ (некоторые договорились до того, что поморы — нация) и что «поморский говор» не диалект русского языка, а отдельный язык.

Об этом можно думать и можно говорить? Можно, но это должно обсуждаться! А ведь никто не обсуждает, как будто все, в первую очередь наши учёные, с этим согласились. Вот это очень и очень непонятно.

Что вообще происходит? Зачем появился в Архангельске федеральный университет? Чтобы потихоньку вылепить из нас «новых поморов»? Может быть, через два — три года мы услышим, что на территории Российской Федерации появился маленький, но гордый народ — поморы, что и жители Архангельской области — теперь тоже поморы?

Литература

Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009.

Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009.

Ефименко П. С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии. М., 2008.

Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...» Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // Русский Сборник. Т. VIII. М., 2010. С. 26–52.

Помор: Северная Норвегия и Север России на протяжении десяти веков. Под ред. Э. Ниemi. Осло, 1992.

Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман. Очерки истории края XIX — начала XX в. Екатеринбург, 1999.

Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.

Не век жить — век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (По материалам Онежских экспедиций). Онега, Архангельск, Москва, 2006.

Белобородова И. Н. Евро-арктический Баренцев регион в геополитической перспективе // Международные отношения на постсоветском пространстве. Под ред. И. Д. Звягельской, Н. А. Косолапова. М., 2000.

Малые этнические и этнографические группы: Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса. Под ред. В. А. Козьмина. СПб., 2008.

Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001 гг. Новосибирск, 2003.

Шабаев Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–63.

Шабаев Ю. П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // Мир России. 2004. № 3. С. 48–70.

Шабаев Ю. П. «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 13–27.

Шабаев Ю. П. Национальные отношения. «Бунтующая этничность» на Европейском Севере России // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 95–104.

Егоркин В. Г. Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации на Русском Севере // TerraHumana. 2010. № 10. С. 185–191.

Семушин Д. Л. Поморье и поморы: структура одного исторического мифа // Арктика и Север. 2012. С. 45–58.

Семушин Д. Л. Поморское возрождение в России: реалии, исторические мифы и фальсификации // Русский Сборник. Т. XII. М., 2012. С. 464–498.

Халтурин А. Н. Правовое регулирование поморской идентичности // М. В. Ломоносов — великий сын России. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Архангельск, 2011. С. 149–153.

История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах местных жителей. Москва, Архангельск, 2011.

Леонтьев А. И. Зимняя сторона. Архангельск, 1999.

Новиков А. В. Деревни Лешуконья: исторические очерки. Архангельск, 2007.

Ульянов И. М. Страна Помория. 1984.

Ульянов И. М. О времени и о себе. Жизнь помора из Унежмы. Автобиографическая повесть. 1992.

Дмитрий Семушин

«Поморский вопрос» и Русская Арктика

Сборник статей
под редакцией М. А. Колерова

Издательский Дом «Регнум»

115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227

www.ridr.ru

Подписано в печать 12.02.2013. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «МТК press».
Ярославль, ул. Промышленная, д. 1, стр. 5.